

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени В.Н. КАРАЗИНА

**КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС**

**Направление “Филология”**

**№ 12**

Международный электронный сборник научных трудов

Основан в 2010 г.

Харьков  
2016

Статьи данного выпуска содержат результаты исследований лингвистов Украины, Армении и России, рассматривающих проблемы базовых принципов и методик когнитивно-дискурсивного анализа; художественного, телеономного и мифологического лингвистического концептов; способов аргументирования оценки, средств эмпатии, коммуникативного молчания в дискурсе; культуры речи и языковой личности лингвиста-шутника на материале украинского, английского, немецкого, французского, армянского и русского языков.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Утверждено решением Ученого совета  
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина  
(протокол № 5 от 25 апреля 2016 г.)

**Редактор:**

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

**Ответственный секретарь:**

Е.В. Бондаренко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

**Редакционная коллегия:**

- Д. Александрова, доктор философии (университет Климента Охридского, г. София, Болгария)  
Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)  
Д. Вандервекен, доктор философии (университет Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада)  
С.А. Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)  
В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет, Россия)  
Е.А. Карпиловская, докт. филол. наук (Институт украинского языка Национальной академии наук Украины, Украина)  
Г. Коллер, доктор философии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)  
Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)  
А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
Ф.Д. Матито, доктор философии (университет Ла Риоха, г. Мадрид, Испания)  
Л.М. Минкин, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)  
Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
В.Г. Пасынок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина)  
В.А. Самохина, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
Е.А. Селиванова, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)  
Г.Г. Слышкин, докт. филол. наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия)  
Л.В. Солощук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
М. Фриман, доктор философии, почетный профессор (Вэлли Колледж, г. Лос-Анжелес); со-директор (Мэрифилд институт когниции и гуманитарных наук, г. Хит, США)  
Н. Чабан, доктор философии (университет Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия)  
В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Россия)

**Адрес редакционной коллегии:**

Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4  
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина  
Факультет иностранных языков Тел.: (057) 707-51-44  
irina.shevchenko7@gmail.com

Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст дается в авторской редакции.

Статьи прошли внутреннее и внешнее рецензирование.

Периодичность – 2 выпуска в год.

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ  
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ  
імені В.Н. КАРАЗІНА

**КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС**

**Напрямок “Філологія”**

**№ 12**

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Започаткований у 2010 р.

Харків  
2016

Статті даного випуску містять результати досліджень лінгвістів України, Вірменії та Росії, що розглядають проблеми базових принципів і методик когнітивно-дискурсивного аналізу; художнього, телеономного і міфологічного лінгвістичного концептів; способів аргументування оцінки, засобів емпатії, комунікативного мовчання в дискурсі; культури мовлення і мовної особистості лінгвіста-жартівника на матеріалі української, англійської, німецької, французької, вірменської та російської мов.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено рішенням Вченої ради  
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна  
(протокол № 5 від 25 квітня 2016 р.)

**Редактор:**

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

**Відповідальний секретар:**

Є.В. Бондаренко, доктор філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

**Редакційна колегія:**

- Д. Александрова, доктор філософії (університет Климента Охридського, м. Софія, Болгарія)  
Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)  
Д. Вандервекен, доктор філософії (університет Квебека, м. Труа-Рив'єр, Канада)  
С.А. Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)  
В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет, Росія)  
Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук (Інститут української мови Національної академії наук України, Україна)  
Г. Коллер, доктор філософії (університет імені Фрідріха Александра, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)  
Г.М. Манаєнко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)  
А.П. Мартинюк, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
Ф.Д. Матіто, доктор філософії (університет Ла Риоха, м. Мадрид, Іспанія)  
Л.М. Мінкін, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
С.А. Моїсеєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)  
О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
А.М. Приходько, докт. філол. наук (Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Україна)  
В.О. Самохіна, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
О.О. Селіванова, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)  
Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Російська академія народного господарства і державної служби при Президентові Російської Федерації, м. Москва, Росія)  
Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
М. Фріман, доктор філософії, почесний професор (Веллі коледж, м. Лос-Анжелес); співдиректор (Мерифілд інститут когніції та гуманітарних наук, м. Хіт, США)  
Н. Чабан, доктор філософії (університет Кентербері, м. Крайстчерч, Нова Зеландія)  
В.Є. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний політехнічний університет (Росія)

**Адреса редакційної колегії:**

Україна, 61022, м. Харків, майдан Свободи, 4  
Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна  
Факультет іноземних мов. Тел.: (057) 707-51-44

irina.shevchenko7@gmail.com

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст подано в авторській редакції.

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування.

Періодичність – 2 випуски на рік

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF UKRAINE

V.N. KARAZIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

**COGNITION, COMMUNICATION, DISCOURSE**

**Series “Philology”**

**# 12**

International on-line journal

<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Published since 2010

Kharkiv  
2016

This issue focuses on the results of research of Ukrainian, Armenian and Russian linguists addressing the basic principles and methods of cognitive and discursive analysis; artistic, teleonomic and mythological linguistic concepts; means of evaluative argumentation, means of empathy, communicative silence in discourse; culture of speech and on the linguist-joker as a linguistic personality on the material of Ukrainian, English, German, French, Armenian and Russian languages.

For linguists, teachers, graduate students and undergraduates.

**Editor:**

Iryna Shevchenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine, [irina.shevchenko7@gmail.com](mailto:irina.shevchenko7@gmail.com))

**Executive Secretary:**

Y.V. Bondarenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine; [ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com](mailto:ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com))

**Editorial Board:**

Donka Alexandrova, Doctor, Professor (University St.Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria)  
 A.D. Belova, Doctor, Professor (Kyiv National Taras Shevchenko University, Ukraine)  
 L.R. Bezugla, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 Natalia Chaban, PhD, Associate Professor (University of Canterbury, Christchurch, New Zealand)  
 V.E. Chernyavskaya, Doctor, Professor (St. Petersburg State Research Polytechnical University, Russia)  
 Margaret H. Freeman, PhD, Co-director of Myrfield Institute for Cognition and the Arts, Health; Professor Emeritus (Valley College, Los Angeles, USA)  
 Vladimir Karasik, Doctor, Professor (Volgograd State Pedagogical University, Russia)  
 Y.A. Karpilovska, Doctor, Professor (Ukrainian Language Institute, National Academy of Sciences, Kyiv, Ukraine)  
 Gerhardt Koller, PhD, Professor (Friedrich Alexander University, Erlangen-Nuremberg, Germany)  
 G.N. Manaenko, Doctor, Professor (Stavropol State Pedagogic Institute, Russia)  
 A.P. Martyniuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 Dominguez Matito, F., PhD, Professor Titular (University of La Rioja, Spain)  
 L.M. Minkin, Doctor, Professor (Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine)  
 S.A. Moiseyeva, Doctor, Professor (Belgorod State Research University, Russia)  
 E.I. Morozova, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 V.G. Pasynok, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 A.M. Prikhodko, Doctor, Professor (Dnepropetrovsk National University, Ukraine)  
 V.A. Samokhina, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 O.O. Selivanova, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)  
 G.G. Slyshkin, Doctor, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)  
 L.V. Soloschuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 Daniel Vanderveken, PhD, Full Professor (University of Quebec at Trois-Rivières, Canada)  
 S.A. Zhabotinska, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

**Editorial Address:**

Ukraine, 61022, Kharkov, Svobody square, 4  
 (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 Faculty of Foreign Languages  
 Tel.: (057) 707-51-44

Internet-page: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

All articles are peer reviewed  
 Published 2 issues a year

Recommended by the Academic Council of V.N. Karazin Kharkiv National University  
 (Minutes № 6 of 28 May 2010)

## СОДЕРЖАНИЕ

Аувазян А.В. GENERAL TOKENS OF THE PHENOMENON OF SILENCE IN COMMUNICATIVE PROCESS .....	8
Мартынюк А.П. КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА: В ПОИСКАХ БАЗОВЫХ ПРИНЦИПОВ И МЕТОДИК АНАЛИЗА.....	17
Маслова Ж.Н. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КОГНИТИВНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ.....	36
Пасынок В.Г. МАСТЕРСТВО РЕЧИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКОЛИНГВИСТИКИ.....	52
Приходько А.И. АЛЛЕТИЧЕСКИЙ И ДЕОНТИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ АРГУМЕНТИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ.....	62
Приходько А.Н., Павленко Л.В. <i>ПОРЯДОК И ХАОС</i> В КРОССКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ .....	73
Самохина В.А. КРЕАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ LINGUISTICUS-ШУТНИКА, ИЛИ УЧЕННЫЕ-ЛИНГВИСТЫ СМЕЮТСЯ.....	84
Стернин И.А. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ .....	98
Таценко Н.В. ОБРАЗНЫЙ МОДУС ЭМПАТИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ .....	108
Редакционная коллегия.....	125
Рекомендации авторам по оформлению статей.....	128

УДК 811.111'42

**GENERAL TOKENS OF THE PHENOMENON OF SILENCE  
 IN COMMUNICATIVE PROCESS  
 A.V. Ayvazyan (Yerevan, Armenia)**

**A.V. Ayvazyan. General Tokens of the Phenomenon of Silence in Communicative Process.** The focus of the present article is the phenomenon of communicative silence. In our research, firstly we have tried to distinguish communicative and non-communicative phenomena of silence. The reason for our study is the existence of non-delimitating approaches in scholarly publications concerning the above mentioned notions. Taking into consideration J. Searle's definition of a minimal communicative unit we have come to a conclusion that an essential feature of the phenomenon of silence is a definite addresser's intention. Secondly, we further developed our approach by applying it within communicative linguistics and singled out some general manifestations of marked and unmarked instances of silence in communicative process.

**Key words:** addresser, addressee, communication process, communicative intention, marked acts of silence, silence, theory of speech acts.

**А.В. Айвазян. Загальні прояви феномену мовчання в комунікативному процесі.** У центрі уваги цієї статті – феномен комунікативного мовчання. У нашому дослідженні, по-перше, ми намагалися виділити комунікативні і некомунікативні прояви мовчання. Поштовхом для нашого дослідження відсутність у наукових публікаціях чітко вирізнених підходів щодо згаданих вище понять. Беручи до уваги визначення Дж. Серла стосовно мінімальної одиниці комунікації, ми дійшли висновку, що суттєвою ознакою феномена мовчання є наявність певної інтенції мовця. По-друге, розробляючи наш підхід, ми застосували його до теорії комунікативної лінгвістики і виділили окремі загальні прояви маркованих і немаркованих прикладів мовчання в комунікативному процесі.

**Ключові слова:** адресант, адресат, комунікативний процес, комунікативний намір, марковані акти мовчання, мовчання, теорія мовленнєвих актів.

**А.В. Айвазян. Общие проявления феномена молчания в коммуникативном процессе.** В центре внимания настоящей статьи – феномен коммуникативного молчания. В нашем исследовании, во-первых, мы пытались выделить коммуникативные и не коммуникативные проявления молчания. Стимулом для нашего исследования послужило отсутствие в научных публикациях однозначно разграниченных подходов, касающихся упомянутых выше понятий. Принимая во внимание определение Дж. Серлем минимальной единицы коммуникации, мы пришли к выводу, что существенным признаком феномена молчания является наличие определенной интенции адресанта. Во-вторых, разрабатывая наш подход, мы применили его в теории коммуникативной лингвистики и выделили некоторые общие проявления маркированных и немаркированных примеров молчания в коммуникативном процессе.

**Ключевые слова:** адресант, адресат, коммуникативное намерение, коммуникативный процесс, маркированные акты молчания, молчание, теория речевых актов.

## 1. Introduction

Due to the pragmatic turn in linguistics [Арутюнова, Падучева 1985: 3–42] the phenomenon of silence has widely been discussed [Ephratt 2008, Jaworski 1993], which in its turn opens up many opportunities for further analysis. In this article we particularly attempt to classify general manifestations of the act of silence in accordance with the roles of addresser and addressee, as well as to single out the marked and unmarked instances of the phenomenon.



While discussing silence as a communicative unit we will follow J. Searle's approach, according to which "the production of the sentence token under certain conditions is the illocutionary act, and the illocutionary act is the minimal unit of linguistic communication" [Searle 1996: 130].

In scholarly publications, "silence" is often seen as absence of speech [see Picard 1952: 21–30]. In this article, however, we are interested in silence as absence of an expected verbal message, or as a certain presentation of speech, through which a message is delivered without being explicitly materialized. Similar issues, such as producing and understanding implicit meanings of texts or utterances, were actually initiated in pragmatics [see Безуглая 2015: 11].

## 2. On the Definition of Silence

According to our approach, speech and silence are dialectically interwoven. What we mean is not that they naturally just succeed one another in communicative acts, but that sometimes silence frames the speech, or speech, at times, outlines the silence. It is like covering a piece of canvas with paint and leaving some parts of it clean by means of which we want to shape the desired picture. The reason of resorting to such an allegoric illustration in a scholarly text is to show that a necessary condition for observing silence as a communicative element is the presence of its illocutionary force.

Not being able to speak because of great excitement can be just an indicator of a kind of quality, but still may not become a communicative sign if there is no communicative intention: in that case it just shows someone's emotional state (for example: being shocked or amazed at something). The silence, which is not intentional, can be considered interpretative, but hardly communicative. For example, an apple falling from a tree suggests that there is a gravitational force, but the act itself is not communicative. However, even the very falling of an apple may become a communicative act, if the following situation is considered: let's imagine that one of the interlocutors diligently insists that no gravitational force exists in the world, the other, in response, takes an apple off the table and drops it to the floor trying to prove in practice that the person was wrong. In this case, the falling of the apple transforms into a message, and, most importantly, this act is evidently intentional.

It is also important to find out whether silence is a linguistic or non-linguistic unit. Those who favour the linguistic approach may cite the idea of "zero element" (like "zero morpheme"), i.e., as the latter can be accepted as a grammatical unit so can silence claim such status.

In favour of those who consider silence to be a non-linguistic phenomenon may speak the fact that in sign systems operating in real life instances of marked silence can be found. For example, according to road traffic rules in Armenia, some traffic signs, so to speak, lose their validity when an intersection is changed. That is, if the same traffic sign is not installed again after an intersection, that sign is considered to have been repealed [Traffic Rules]. Of course, one can claim that in this case the intersection "works" as a certain sign itself. However, it should be noted that actually the intersection is not a traffic sign, and even if temporarily it may be accepted as such in some situations, it is understood, then, that this feature is attributed to it due to the silence, so the latter can be said, takes the role of predication in the "syntactic" system of traffic.

Accepting the idea that silence can be displayed in the non-linguistic world, too, anyhow, we are going to consider it within the domain of communicative linguistics, though the example above is not in principle contrary to our approach: that is silence should be observed not in opposition to words, rather it should be viewed in opposition to a message, but still not as the absence of the latter, but as *a different way of saying it*.

If that silence is communicative, transmitting information between interlocutors, it is also necessary to determine whether this is the case when one of the communicators, not knowing the answer or the exact answer to the question, at least for a few seconds keeps silent. In such a case, the person, who keeps silent, usually does not have any intention to pass a particular piece of information to anyone. The addressee, by the way, may still interpret that silence. This fact suggests

that a mere appearance of silence in communication is not enough for it to be communicative, as it turned out, even in this case, silence will be interpreted as any other behaviour (e.g. facial nerve spasm), but not as an intentional communicative act.

The communicative character of silence implies that the person who carries out that act has a communicative intention: therefore it is a necessary condition that he or she should realize what they want to say by that act.

The next question we want to ask concerning our definition of silence is the following: if we want to consider silence as a communicative act is it necessary for the communicants to understand an actual representation of silence as a communicative act? Let's have a look at an example: US President Barack Obama avoided the term "genocide" in one of his speeches concerning the mass killings and deportations of Armenians in Ottoman Turkey that many historians and governments of the world recognize as genocide. Instead, the US President used an Armenian phrase "Meds Yeghern" [Obama 2010] which means "appalling massacre". As with the analysis of speech in many cases, we are dealing here with a few layers, too. On the surface layer, of course, people, who are more or less familiar with the problem, may perceive the US President's move as elusive [Danielyan 2016]. Whereas people looking at the matter from a different angle may interpret the President's avoidance in the following way: "That word's usage is not beneficial for the US". So we can conclude from the above mentioned example that silence may be communicative in one layer of communication, and non-communicative in another.

As we have seen, on the surface layer Obama's move is perceived as an evasive behaviour and therefore silence in this case is not considered a communicative act. However, on other levels of analysis, it may be perceived as a clear political message.

Of course, some may disagree by saying that Obama's real message still remains uncertain. That is, what did Obama actually wanted to say by using that phrase? Moreover, some may assume that Obama said what he had wanted to say, and there was no any implicit message in the sentence under discussion.

From the rigorous scientific perspective we probably cannot deny the view above, but it would be illogical to conclude that a politician of this calibre working with his entire team could not have foreseen the possibility of at least several distinct interpretations of the relevant audiences. Therefore, when he refrained from uttering "genocide", he was likely to realize that that act, anyhow, definitely had some communicative feature. Thus, we remain committed to our approach, according to which a necessary condition for an act of silence to be considered a communicative element is that it should be viewed as such by people involved in a communicative process. Of course, the same act can be interpreted in different ways, but human speech is also not free from these kinds of uncertainty.

One more relevant question to be asked is the following: is it possible to rely solely on an analysis of the act relating to each separate case, without taking into consideration the interlocutors of the actual communication, as well as social, cultural, political and other circumstances? At first glance, such an analysis may sound impossible, but we will try to find an example of this kind. Let's consider two interlocutors' remarks.

*A: How are you doing?*

*B: Not so good. Well, if you were able to help with money...*

*A: Am I a wallet for you?*

*B: ... [silence].*

Even in this short dialogue we can see two instances of silence:

I) B's incomplete sentence: perhaps its missing part is not uttered because it is too evident.

II) B's last absolute silence.

Thus, as we consider the illocutionary act as the minimal communicative unit, then we can say that in the above mentioned example each of the interlocutors actually exchanged one implicit illocutionary act.

As we have seen, it is possible to find an example in which an expression of an act of silence can be analyzed without resorting to factual background information, including the information directly connected with the participants involved in the conversation. But the same result cannot be expected by replacing the word “genocide” by another phrase, because the intention of the substitution will remain vague. In other words, the implicit illocutionary act will not be understood. Moreover, if those historic and current geopolitical events, which are usually observed in the background of Obama’s speech, are ignored, it will not be possible to know what term is expected from the US president. Therefore, the act of silence will be observed in a broader context, because the communicative nature of it is the focus of this article. Therefore in some cases it is required to take into account a number of non-linguistic factors directly linked with the communicative act.

### **3. Components of a Communicative Act**

To reach this goal it is necessary to specify the basic components of a communicative act. They are briefly presented below, according to the study presented in the book edited by Professor V.A. Vasilik [Василик 2006: 139–150].

1. The source of the message / information (that is to say, the addresser) can be individuals, groups of individuals, institutions (state institutions, political parties, etc.). It is necessary to distinguish between the source or the addresser of the message and its mere transmitter: for example a TV station, which was paid by a political party to show its campaign, in this case, takes the role of a mere transmitter of the information.

2. Other important features of a communicative process are coding and decoding of information/message, which are conducted by addresser and addressee respectively. For successful implementation of both of these processes it is necessary to ensure that the used symbols and signs are understandable to both sides. The decoding of the message by a recipient can reveal serious problems. For instance, the sender may not be able to code the message in such a way that the receiver is able to decode the exact message of the sender, that is, the former will not understand the latter’s intention. This may be due to various factors and circumstances, but the important thing is that during a manipulative message the recipient may decode the information in such a way that the implicit intention of the addresser is revealed. However, it cannot be claimed in this case that the communication has failed. More accurate would be to say that due to the decoding abilities of the recipient the sender failed to manipulate the addressee.

3. Another important component is the information/message, which is, as a rule, either a sentence, or a text. In non-verbal communication images, physical objects, etc. can operate as a message. According to the same source, they can be understood as a means of communication, as coding methods of communication/speech, including words, sound signals, gestures, etc. [see Василик 2006: 145].

4. Another important component of a communicative process is, so called, the “pipe” through which the sender’s message moves to the recipient. “Pipes” can be natural (like human senses) and artificial (like a telephone line, a radio band, etc.).

5. Next component is the addressee: it can either be an individual or a group of people, that is, an audience. The recipient decodes the received information, and his or her ability to do that directly influences on the effectiveness of communication. Specialists in communication theory study the degree of impacts on the recipient’s prejudices, habits, stereotypes and other similar features. The degree of these impacts determines effectiveness of the communication process. As a result of the influence the addressee’s beliefs and/or behaviour may remain, in general, unchanged, but they also can be partly or completely changed. Such effects are greater on those who are less aware of the respective field. Therefore, especially in mass communication, by controlling the flow of information manipulators are able to configure the consciousness of audiences in a way the formers want.

6. An important component of effective communication is also considered feedback, which is usually the most visible during direct interpersonal communication. Meanwhile, during political elections, when a politician urges his or her audience to vote for them on television, no immediate feedback is seen. However, later, possibly even months later, it becomes clear how effective the communication was.

#### **4. General Tokens of the Act of Silence by Addresser and Addressee**

Now let's try to single out the main tokens of the act of silence, according to the participants of communication. First of all, we will consider the phenomenon under discussion in relationship with the sender. It should be mentioned that the addresser can both keep silent as well as he or she can silence (make someone keep silent) the other participant or participants of the communication process. Moreover, they can do it, by using verbal (reproach, command, etc.), as well as non-verbal means, including psychological and physical violence. The latter has been thoroughly discussed in a separate article by us [Ayvazyan 2014: 21–29].

When keeping silence the addresser may pronounce no word, be silent specifically about something by talking about other things, as well as to develop his or her speech in such a way that the interlocutors may understand something which is not explicitly expressed in the speech. After general outlining the main cases of displays of the phenomenon of silence let's speak in details on the points listed.

The addresser may silence the recipient by intimidating. He can make it physically (e.g., beating) and verbally (e.g., threatening). The addresser can also silence the interlocutor by the force of law. For example, the speaker of the National Assembly of Armenia, according to some fixed regulations, is able to “deprive him/her of the right to speak over the microphone during one sitting” [The law of...]. The government could restrict media reports, for the sake of “prevention of the threat to the constitutional order and protection of people's rights and legitimate interests” [The Constitution of...]. Finally, the addresser may simply eliminate the addressee by killing, imprisoning or mutilating so that the person loses the ability to communicate.

We must admit, however, that such cases can deal with communication theory mainly indirectly, because in fact we deal with examples of blocking a communicative process in different ways. In our opinion, within the above mentioned theory more interesting are the addresser's acts of keeping silence, which can be classified as follows:

1. The addresser does not fulfill communication expectations: by this formulation we avoid saying that he does not speak or communicate, because in some cases it is possible that he continues to speak or communicate, but not with those who expect his speech or not about the expected subject. It may happen in the following way:

- a. Physically not taking part in the communication process.
- b. Explicitly refusing to communicate.
- c. Talking without conveying the expected message or information.

In this regard it is possible to single out some particular cases:

- While communicating, the speaker explicitly refuses to pass the anticipated message/information to the audience.

- Avoiding conveying the expected information, providing other information, instead.

2. The addresser says something, hinting at another thing. In this case the addresser develops his or her speech in such a way that the recipient understands the message without being explicitly given. To reach the communicative goal the addresser may use various means, including all the relevant features of argumentation, particularly implicatures [Brutyan 2002: 12–23].

3. The message is transferred through non-linguistic and suprasegmental means. In relation to these, two situations should be viewed:

3.1. First, the message can be transmitted without the addresser's awareness. For example, an unconsciously expressed facial expression may reveal the speaker's negative attitude towards the

topic of the speech. Although these phenomena are widely discussed in professional literature, in the present work we will not speak on them in detail, because, as we said, we are interested in communication, mainly as a volitional act.

3.2. Secondly, the addresser deliberately resorts to non-linguistic and/or suprasegmental means for delivering the message to the addressee. As we do not oppose silence to the voice, but to the message, so we are especially interested in cases where the person transmits the message to the addressee through the above mentioned means as a hint. Otherwise, if a non-linguistic or suprasegmental means contains an explicit message, it is beyond our focus of study. Such is the case, for example, with a traffic sign, which is actually quite clear to drivers and/or pedestrians. These signs and their regulatory provisions simply serve as a communication language of some sort. Similarly, another, perhaps more striking example is the sign language used by speech impaired people, which we again do not view as an example of an act of silence, because in this case opposition is not against the content, but simply against a natural language.

4. Explicitly keeping silence as a conventional cultural act. For example, observing a moment of silence to mourn for the victims is a certain socio-cultural sign, which is usually perceived by the public. Of course, at first glance, it seems to contradict our approach, that is to view silence in contrast with message, however, if we compare it with the above cases, we can see that in this case, in contrast with speech, silence is chosen as a more effective means of transmitting a message in a particular situation. While in the above examples (traffic signs, sign language) natural language speech transmission is virtually impossible. (Of course, it's impossible not in the sense that the message expressed by them is not possible to transmit through a natural language, but in this situation the message sender is not faced with a choice, that is, to use natural language or another sign system.) So we can conclude that within the context of our discussion we can come across non-manipulative instances of some usage of silence. Incidentally, such socio-cultural practices of conventional silence might cast doubt on the principle that "a typical feature of silence is in the absence of locutionary act" [Меликян 2000], as in this case, silence as a locutionary act is almost equal to itself, that is to "I'm silent", which, in turn, operates as an illocutionary act which can mean, for example: "I honour the memory of the victims". Of course, we understand that the term "locutionary" originally was used by J. Austin to describe the act of speaking itself [Austin 1962: 94], but if we try to slightly expand its field of meaning within the context of the theory of communication, we can say that the locutionary act refers to any explicit means of transmitting of a message, including silence, because it is difficult to express the proposition "I'm silent" more felicitously than just being silent.

5. Silence as a performative act is similar to the above-mentioned opinion, but in this case, the addresser does not keep silence to "say" something, but does it, because first of all he wants to say that he refuses to talk, that is in this case silence realizes both locutionary and illocutionary acts. Again, drawing parallels with J. Austin's definition, according to which, "issuing of the utterance is the performing of an action" [Austin 1962: 6], we would like to single out such examples of silence in cases of which the act is identical to its content, to the message it carries. Such examples can be sewing their own mouths as a sign of protest [Khachatryan 2014].

Now let's talk about, so to say, the other pole of communication – the addressee:

1. Cases when the recipient listens silently. These are the situations in which recipients, following the relevant socio-cultural norm, just silently listen to the interlocutor/addresser. Of course, these acts can be interpreted as following of the conventional norms of communication. However, it is possible to interpret almost anything around us in the world. Hence, we are not going to consider such examples as marked elements of communication.

2. The recipient does not respond to the question or a remark. Naturally, in this situation, some may argue that the addressee transforms into the addresser. But the problem is just that: the recipient does not fulfil the expected role changing and in certain circumstances this behaviour in terms of communication may be highly marked and in different contexts may actualize different meanings.

3. The recipient refuses to respond to the addresser's words/comments. This is a volitional act, as the recipient explicitly says or implies with gestures (such as shaking his or her head), that he or she is not going to respond to the comments/questions. This also can be attributed to performative silence. In these cases, too, the addressee refuses to transfer into the addresser. Such an explicit move would automatically convert his status, even though for a short time. That is, in principle, only the addresser can explicitly refuse to communicate. But we included this point in the classification of the displays of the recipient's silence, because the conversion is of short-term, carries simply transit nature. The recipient becomes an addresser for a moment only to say that he or she will remain in the addressee's role or refuses to communicate. The latter can be done through gestures, for example, the addressee may demonstratively close his or her ears.

4. Not participating in the act of communication. This can be displayed in two ways.

a. As a non-volitional act accounted for various reasons. For example, in case of failure of telephone connection the addresser may still go on speaking for a while without realizing that he or she was not being listened to. In terms of communicativeness, naturally, this act of silence is non-marked.

b. The recipient simply does not appear in the communication situation or demonstratively leave the respective place. For example, numerous cases can be observed on TV, when one of the parties, who is dissatisfied with someone's behaviour, speech or with something else, leaves the studio. Naturally, we do not discuss the cases when one of the parties leaves the studio because of a reason which has no relation to the discussion: for example, sudden health deterioration.

Note that the addressee can silence the addresser as well. This implies a more active participation by him or her, in which case, the recipient may be perceived as an addresser. However, it is possible to single out cases when the addresser's and the addressee's roles have been distributed in accordance with the format of the event, and therefore the addressee's act of silencing the addresser does not change his or her status. For example, the audience applause or stamp their feet as a sign of protest trying to silence the speaker.

## 5. Conclusion

We've tried to single out general manifestations of acts of silence by the addresser and the addressee in a communication process. The phenomenon has been viewed as absence of an expected verbal message. It has been found out that even in an act of communication some instances of silence may be non-marked. Thus, we have differentiated communicative acts of silence from non-communicative ones, as well as instances of keeping silence from those of silencing others. We have noticed that in general the act of silence can be carried out only by the addresser, except in some cases when, for example, the roles of the addresser and the addressee are distributed by the format of the event.

The approach I offered above opens up perspectives of being used as a kind of tool of analysis of tactics of maneuver and manipulation in political discourse. Further investigation is needed to explore the role of silence in international negotiations. Such a study may also examine the influence of communicative acts of silence through the globalization of massmedia.

## Acknowledgments

I am deeply grateful, as ever, to professor Lilit G. Brutyan for her most fruitful ideas which serve valuable guidelines to my research and for encouraging me to write this article.

## LITERATURE

1. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 3–42.

2. Безуглая Л.Р. Семантика и прагматика: к проблеме соотношения понятий / Л.Р. Безуглая // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2015. – № 10. – С. 8–26.
3. Василик М.А. (ред.). Основы теории коммуникации / М.А. Василик. – Москва : Гардарики, 2006. – 615 с.
4. Меликян С.В. Речевой акт молчания в структуре коммуникации [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С.В. Меликян. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2000. – Режим доступа : <http://31f.ru/dissertation/434-dissertaciya-rechevoj-akt-molchaniya-v-strukture-kommunikacii.html>
5. Ayvazyan A. Ֆիզիկական բռնությունը՝ որպես ոչ խոսքային հաղորդակցության միջոց քաղաքական խոսույթում [Physical Violence as a Non-verbal Communicative means in Political discourse] / A. Ayvazyan // Bulletin of Yerevan “Bryusov” State University of Languages and Social Sciences, Philology, Linguistics 1(30) – Yerevan : Lingva, 2014. – P. 21–29. (in Armenian)
6. Austin J.L. How to Do Things with Words / J.L. Austin. – Oxford : The Clarendon Press, 1962. – 174 p.
7. Brutyan L.G. Ներակայման տեսության հիմունքները [the Basics of Implicature Theory] / L.G. Brutyan. – Yerevan : Hayastan, 2002. – 169 с. (in Armenian)
8. Danielyan E. Obama to Again Avoid ‘G-Word’ [Electronic resource] / E. Danielyan. – 2016. – Access mode : <http://www.azatutyun.am/content/article/26972764.html>
9. Ephratt M. The functions of silence / M. Ephratt // Journal of Pragmatics. – 2008. – № 40. – P. 1909–1938.
10. Jaworski A. The Power of Silence; Social and Pragmatic Perspectives / A. Jaworski. – London : SAGE, 1993. – 215 p.
11. Khachatryan D. The Accused in Lyuks Stepanyan’s Murder, has sewed his Mouth [Electronic resource] / D. Khachatryan. – 2014. – Access mode : <http://iravaban.net/en/57438.html>
12. Obama B. Statement of President Barack Obama on Armenian Remembrance Day [Electronic resource]. – 2010. – Access mode : [https://www.whitehouse.gov/the\\_press\\_office/Statement-of-President-Barack-Obama-on-Armenian-Remembrance-Day/](https://www.whitehouse.gov/the_press_office/Statement-of-President-Barack-Obama-on-Armenian-Remembrance-Day/)
13. Picard M. The World of Silence / M. Picard. – Chicago : Henry Regnery, 1952. – 249 p.
14. Searle J.R. What is a Speech Act? / J.R. Searle // Martinich A.P. (ed.). The Philosophy of Language. – New York and Oxford : Oxford University Press, 1996. – P. 130–140.
15. The Constitution of the Republic of Armenia [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=eng#5>
16. The law of the Republic of Armenia: Rules of Procedure of the National Assembly [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=38&lang=eng>
17. The Traffic Rules of the Republic of Armenia, (in “The Traffic Rules” section) [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.police.am> (in Armenian).

## REFERENCES

- Arutyunova, N.D., and Paducheva, Y.P. (1985). Istoki, problem i kategorii pragmatiki [Underpinnings, problems, and categories of pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – New in Foreign Linguistics*, 16, 3–42 (in Russian).
- Austin, J.L. (1962). *How to Do Things with Words*. Oxford: The Clarendon Press.
- Ayvazyan, A. (2014). Ֆիզիկական բռնությունը՝ որպես ոչ խոսքային հաղորդակցության միջոց քաղաքական խոսույթում [Physical Violence as a Non-verbal Communicative Means in Political discourse]. *Bulletin of Yerevan “Bryusov” State University of Languages and Social Sciences, Philology, Linguistics*, 1(30), 21–29 (in Armenian).

- Bezoglaja, L.R. (2015). Semantika i pragmatika: k probleme sootnosheniya ponjatij [Semantics and pragmatics: on the issue of interrelation] *Kognicija, komunikacija, diskurs. – Cognition, Communication, Discourse*, 10, 8–26 (In Russian).
- Brutyan, L.G. (2002). Ներակայման տեսության հիմունքները [*The Basics of Implicature Theory*]. Yerevan: Hayastan Publ.
- Danielyan, E. (2015, April 22). Obama to Again Avoid ‘G-Word’. *Azatutyun.am*. Available at <http://www.azatutyun.am/content/article/26972764.html>
- Davit Khachatryan, the accused in Lyuks Stepanyan’s murder, has sewed his mouth. (2014, May 14). *Iravaban.net*. Available at: <http://iravaban.net/en/57438.html>
- Ephratt, M. (2008). The functions of silence. *Journal of Pragmatics*, 40, 1909–1938.
- Jaworski, A. (1993). *The Power of Silence; Social and Pragmatic Perspectives*. London: SAGE Publ.
- Melikyan, S.V. (2000). *Rechevoj akt molchanija v structure kommunikacii. Diss. kand. filol. nauk. [Silence speech act in structure of communication. Cand. philol. sci. diss.]*. Voronezh. Available at: <http://31f.ru/dissertation/434-dissertaciya-rechevoj-akt-molchaniya-v-strukture-kommunikacii.html> (in Russian)
- Obama, B. (2010, April 24). Statement of President Barack Obama on Armenian Remembrance Day [The White House Statements and Releases]. Available at: [https://www.whitehouse.gov/the\\_press\\_office/Statement-of-President-Barack-Obama-on-Armenian-Remembrance-Day/](https://www.whitehouse.gov/the_press_office/Statement-of-President-Barack-Obama-on-Armenian-Remembrance-Day/)
- Picard, M. (1952). *The World of Silence*. Chicago: Henry Regnery Publ.
- Searle, J.R. (1996). What is a Speech Act? In: A.P. Martinich (Ed.). *The Philosophy of Language* (pp. 130–140). New York and Oxford: Oxford University Press.
- The Constitution of the Republic of Armenia. Chapter V. Available at: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=eng#5>
- The Law of the Republic of Armenia: Rules of Procedure of the National Assembly [Electronic Resource]. (2002). Available at: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=38&lang=eng>
- The Traffic Rules of the Republic of Armenia [Electronic Resource]. (2013). Available at: <http://www.police.am>
- Vasilik, M.A. (Ed.). (2006). *Osnovy teorii kommunikacii [Basics of the Theory of Communication]*. Moscow: Gardariki Publ.

**Ayvazyan Andranik Vachaganovich** – graduate student, department of general linguistics and the theory of communication, Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences (Tumanianst, 42, Yerevan, 375002, Armenia); e-mail: [ayvazyan.a.v@gmail.com](mailto:ayvazyan.a.v@gmail.com)

**Айвазян Андраник** – аспирант, кафедра общего языкознания и теории коммуникации Ереванского государственного университета лингвистики и социальных наук им. Брюсова (ул. Туманянц, 42, Ереван, 375002, Армения); e-mail: [ayvazyan.a.v@gmail.com](mailto:ayvazyan.a.v@gmail.com)



УДК 811.11'42

**КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА:  
В ПОИСКАХ БАЗОВЫХ ПРИНЦИПОВ И МЕТОДИК АНАЛИЗА  
А.П. Мартынюк (Харьков, Украина)**

**А.П. Мартынюк. Когнитивно-коммуникативная лингвистика: в поисках базовых принципов и методик анализа.** В статье рассматриваются теоретико-методологические принципы и инструменты когнитивного анализа межличностного коммуникативного взаимодействия. Основная теоретическая посылка состоит в том, что лингвистические исследования межличностной коммуникации как когнитивного процесса должны опираться на теорию динамического конструирования значения. При этом кроме энциклопедических знаний, такие исследования должны учитывать и другие психические параметры, влияющие на процесс конструирования, – эмоциональный, перцептивный, волеизъявительный, а также фокус внимания коммуникантов. В качестве инструмента когнитивного анализа коммуникативного взаимодействия предлагается инференционный анализ, состоящий в прогнозировании инференций коммуникантов. Инференция понимается как продукт динамического конструирования значения единицы языка в акте коммуникативного взаимодействия. В процессе прогнозирования инференций учитываются как лингвальные, так и экстралингвальные (психические) параметры, объективирующиеся в вербальных / невербальных высказываниях, – когнитивный (энциклопедические знания), аффективный (эмоциональное состояние), перцептивный (сиюминутный перцептивный опыт), волеизъявительный (желания коммуникантов, мотивированные их социально-биологическими и коммуникативными потребностями), а также фокус внимания коммуникантов.

**Ключевые слова:** волеизъявление, динамическое конструирование значения, инференционный анализ, когнитивно-коммуникативная лингвистика, перцептивный опыт, фокус внимания, эмоциональное состояние, энциклопедические знания.

**А.П. Мартынюк. Когнітивно-комунікативна лінгвістика: в пошуках базових принципів і методик аналізу.** У статті розглядаються теоретико-методологічні принципи й інструменти когнітивного аналізу міжособистісної комунікативної взаємодії. Основне теоретичне положення полягає в тому, що лінгвістичні дослідження міжособистісної комунікації як когнітивного процесу повинні спиратися на теорію динамічного конструювання значення. При цьому крім енциклопедичного знання, такі дослідження повинні враховувати й інші психічні параметри, що впливають на процес конструювання, – емоційний, перцептивний, волевиявлення, а також фокус уваги комунікантів. У якості інструмента когнітивного аналізу комунікативної взаємодії пропонується інференційний аналіз, який передбачає прогнозування інференцій комунікантів. Інференція тлумачиться як продукт динамічного конструювання значення одиниці мови в акті комунікативної взаємодії. У процесі прогнозування інференцій враховуються як лінгвальні, так і екстралінгвальні (психічні) параметри, що об'єктивуються у вербальних / невербальних висловленнях, – когнітивний (енциклопедичне знання), афективний (емоційний стан), перцептивний (безпосередній перцептивний досвід), волевиявлення (бажання комунікантів, мотивовані соціально-біологічними потребами), а також фокус уваги комунікантів.

**Ключові слова:** волевиявлення, динамічне конструювання значення, емоційний стан, енциклопедичне знання, інференційний аналіз, когнітивно-комунікативна лінгвістика, перцептивний досвід, фокус уваги.

**A.P. Martynyuk. Cognitive-communicative linguistics: in search of basic principles and tools of analysis.** The article focuses on methodology and tools of the cognitive approach to the study of communication. Its central assumption is that analysis of interpersonal communication as a cognitive process needs to be based on the theory of dynamic meaning construal but, besides the impact of encyclopaedic knowledge, it should also take into account other psychological factors that influence constructive processes – emotional, perceptive, volitional and attentional. The article offers a tool of a cognitive linguistic study of interpersonal communication, i.e. inference prediction analysis. The inference is viewed as a product of the socioculturally situated cognitive process of constructing meaning. Inference prediction analysis takes into account linguistic and non-linguistic (psychological) factors that govern construction of meaning and are objectified in verbal/non-verbal utterances of the communicants. The non-linguistic (psychological) factors accounted for in the inference prediction analysis include encyclopaedic knowledge, emotional state, immediate perceptive experience, volitional attitudes motivated by social and biological needs and the focus of attention patterns of the communicants.

**Key words:** attention focus, cognitive-communicative linguistics, dynamic meaning construal, emotional state, encyclopaedic knowledge, immediate perceptive experience, inference prediction analysis, volitional attitudes.

## 1. Вступление

Как следует из названия, **цель** данной статьи состоит в решении двух взаимосвязанных **задач**: теоретическом осмыслении эпистемологической проблемы метода когнитивно-коммуникативных исследований, и конкретизации метода в осязаемых единицах и процедурах лингвистического анализа.

**Актуальность** статьи обуславливается необходимостью систематизировать материал, накопившийся в связи с появлением все большего количества работ, относимых авторами к когнитивно-коммуникативным, и определить принципы лингвистического анализа, отвечающие когнитивно-коммуникативной онтологии языка.

Соответственно, **объектом** статьи являются основополагающие теоретико-методологические принципы когнитивно-коммуникативных исследований языка, а **предметом**, – воплощение этих принципов в конкретных единицах и процедурах лингвистического анализа.

**Теоретический материал** статьи представлен работами в сфере когнитивной лингвистики и теории коммуникации, критический анализ которых лег в основу определения теоретико-методологических принципов когнитивно-коммуникативных исследований, а **эмпирический материал**, необходимый для разработки и описания единиц и процедур когнитивно-коммуникативного анализа, составили фрагменты устной неофициальной коммуникации, смоделированной в англоязычных игровых кинофильмах.

## 2. Базовые теоретико-методологические принципы когнитивно-коммуникативной лингвистики

Необходимо признать, что в настоящий момент эпистемологическая база когнитивно-коммуникативных исследований находится в зачаточной стадии формирования. Практически невозможно назвать работы, которые бы в полной мере опирались на когнитивные принципы и методики анализа в исследовании коммуникативных процессов.

В когнитивной лингвистике естественный семиозис описывается в терминах **динамического конструирования значения**, т.е. психического процесса, в котором единицы языка, *вокализируемые* в акте употребления (usage event) служат «подсказками» для *концептуализации*, т.е. когнитивных операций инференционной природы на основе широких энциклопедических знаний. Полученное инференционное знание (purport) отображает весь предшествующий опыт конструирования смысла единицы языка в актах ее употребления и модифицируется здесь и сейчас под влиянием вновь приобретаемого опыта [Croft, Cruse 2004: 101]. Инференции делаются с учетом конвенционального концептуального

содержания, активируемого единицей языка («лексического концепта»), энциклопедических знаний, частью которых есть это конвенциональное концептуальное содержание, а также всех параметров контекста, влияющих на конструирование смысла единицы языка в акте ее употребления [там же: 98–102].

Такой взгляд на естественный семиозис был впервые высказан в [Moore, Carling 1982] и поддерживается многими когнитивистами (см., например, [Croft, Cruse 2004: 98; Fauconnier 1994; Lakoff, Sweetser 1994: ix–xlvi; Langacker 1987: 155–156; Langacker 2001: 144–146; Turner 1991: 206]).

Теория динамического конструирования значения отвечает на вопрос о природе значения как *достояния индивидуального сознания*. Еще более важным для когнитивно-коммуникативного понимания языка представляется акцентирование «интерсубъективной природы языкового значения» как *достояния взаимодействующих сознаний*. Такая трактовка характерна для представителей психолингвистики [Залевская 2005], а также интеграционной лингвистики [Кравченко 2006; Harris 1997], определяющих значение как когнитивный феномен, порождаемый областью когнитивных взаимодействий организмов (сознаний) «в универсуме интерсубъектного дискурса» [Кравченко 2006: 153].

Взгляд на язык как «определенный вид совместной деятельности, интегрированной в комплекс когнитивных процессов сложной динамики» [Кравченко 2009: 63] и, соответственно, на коммуникацию как «усилия по установлению общих ориентиров в той или иной ситуации взаимодействия» [Кравченко 2006: 153], направленные, в конечном итоге, на сохранение экологической системы «организм – мир» [Järvillehto 1999], обосновывает безусловную *целенаправленность / мотивированность и регулятивность коммуникативного (взаимо)действия*.

Речь идет не об интенциональном речевом воздействии, а о *регулятивной природе языка-коммуникации* [Мартинюк 2004: 12] как совместной человеческой деятельности, порождающей разум [Щедровицкий 2005: 305], т.е. свойство извлекать информацию из окружающего мира и использовать ее *себе на благо* [Кравченко 2009: 58].

В таком толковании коммуникативная деятельность *ингерентно стратегична*, поскольку она всегда подчинена целям, мотивированным исконными социально-биологическими потребностями человека.

Этот взгляд вводит в фокус внимания исследователей коммуникации *стратегию*, придавая ей статус базового понятия коммуникации и единицы структурирования коммуникативной деятельности.

В этой связи нельзя обойти вниманием шаги, предпринимаемые для обоснования когнитивного статуса стратегии. В когнитивно-коммуникативном ракурсе стратегию определяют в терминах коммуникативного намерения говорящего, сформированного на основе общего коллективного знания о способах поведения в обществе; оценивания намерения как адекватного достижению желаемых социально значимых целей общения в его конкретный момент; реализации намерения вербальными способами; осмысления этой реализации всеми участниками коммуникации [Фролова 2009: 107].

Такое понимание акцентирует *когнитивные основания коммуникативного действия / взаимодействия*.

Разумеется, когнитивные основания коммуникативной стратегии включают не только энциклопедические знания, необходимые для формирования социально значимых коммуникативных намерений (побудить аудиторию к голосованию за определенного политика / покупке товара и т.д.). Не меньшая роль принадлежит и «инструментальным» знаниям способов достижения этих социально значимых намерений (повествование, описание, объяснение, аргументация и т.п.), и, конечно же, языковым знаниям, обеспечивающим поиск и комбинирование разноуровневых единиц языка, необходимых для реализации этих намерений.

При этом важно уяснить, что когнитивно-коммуникативный подход требует отказа от толкования стратегии как воплощения некоего предварительно выработанного «плана действия» (эта точка зрения представлена в [Иссерс 2002] и др.).

Подобные представления с необходимостью предполагают, что коммуникативная деятельность находится под контролем сознания, и потому не совместимы с объяснительным принципом взаимоотношения языкового и когнитивного в естественном семиозисе, созвучным когнитивно-коммуникативной онтологии языка.

Суть этого принципа состоит в том, что в фокусе внимания субъекта речемыслительной деятельности находится смысл сообщения, в то время как средства выражения этого смысла функционируют как автоматически задаваемый языковой механизм [Залевская 2005: 240]. «И мы можем задавать языковой механизм, действующий автоматически, именно потому, что условие извлечения информации, лежащее в сознании, вытеснено действием самого этого механизма» [Мамардашвили, Пятигорский 1999: 93].

Соответственно, стратегию, вероятно, следует представлять в терминах паттернов *коммуникативного поведения, связанных с решением задач, возникающих по ходу разворачивания коммуникативного взаимодействия* – в текущий момент реального времени, и *контролируемых сознанием лишь на уровне рациональной оценки происходящего*.

В советской лингвистике задача разработки лингвистических моделей класса «мысль – сообщение» была поставлена еще в начале 80-х годов прошлого века: «мысль должна быть противопоставлена смыслу как интеллектуальный стимул, стартер динамически развивающегося во времени акта <...> окончательному результату, продукту этого акта» [Кибрик 1983: 32]. Основным условием построения такого рода моделей было принятие гипотезы, согласно которой семантические представления есть лишь «тени лежащих в их основе мыслительных структур» [там же].

Эта гипотеза зеркально отражает базовый постулат когнитивной лингвистики о языковом значении как продукте концептуализации. Вместе с тем, в свое время, рассматривая возможность применения такого инструмента когнитивного анализа, как фрейм, в исследовании речевых стратегий, О.С. Иссерс усматривала проблему в том, что «далеко не полностью выявлены связи между фреймом, с одной стороны, и такими традиционными лингвистическими категориями, как значение слова, значение предложения, значение грамматической категории, – с другой. Мало изучены возможности применения семантики фреймов в прагматическом анализе» [Иссерс 2002: 92].

Когнитивная лингвистика предлагает варианты решения этих задач.

В представлении когнитивистов, энциклопедические знания делятся на декларативные («знания ЧТО») и процедурные («знания КАК») (см. [Anderson 1983] и др.).

«Знания ЧТО» организованы с помощью схемных структур (доменов / фреймов и образ-схем). Концептуализация базируется на базовых доменах (ПРОСТРАНСТВО, ЦВЕТ, ЗВУК / ВЫСОТА ТОНА, ТЕМПЕРАТУРА, БОЛЬ, ЗАПАХ, ВРЕМЯ, ЭМОЦИЯ) и образ-схемах (НИЗ-ВЕРХ, ЛЕВОЕ-ПРАВОЕ, БЛИЗКОЕ-ДАЛЕКОЕ, ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ, КОНТЕЙНЕР, ДВИЖЕНИЕ, МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ и т.п.), укорененных непосредственно в телесном перцептивном (сенсомоторном) и интроспективном опыте человека. Однако, как отмечает Р. Ленекер, в большинстве случаев, эта «укорененность» (grounding) не прямая: посредниками выступают промежуточные концептуальные структуры – абстрактные домены [Langacker 1987: 149–150].

Понятие абстрактного домена (КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РИСК, ПОЛИТИКА, СПОРТ и т.п.) соотносимо с понятием фрейма. И нередко термины «домен» и «фрейм» употребляются как синонимы.

И теория фреймов Ч. Филлмора, и теория доменов Р. Ленекера отражают основополагающий принцип когнитивной лингвистики: «лексический концепт»,

активируемый единицей языка, можно осмыслить только на фоне структур энциклопедических знаний, частью которых он является [там же: 152].

В рамках теории доменов упоминаемая О.С. Иссерс проблема связи между схемной структурой и значением слова / предложения-высказывания объясняется соотношением профиля (profile) и базы (base). Профилем называют «лексический концепт», актуализируемый единицей языка, а базой – домен или матрицу доменов, необходимых для понимания этого концепта; при этом «семантическая значимость единицы языка не конституируется отдельно ни профилем, ни базой, она заключается только в их комбинации» [там же: 183].

В теории фреймов, где фрейм определяется как «система концептов, связанных таким образом, что для понимания одного из них необходимо понять всю структуру, в состав которой они входят» [Fillmore 1982: 111], для размежевания «лексического концепта», актуализируемого единицей языка, и энциклопедических знаний, необходимых для его осмысления, используются термины «фигура» (figure) и «фон» (ground) [Fillmore 1985].

«Знания КАК» структурируются с помощью «динамической» разновидности семантического фрейма – сценария (script / speech event frame). Сценарий моделирует информацию, касающуюся стереотипных повседневных ситуаций [Croft, Cruse 2004: 151] «с учетом последовательности событий в рамках определенного контекста» [там же]. Этот тип фрейма «схематизирует знания относительно типов интеракционного контекста, влияющих на интерпретацию и выбор лексических единиц и грамматических конструкций» [Evans, Green 2006: 228]; а также относительно стилей и регистров речи [там же]. Кроме того, знания, организуемые сценарием, как правило, культурно специфичны [там же].

В лингвокультурологии знания, составляющие ментальный коррелят коммуникативной стратегии, называют поведенческими концептами и схемно представляют в виде фрейма-сценария [мотив – интенция – оценивание параметров ситуации – выбор языковых / неязыковых средств – совершение соответствующего речевого / коммуникативного акта] [Чесноков 2009]. Эта структура представляет собой не более чем схематизированный перечень компонентов коммуникативных событий, включая конфигурации коммуникативных действий.

Кроме моделей организации энциклопедических знаний, строящихся на основе пропозициональных (ДОМЕН/ ФРЕЙМ (ПРОПОЗИЦИЯ)/ СЦЕНАРИЙ) и образ-схемных структур (ОБРАЗ-СХЕМА), используются прототипные (ПРОТОТИПНАЯ КАТЕГОРИЯ (ПРОТОТИП)/ РАДИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ (ИДЕАЛИЗИРОВАННАЯ КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ)), а также метафорические и метонимические модели (ДОМЕН) [Lakoff 1987]. При этом акцентируется, что целостный смысл концептуальной структуры корреспондирует с ГЕШТАЛЬТНЫМ (комплексным симультанным) способом интерпретации действительности [Langacker 1987: 371].

Показательно, однако, что на практике объяснительный потенциал этих моделей, как правило, используется для описания абстрактных, вырванных из контекста конструкций, придуманных самими же авторами (как это делают Дж. Лакофф и М. Джонсон в трудах по когнитивной метафоре (см. например, [Lakoff, Johnson 1980]) или Р. Ленекер в когнитивной грамматике [Langacker 1987]).

На роль структуры, объясняющей конструирование смысла высказываний в акте коммуникативного взаимодействия, претендуют ментальные пространства Ж. Фоконье [Fauconnier 1997]. Процесс конструирования включает построение ментальных пространств и установление проекций между ними. Описание построения проекций между ментальными пространствами (mappings) представляет собой довольно трудоемкую задачу, включающую множество деталей, которые постоянно пополняются автором в более поздних публикациях, а также в совместных трудах с М. Тернером по теории концептуальной интеграции. Я не стану здесь останавливаться на всех деталях проектирования, а сосредоточу внимание

на тех особенностях ментальных пространств, которые представляются ключевыми для понимания когнитивных оснований коммуникативной деятельности.

По определению Ж. Фоконье, ментальные пространства представляют собой «партитивные структуры, формирующиеся в ходе нашей ментальной и речевой деятельности и обеспечивающие мелкозернистое структурирование нашего дискурса и структур знаний» [Fauconnier 1997: 11].

Ментальные пространства конструируются в соответствии с потребностями разворачивающейся коммуникации и представляют собой уникальные динамичные (temporary) пакеты концептуальных структур, привлекаемых для решения когнитивных задач в конкретный момент реального времени в конкретном коммуникативном контексте.

Важно также, что по ходу разворачивания коммуникации ментальные пространства, объединенные селективными проекциями общих элементов, образуют между собой многочисленные и сложно переплетающиеся концептуальные сети (lattices). Это позволяет индивидам возвращаться к сконструированным ранее ментальным пространствам и переосмысливать структурируемый ими опыт под влиянием нового опыта.

Идея обратного проектирования (backward projection) получила развитие в теории концептуальной интеграции. Обратное проектирование здесь мыслится как ситуативно привязанный когнитивный процесс, состоящий в проектировании концептуальных структур интеграционного ментального пространства (бленда) в обратном направлении – в исходные ментальные пространства и переосмысливании структур этих пространств в контексте широкого энциклопедического знания под влиянием вновь приобретенного опыта [Fauconnier, Turner 2002: 333]. Продуктом такого переосмысливания является так называемая эмергентная концептуальная структура, т.е. качественно новое инференционное знание.

В качестве примера такой эмергентной структуры приводится категория PET FISH [Fodor, Lepage 1996], представляющая собой не просто сумму признаков двух категорий, а продукт селективного проектирования определенных признаков двух категорий в интеграционное пространство (бленд) и последующей когнитивной интеграции этих признаков в интеграционной сети (integrational networks).

Однако, опять-таки, на практике и модель концептуальной интеграции ментальных пространств используется для анализа уже существующих в языке устойчивых выражений, как например, *grim reaper*, или же абстрактных предложений / последовательностей предложений, придуманных самими авторами (см. [Fauconnier, Turner 2002]).

Кроме того, если роль рациональной сферы сознания в акте концептуализации получает довольно подробное освещение в работах представителей когнитивной лингвистики, то роль перцепции и эмоций практически остается «за кадром».

Уточню, что в данный момент речь идет о факторах, участвующих в *контекстуальной интерпретации языковой единицы в акте употребления*, а не об онтологической природе концептуальных структур, истолковываемой в терминах *телесной воплощенности*, т.е. укорененности непосредственно в сенсорном и интроспективном опыте человека, что, разумеется, предполагает учет указанных факторов.

**В то же время, логично предположить, что «концептуальная сеть», обеспечивающая коммуникативную деятельность, с необходимостью включает не только когнитивный опыт (т.е. знания разного типа), но также и перцептивный, и аффективный опыт, несомненно, участвующий в инференционной деятельности.**

К такому выводу подталкивают теории представителей смежных с когнитивной лингвистикой дисциплин. Прежде всего, теория семантических констелляций психолога и антрополога К. Харди. Семантические констелляции здесь мыслятся как динамические сети значений, организованные по принципу ядра (центрального значения) и связывающие в единую динамическую систему концепты, ощущения, воспоминания, переживания, слова, идеи, образы, звуки, цвета, жесты, паттерны поведения и настроения, возникающие

в сознании индивида в процессе общения при фокусировании внимания на каком-то объекте [Hardy 1998]. И, конечно же, концепция памяти А.А. Залевской, где память человека определяется как единая база опыта – перцептивного, когнитивного, аффективного; вербального и не поддающегося вербализации; осознаваемого и неосознаваемого [Залевская 2005: 418–436].

Очевидно также, что, помимо знаний, ощущений и эмоций, *в инференционной деятельности должна участвовать и воля*, т.к. способность принимать решения составляет неотъемлемое свойство человеческой психики, наряду со способностями рационально мыслить и чувствовать.

Между тем, роль волеизъявления в контекстуальной интерпретации смысла единицы языка в акте употребления вообще остается за пределами сферы внимания когнитивных лингвистов.

И, конечно же, представляется важным учитывать *фактор фокусировки внимания в инференционной деятельности*. В интерпретации когнитивистов внимание представляет собой сложный психический феномен, моделирующийся в терминах степени активации концептуальных структур нейронной сети, представляющей собой гипотетическую модель мозга [Croft, Cruse 2004: 134]. По определению У. Чейфа, внимание есть фокусом сознания (the focus of consciousness) [Chafe 1994: 26–30]. Следовательно, инференции коммуникантов во многом зависят от того, на каких вещах фокусируется их внимание в акте коммуникации.

Для обеспечения коммуникативного взаимодействия «концептуальная сеть» как модель нейронной сети мозга, производящей и обрабатывающей огромное количество логически связанных электрохимических импульсов, конечно же, не может быть стабильным образованием, хранящимся в памяти и ожидающим активации в готовом виде.

Более адекватным представляется толкование ее как *структуры, образующейся/преобразующейся непосредственно в момент активации с целью обеспечения конкретных задач коммуникативной деятельности*.

Отдавая себе отчет в том, что в настоящий момент подавляющее большинство теоретических посылок о природе нейрофизиологических процессов, обеспечивающих познавательную и языковую деятельность, имеют статус научных гипотез, интуитивно поддерживаю гипотезу параллельного распределения процессов обработки данных (parallel distributed processing) ([McClelland e.a. 1986; Clark, Chalmers 1998] и др.) как отвечающую когнитивно-коммуникативной онтологии языка.

Благодаря идее параллельного распределения процессов обработки данных, репрезентации концептуальных структур не рассматриваются как постоянные величины, записанные в нейронной сетке в виде отдельных узлов сети, активируемых единицей языка «в готовом виде». Именно так выглядит картина обработки информации в ранних локалистских моделях, ориентированных на символичные репрезентации (см., например, [Anderson, Bower 1973]). С точки зрения более поздних коннекционистских моделей, концептуальные структуры возникают благодаря постоянной активации взаимосвязанных элементов нейронной сети и представляют собой совокупность связей (коннекций – от англ. connections), каждая из которых поддается интерпретации не в отдельности, а только лишь как часть определенной совокупности таких коннекций. Причем, часть коннекций возникает вследствие сигналов извне, а часть – как результат связей между нейронами в самой сети. Другими словами, нейронные сети мозга способны к обучению, т.е. приобретению новых моделей поведения в ответ на внешние возбудители.

Каждый последующий опыт взаимодействий человека со средой усложняет его когнитивную область с учетом предыдущего опыта. Структура нервной системы «меняется в зависимости от потока меняющихся отношений в жизни организма в процессе поддержания этой жизни. При этом то, что происходит в языке, <...> становится также

частью области трансформаций человеческой нервной системы, вызывая то, что нам представляется как взаимная модуляция разума и тела» [Кравченко 2009: 63].

Подытоживая, остановлюсь на положениях, которые принимаются в качестве базовых теоретико-методологических принципов когнитивно-коммуникативных исследований и, соответственно, отправной точки в разработке когнитивно-коммуникативных методик анализа языка.

1. Коммуникативная деятельность ингерентно стратегична, поскольку она всегда подчинена целям, мотивированным исконными социально-биологическими потребностями человека.

2. Коммуникативную стратегию следует представлять в терминах паттернов коммуникативного поведения, связанных с решением задач, возникающих по ходу разворачивания коммуникативного взаимодействия – в текущий момент реального времени, и контролируемых сознанием лишь на уровне рациональной оценки происходящего.

3. Коммуникативное взаимодействие обеспечивается «концептуальной сетью», представляющей собой модель нейронной сети мозга. Смысл единицы языка, актуализирующийся в акте коммуникации, не заключен в самой единице языка. Роль единицы языка состоит в: а) активации конвенционального концептуального содержания («лексического концепта»), являющегося частью сложно организованной «концептуальной сети» и б) «запуске» когнитивных операций инференционной природы, позволяющих осмыслить это конвенциональное концептуальное содержание на базе «концептуальной сети». Смысл единицы языка, актуализирующийся в акте коммуникации, есть продуктом инференционной деятельности коммуникантов.

4. Продуктом инференционных операций, осуществляемых в ходе коммуникативной деятельности, есть не только достижение intersubjectivity или простыми словами взаимопонимания, но и новое знание, получаемое коммуникантами в результате переосмысления имеющейся информации на основе нового опыта, приобретаемого в каждом новом акте коммуникации.

5. Для реализации такого рода задач «концептуальная сеть» не может мыслиться как стабильное образование, хранящееся в памяти и ожидающее активации в «готовом виде». Более адекватным представляется толкование ее как структуры, образующейся/преобразующейся непосредственно в момент активации с целью обеспечения конкретных задач коммуникативной деятельности в реальном времени.

6. «Концептуальная сеть», обеспечивающая коммуникативную деятельность, с необходимостью включает не только когнитивный опыт (т.е. энциклопедические знания разного типа), но также и аффективный, перцептивный и волеизъявительный опыт, участвующий в инференционной деятельности. Характер инференционной деятельности также определяется фокусом внимания коммуникантов.

Разумеется, следует учитывать, что огромная часть инференционной деятельности протекает в подсознании, но лингвист, исследующий спонтанную коммуникацию, едва ли может получить доступ к таким структурам. Поэтому я буду говорить о том, что подлежит наблюдению и выявляется в процессе анализа.

### **3. Проблема когнитивно-коммуникативных методик анализа**

В соответствии с изложенными выше принципами, когнитивно-коммуникативный подход требует применения методик анализа, способных учесть, прежде всего, когнитивный, а, по возможности, и аффективный, перцептивный и волеизъявительный опыт, обеспечивающий коммуникативную деятельность, а также фактор фокусировки внимания коммуникантов.

Как показывают результаты пилотных исследований, эти задачи способен решить *инференционный анализ коммуникативного взаимодействия*.



В первоначальном варианте эта методика была предложена в 2004 году [Мартинюк 2004] (первоначальное название – «методика когнитивно-дискурсивной интерпретации») для исследования прагматического потенциала гендерно маркированных единиц языка, оказывающих регулирующее воздействие на социальное и коммуникативное поведение личности путем насаждения гендерных стереотипов. Затем данная методика получила развитие и апробацию в исследованиях аспирантов, где она применялась для изучения дискурсивной реализации концептов, коммуникативных неудач и, наконец, вербального и невербального воплощения коммуникативных стратегий.

Суть методики довольно проста: исследователь становится участником коммуникации, выступая в роли интерпретатора реального или же смоделированного коммуникативного взаимодействия. Однако в отличие от обычного участника коммуникации, исследователь «вооружен» инструментами научного анализа.

Центральным инструментальным понятием есть понятие *инференции*. *Инференции* истолковываются не в логико-прагматическом смысле – как формально-логические дедуктивные выводы (см., например, [Brown, Yule 1983: 34]) или же вероятностно-индуктивные догадки [там же], сопровождающие «декодирование» языковых единиц, а в когнитивно-коммуникативном смысле. Как *когнитивные операции получения интроспективного выводного знания в акте коммуникативного взаимодействия и как продукт таких операций – выводное знание* [Мартынюк 2012: 27] (как, собственно, участника анализируемого акта коммуникации, так и исследователя).

Именно такое содержание вкладывается в этот термин представителями когнитивной лингвистики, утверждающими, что смысл единицы языка, конструирующийся в акте ее употребления, представляет собой не что иное, как знание инференционной природы.

Цель исследователя состоит в выявлении / прогнозировании инференций коммуникантов, производимых с опорой на когнитивный, аффективный, перцептивный и волеизъявительный опыт в ходе воплощения тех или иных стратегических целей в конкретных пространственно-временных координатах при совместном фокусировании внимания на определенном объекте/референте, и проявляющихся (эксплицитно или имплицитно) в их вербальных и/или невербальных высказываниях.

Ключевой единицей анализа коммуникативного взаимодействия с применением данной методики является *акт когнитивно-коммуникативного взаимодействия*. Такой акт включает вербальное и / или невербальное высказывание, воплощающее ту или иную стратегическую коммуникативную цель, и *включенное в интерактивный лингвальный, а также экстралингвальный контекст*. Параметры лингвального и экстралингвального контекста акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия определяют как характер вербального / невербального воплощения стратегической цели субъектом, так и характер ее интерпретации и реакции на нее коммуникативного партнера, мотивированного собственной стратегической целью.

Что касается структурной организации акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, она вполне соизмерима с моделью структурной организации акта коммуникации, принятой в конверсационном анализе (см., например, [Coulthard 1977: 25] и др.), поскольку последняя акцентирует его интерактивную природу. В структурном плане акт когнитивно-коммуникативного взаимодействия представляется как обмен коммуникативными ходами, т.е. вербальными / невербальными действиями коммуникантов, приводящими к реализации той или иной коммуникативной цели и продвигающими коммуникативное взаимодействие к достижению такой цели. Коммуникативные ходы могут состоять из одного или нескольких высказываний.

Процессуальность, стратегичность, интересубъектная природа, а также контекстуальная обусловленность акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия высвечивают его преимущества как единицы структурирования и анализа коммуникации.

Критика речевого акта, претендующего на этот статус, как раз и связана с тем, что понятие «речевой акт»: 1) не отображает интересубъектной природы коммуникации (речевой акт, определяющийся исключительно намерениями говорящего, выводит из фокуса внимания распознавание коммуникативных намерений слушателя); 2) игнорирует «динамическую и стратегическую сущность естественного речевого общения» (речевые акты выделяются без учета динамики «точки зрения коммуникантов», выявляющейся при разворачивании коммуникативных структур); и, главное, – 3) не в полной мере учитывает роль контекста [Франк 1985: 364–368].

Полагаю, что в когнитивно-коммуникативном исследовании термин «контекст» должен относиться ко всем поддающимся учету параметрам акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, которые могут влиять на производство / интерпретацию инференций.

Предпринимая попытку систематизации параметров контекста акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, разграничиваю *перцептивный* и *психический контекст*.

**Перцептивный контекст** охватывает всю лингвальную и экстралингвальную информацию, поступающую через сенсорные каналы в момент коммуникации.

Лингвальная перцептивно воспринимаемая информация ограничена двумя сенсорными каналами: слуховым (звуки – устный текст) и зрительным (буквы – письменный текст). Разумеется, в устной коммуникации приоритетным является слуховой канал. Лингвальная информация репрезентирует *референтную ситуацию*.

Экстралингвальная перцептивно воспринимаемая информация не имеет сенсорных ограничений, но, как правило, включает, прежде всего, зрительно воспринимаемые параметры акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, конституирующие *коммуникативную ситуацию*: место и время интеракции, собственно, коммуникантов (говорящего и воспринимающего/-их), их количество, физические и статусно-ролевые характеристики, физическое и психическое состояние, и, конечно же, их *невербальные коммуникативные действия*.

**Параметры перцептивного контекста могут влиять на инференционную деятельность, лишь становясь частью психического контекста** акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, т.е. опыта интерпретатора, приобретаемого, как в процессе социализации, так и здесь и сейчас в акте коммуникации.

В концепции Р. Ленекера информация, называемая здесь психическим контекстом, интерпретируется в терминах когнитивных доменов (cognitive domains), активируемых языковой единицей и служащих базой (base) для ее понимания в акте употребления (usage event), т.е. в реальных высказываниях в реальном дискурсивном контексте (actual utterances in an actual discourse context) [Langacker 2001: 146]. Такие домены называются динамичными дискурсивными пространствами (current discourse spaces) и определяются как «ментальные пространства, вмещающие те элементы и отношения, которые конструируются как общие для говорящего и слушающего, и служат базой для коммуникации в конкретный момент течения дискурса» [там же: 144].

Динамичные дискурсивные пространства включают информацию о речевом контексте (speech context) акта употребления единицы языка. Речевой контекст трактуется широко – как все физические, ментальные, социальные и культурные обстоятельства, связанные с актом употребления единицы языка [там же: 145]. Ядро информации о речевом контексте составляет грунт (ground), т.е. информация о составляющих коммуникативной ситуации. Кроме осмысления речевого контекста динамичные дискурсивные пространства включают общие знания коммуникантов (a body of knowledge presumed to be shared and reasonably accessible) [там же]. Еще одним компонентом является информация, касающаяся осмысления коммуникантами процесса разворачивания дискурса, включая серию предыдущих и последующих актов употребления [там же].

Акты употребления характеризуются как биполярные события. И говорящий и воспринимающий выполняют два рода коммуникативных действий: *вокализацию* и *концептуализацию*. Каждый полюс имеет свои каналы (channels). Каналы вокализации (интонация и жест) сегментируют поток речи. Каналы концептуализации представляют объективную ситуацию (objective situation) и включают информационную структуру (information structure): эмфазу, тему дискурса, известную / новую информацию; и структуру организации дискурса (speech management): очередность говорения [там же: 146].

И вокализация, и концептуализация предполагают фокусировку внимания говорящего и воспринимающего на одном и том же объекте. Метафорически фокусировка внимания описывается как «взгляд на мир через окно» или фрейм обзора (viewing frame) [там же: 145]. Непосредственная сфера внимания (immediate scope) ограничивается этим фреймом. И фокус этой сферы внимания составляет содержание, профилируемое единицей языка (what the expression profiles (i.e. designates)) [там же].

Информация, о которой идет речь в концепции Р. Ленекера, составляет частичное содержание всего лишь двух параметров *психического контекста* акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия. Эти параметры я называю *когнитивным* и *параметром фокусировки внимания*.

Что касается *когнитивного параметра* психического контекста акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия, он включает знания разных типов, получаемые из разных источников.

В системе понятий Р. Ленекера энциклопедические знания описываются в терминах четырех оппозиций: 1) конвенциональные/conventional (разделяемые большинством членов лингвокультуры) :: неконвенциональные/non-conventional; 2) общие/genetic (информация о свойствах, присущих большинству членов категории) – специфичные/specific; 3) сущностные/intrinsic (информация об ингерентных свойствах сущности) – несущностные/non-intrinsic; 4) характеризующие/characteristic (информация о свойствах, уникальных для данной сущности) – нехарактеризующие /non-characteristic [Langacker 1987: 159–161]. Различия поясняются такими примерами. Информация о том, что у двух коллег Р. Ленекера появилась аллергическая реакция на его кота, есть специфическим знанием, а информация о том, что у людей в принципе может возникать аллергия на кошек – общим. Форма является сущностным свойством физических объектов, поскольку не требует сравнения с другими объектами, как например, размер, относящийся к несущностным свойствам. Форма обладает большим характеризующим потенциалом в описании животных, нежели цвет, причисляемый к нехарактеризующим свойствам.

Релевантность той или иной информации в процессе интерпретации определяется в терминах «центральности». Р. Ленекер рассматривает центральность как вероятность актуализации того или иного смысла единицы языка в пределах определенного контекста. Центральность связана со степенью «выдвижения» определенных аспектов концептуального содержания, ассоциирующихся в сознании носителей языка с единицей языка. Вероятность активации того или иного концептуального содержания зависит от степени укорененности (entrenchment) концептуальной структуры в сознании коммуниканта и от лингвального и экстралингвального контекста, в котором употреблена языковая единица [там же: 159].

В акте употребления единицы языка центральность определяется соотношением четырех типов энциклопедического знания [там же: 159]. Наибольшую значимость имеет степень конвенциональности знаний. Другим по значимости фактором есть принадлежность знаний к общим, а не специфичным. В большинстве случаев сущностные, как и характеризующие знания, принадлежат к категории общих и конвенциональных [там же: 160].

Анализ коммуникации подсказывает необходимость классификации знаний и в зависимости от их предметного содержания. Согласно данному критерию, выделяются такие типы энциклопедических знаний:

а) онтологические – об устройстве бытия как собственно физического, так и социально-культурного;

б) аксиологические – ценностные ориентиры (как общечеловеческие, так и лингвокультурные); аксиологические знания воплощаются в рациональных оценках (например, эстетической: «красивое» :: «уродливое») и нормах (этологических – нормах социального поведения (этических/утилитарных) и лингвоэтологических – нормах коммуникативного поведения в разнообразных коммуникативных событиях) (см. [Мартынюк 2015]).

Разумеется, в процессе инференционного анализа необходимо учитывать, что все эти виды знаний гештальтно функционируют в коммуникативной деятельности и могут быть осмыслены только в терминах континуума, односубстратные элементы которого различаются разной степенью проявления неких общих характеристик.

Итак, *когнитивный параметр психического контекста* акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия включает:

1) онтологические и аксиологические энциклопедические знания, составляющие фон для профилирования «лексического концепта», активируемого единицей языка в акте употребления (в рамках высказывания); эти знания относятся к референтной ситуации; сюда же относятся знания, полученные из более широкого лингвального контекста, включающего всю предшествующую интеракцию;

2) онтологические и аксиологические энциклопедические знания о компонентах коммуникативной ситуации, активируемые параметрами экстралингвального перцептивного контекста;

3) (лингво)этологические знания моделей социального и коммуникативного поведения в рамках разнообразных коммуникативных событий с учетом определяющих для этих событий мотивов и стратегических коммуникативных целей; сюда же относятся «инструментальные» знания способов достижения стратегических целей; именно эти знания позволяют не только учитывать предыдущие высказывания, но и прогнозировать последующие;

4) лингвальные знания, функционирующие как неосознаваемый механизм, запускаемый в действие коммуникативными целями и обеспечивающий поиск и комбинирование разноуровневых единиц языка, необходимых для реализации этих целей, и, наконец, осуществляющий вокализацию высказываний.

В предлагаемой здесь интерпретации *психический контекст* акта когнитивно-коммуникативного взаимодействия включает не только *энциклопедические знания (когнитивный параметр)* и *параметр фокусировки внимания*, о которых говорит Р. Ленекер, но и *эмоциональные переживания (аффективный параметр)* а также *волеизъявление субъекта, мотивирующее желание / нежелание реагировать на ситуацию определенным образом (волеизъявительный параметр)*.

Очевидно, что все названные параметры действуют симультанно, но в каждом конкретном акте коммуникации определяющим оказывается один из них.

Представляется, что выявить роль названных параметров можно в тех актах когнитивно-коммуникативного взаимодействия, где реализуются конфронтационные стратегии, как например, стратегия несогласия, или же имеют место коммуникативные неудачи. В таких актах возникает оппозиция знаний, аффективных состояний, перцептивных опущений, желаний, что и выдвигает все эти параметры в фокус внимания исследователя.

При этом в практических целях описания представляется удобным использовать наиболее простую и универсальную модель организации энциклопедических знаний, базирующуюся на фреймах/доменах и сценариях.

Роль *когнитивного параметра*, в частности *онтологических знаний*, в инференционной деятельности наиболее очевидна в тех случаях, где ясно

прослеживается несформированность того или иного «лексического концепта» в «концептуальной сети» одного из коммуникантов, что становится причиной коммуникативной неудачи. Например:

SHELDON: *I never eat in strange restaurants. One runs the risk of non-standard cutlery.*

RAMONA: *Excuse me?*

LEONARD: *Sheldon lives in fear of the three-tined fork.* (The Big Bang Theory: season 2, episode 6)

Рамона не понимает высказывания Шелдона, поскольку «книжная» лексема *cutlery* не активирует в ее памяти никакого «лексического концепта». Скорее всего, этот концепт вообще не сформирован. Во всяком случае, он не активируется его словарным обозначением. Это может объясняться спецификой сферы онтологических знаний, частью которой он является. В когнитивной лингвистике такого рода знания осмысливаются в терминах суперординатного уровня прототипной категории [Lakoff 1987]. Собственно, лексема *cutlery* есть именем категориального концепта суперординатного уровня прототипной категории **СТОЛОВЫЕ ПРИБОРЫ**. А концепты суперординатного уровня не принадлежат к конвенциональному знанию, т.к. сформированы далеко не у всех членов лингвокультуры, в отличие от концептов базового уровня соответствующих категорий [там же].

Это предположение подтверждается тем, что Леонард, осознавая причину непонимания, объясняет смысл высказывания путем метонимической замены «книжной» лексемы *cutlery* нейтральной лексемой *fork*, обозначающей члена базового уровня той же категории и, соответственно, являющейся именем концепта базового уровня этой категории – **ВИЛКА**.

Подобным образом инференционный анализ позволяет выявить роль *аксиологических*, в частности, *этологических знаний* в конструировании смыслов языковых/речевых единиц в акте коммуникации:

Joey and Michael's house.

JOEY: *Hey, Michael. Who was that girl last night?*

MICHAEL: *I wasn't with a girl.*

JOEY: *No, the one I brought home. I can never remember her name.* (Joey: season 1, episode 11)

Майкл не может интерпретировать вопрос в соответствии с ожиданиями Джои, поскольку Джои выходит за рамки конвенциональных знаний этических норм домена / фрейма **МЕЖГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**. Не ожидается, что парень, пришедший домой с девушкой, станет спрашивать у друзей ее имя. Поэтому Майкл делает инференцию, более релевантную в данном контексте. Согласно этой инференции, речь идет о его собственной девушке.

В следующем акте коммуникации инференции коммуникантов опираются на *(лингво)этологические знания*:

GRACE: *Stop! Karen, how about some coffee?*

KAREN: *Oh, no, I had some on the way in. Thanks.* [beat] *Oh, you want some.*

*Oh, devil! Oh! I need an assistant. All right, where is it?* (Will and Grace: season 1, episode 3)

Карен, находящаяся в дружеских отношениях с Грейс, и, в то же время, работающая ее ассистентом, ошибочно интерпретирует вопрос Грейс как **ПРИГЛАШЕНИЕ ВЫПИТЬ КОФЕ**. Это происходит потому, что она ориентируется на сценарий коммуникативного события **РАЗГОВОР С ПОДРУГОЙ** (конвенциональные (лингво)этологические знания). В рамках этого сценария такая инференция является вполне релевантной. В то же время, Грейс, задавая вопрос, действует в рамках сценария **РАЗГОВОР С ПОДЧИНЕННЫМ**. И в рамках этого сценария от адресата ожидается инференция о том, что к ней обращаются с **ПРОСЬБОЙ СДЕЛАТЬ КОФЕ**.

Инференционный анализ также позволяет проследить взаимодействие когнитивного параметра с другими параметрами, в частности с *параметром внимания*:

Sheldon and Penny went to an *electrical store*.

RANDOM GUY: *Which hard drive do I want, firewire or USB?*

SHELDON: *It depends on what Bus you have.*

GUY: *I drive a Chevy Cavalier.*

SHELDON: *Oh, dear lord.* (The Big Bang Theory: season 1, episode 16)

Эта интеракция происходит в компьютерном магазине. Один из покупателей, Шелдон, мотивированный желанием помочь другому покупателю подобрать жесткий диск, спрашивает, какая шина (*Bus* – канал передачи информации) используется в его компьютере. Учитывая перцептивный контекст, в процессе построения вопроса адресант опирается на онтологические знания домена / фрейма КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, а также (лингво)этологические знания сценария РАЗГОВОР С НЕЗНАКОМЦЕМ В КОМПЬЮТЕРНОМ МАГАЗИНЕ.

Лексическая единица *Bus* активирует в сознании адресата более укорененный концепт АВТОБУС. Гипотетически, это можно объяснить недостатком онтологического опыта адресата в компьютерной сфере. Вместе с тем, с определенной долей вероятности, эту коммуникативную неудачу можно объяснить невнимательностью, т.е. отсутствием фокуса внимания адресата (возможно, его мысли заняты чем-то другим).

В любом случае, очевидно, что в своей инференционной деятельности адресат опирается на домен / фрейм ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА. Несовпадение ожидаемых инференций с реально произведенными приводит к коммуникативной неудаче.

Роль параметра внимания еще более очевидна в следующем акте:

JACK: *Are there any specific areas that are troubling you?*

KAREN: *Yeah. My marriage.*

JACK: *I mean your body, Karen.* (Will and Grace: season 1, episode 8)

С точки зрения Джека, этот акт когнитивно-коммуникативного взаимодействия разворачивается по сценарию коммуникативного события СЕАНС МАССАЖА. Соответственно, задавая вопрос пациентке, он соотносит словосочетание *any specific areas* с буквальным концептуальным содержанием ПРОБЛЕМНЫЕ УЧАСТКИ ТЕЛА (онтологические знания – домен ЛЕЧЕБНЫЙ МАССАЖ, (лингво)этологические знания – стереотипы социального и коммуникативного поведения, соответствующие коммуникативному событию СЕАНС МАССАЖА).

Карен интерпретирует этот вопрос в рамках сценария коммуникативного события СЕАНС ПСИХОАНАЛИЗА, соотнося языковое выражение *any specific areas* не с буквальным концептуальным содержанием ПРОБЛЕМНЫЕ УЧАСТКИ ТЕЛА, а с метафорическим – ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ БРАКА. Причина нерелевантной интерпретации состоит, конечно же, не в том, что у Карен не сформированы концепты соответствующих доменов, а в том, что в момент разговора ее мысли и эмоции заняты проблемами ее рушащегося брака, и она не может (или не хочет) сфокусироваться на предмете, задаваемом партнером по коммуникации.

Инференционный анализ также позволяет учесть роль *аффективного параметра* в инференционной деятельности:

Daphne and Niles were sitting at the fireplace. Niles has feelings for her.

DAPHNE: *Dr. Crane...*

NILES: [passionately] *Yes, Daphne?*

DAPHNE: *We're losing the fire.*

NILES: *No we're not, it's burning with the heat of a thousand suns!*

DAPHNE: [turning to the fire] *But it's down to its last embers!*

NILES: [calming down] *Well then... I'll put some wood on it!* (Frasier: season 1, episode 17)

Сидя у огня со своим другом Найлзом, Дафни хочет обратить его внимание на то, что огонь вот-вот погаснет. Соответственно, Дафни ожидает, что Найлз проинтерпретирует

ее высказывание как ПРОСЬБУ ПОДДЕРЖАТЬ ОГОНЬ. Найлз (в отличие от Дафни, не испытывающей к нему особых романтических чувств) влюблен в нее. И это аффективное состояние определяет характер его инференции. Он интерпретирует ее высказывание не в буквальном, а в метафорическом смысле как ОПАСЕНИЕ, ЧТО ИХ РОМАНТИЧЕСКАЯ СТРАСТЬ ВОТ-ВОТ УГАСНЕТ. Разумеется, аффективное состояние, переживаемое Найлзом, тесно взаимосвязано с параметром внимания, заставляя его сфокусироваться на переживаемом чувстве и вытесняя из фокуса внимания все другие объекты.

Предлагаемая методика также позволяет выявить роль *волеизъявительного параметра* в инференционной деятельности, который практически не упоминается в исследованиях коммуникации:

Rondall thought that Jill was hitting on him.

JILL: *Rondall, I'm sorry, but I'm gonna have to ask you to leave.*

RONDALL: *Oh, oh, that's good, that's good, that's good. You're pretending to throw me out because your husband can see us.* [Jill gets his briefcase and coat].

JILL: *No, I'm really throwing you out.* (Home Improvement: season 1, episode4)

Рондал уверен в том, что Джил им увлечена, и не хочет принимать во внимание ее протесты по поводу этой уверенности. Поэтому когда она просит его уйти, он делает инференцию, что она просто боится ревности мужа. Соответственно, коммуникативная неудача здесь есть следствием нежелания коммуниканта принять во внимания информацию, позволяющую ему сделать инференцию, релевантную в данном контексте.

Наконец, инференционный анализ выявляет и роль *перцептивного параметра*:

Chandler was talking to his mother and Joey was listening at the door when

Ross walked up.

JOEY: *He said "When are you gonna grow up and start being a mom?"*

ROSS: *Wow!*

JOEY: *Then she came back with "The question is, when are you gonna grow up and realise I have a bomb?"*

ROSS: *Okay, wait a minute, are you sure she didn't say "When are you gonna grow up and realise I am your mom?"*

JOEY: *That makes more sense.* (Friends: season 1, episode 11)

Подслушивая за дверью разговор Чендлера с матерью, Джои плохо слышит ее высказывание и делает ложную инференцию о том, что у нее есть бомба. Нерелевантная инференция порождается механическим шумом в слуховом сенсорном канале.

#### 4. Выводы и перспективы

Создание когнитивно-коммуникативной эпистемологии требует учета следующих обстоятельств:

1. Объектом исследований языка, претендующих на статус когнитивно-коммуникативных, должно стать реальное (или смоделированное в мультимодальной среде) коммуникативное взаимодействие.

2. Методики когнитивно-коммуникативного анализа должны опираться на существующие когнитивные теории, отражающие представления о структурной организации когнитивной системы человека и принципах ее функционирования в процессах обеспечения коммуникативной деятельности.

3. Такому требованию отвечает инференционный анализ коммуникативного взаимодействия. Он базируется на понятии инференции как когнитивной операции получения интроспективного выводного знания в акте интерпретации высказывания и как продукта этой когнитивной операции. Инференции могут иметь когнитивную рациональную причинно-следственную основу, когда они делаются на основе энциклопедических знаний разного типа (онтологических, аксиологических, (лингво)этологических); аффективную

основу, когда они есть результатом определенного эмоционального состояния; волевую основу, когда они есть продуктом волеизъявления; перцептивную основу, когда они возникают как результат непосредственного сиюминутного перцептивного опыта. Кроме того, инференции зависят от фокуса внимания коммуникантов.

Усовершенствование процедуры инференционного анализа и применение его на более широком материале составляет **перспективу** дальнейших исследований в этом направлении.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : [избранные труды] / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
3. Кибрик А.Е. Лингвистические постулаты / А.Е. Кибрик // Ученые записки Тартуского ун-та. – Тарту, 1983. – Вып. 621. Механизмы ввода и обработки знаний в системах понимания текста: Труды по искусственному интеллекту. – С. 24–39.
4. Кравченко А.В. Является ли язык репрезентативной системой? / А.В. Кравченко // *Studia Linguistica Cognitiva*. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – С. 135–156.
5. Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе / А.В. Кравченко // *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство* : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 51–65.
6. Мамардашвили М.К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 216 с.
7. Мартинюк А.П. Конструювання гендеру в англомовному дискурсі : [монографія] / А.П. Мартинюк. – Харків : Константа, 2004. – 292 с.
8. Мартинюк А.П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики / А.П. Мартинюк. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 196 с.
9. Мартинюк А.П. Стратегия как базовый инструмент когнитивного анализа коммуникации / А.П. Мартинюк // *Записки з романо-германської філології*. – 2015. – Вип. 1(34). – С. 80–90.
10. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 363–373.
11. Фролова И.С. Стратегія конфронтації в англомовному дискурсі : [монографія] / И.С. Фролова. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – 344 с.
12. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Чесноков Иван Иванович. – Волгоград, 2009. – 44 с.
13. Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия / Г.П. Щедровицкий. – М. : Наследие ММК, 2005. – 800 с.
14. Anderson J. *The Architecture of Cognition* / J. Anderson. – Cambridge, M.A. : Harvard University Press, 1983. – 345 p.
15. Anderson J.A. *Human associative memory* / J.A. Anderson, G.H. Bower. – Washington, DC : Winston and Sons, 1973. – 524 p.
16. Brown G. *Discourse analysis* / G. Brown, G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 288 p.
17. Chafe W. *Discourse, consciousness and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing* / W. Chafe. – Chicago : Chicago University Press, 1994. – 392 p.



18. Clark A. The extended mind / A. Clark, D. Chalmers // *Analysis*. – 1998. – Vol. 58, № 1. – P. 7–19.
19. Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis / M. Coulthard. – L. : Longman, 1977. – 195 p.
20. Croft W. Cognitive linguistics / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
21. Evans V. Cognitive linguistics: an introduction / V. Evans, M. Green. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
22. Fauconnier G. Conceptual projection and middle spaces [Electronic resource] / G. Fauconnier. – San Diego: University of California, Department of Cognitive Science Technical Report 9401, 1994. – Access : <http://www.blending.stanford.edu>.
23. Fauconnier G. Mappings in thought and language / G. Fauconnier. – Cambridge, U.K. : Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
24. Fauconnier G. The way we think : Conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York : Basic Books; 2002, xvii + 440 p.
25. Fillmore Ch. Frame semantics / Ch. Fillmore // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL*. – 1981. – Seoul, 1982. – P. 111–137.
26. Fillmore Ch. Frames and the semantics of understanding / Ch. Fillmore // *Quaderni di Semantica*. – 1985. – № 6(2). – P. 222–253.
27. Fodor J. A. The red herring and the pet fish: why concepts still can't be prototypes / J.A. Fodor, E. Lepor // *Cognition*. – 1996. – 58. – P. 253–70.
28. Hardy C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter / C. Hardy. – Wesport, Connecticut; London : Praeger, 1998. – 217 p.
29. Harris R. From an integrational point of view / R. Harris // *Linguistics inside out: Roy Harris and his critics* / [ed. by G. Wolf, N. Love]. – Amsterdam : Benjamins, 1997. – P. 229–310.
30. Järvilehto T. The theory of the organism-environment system: III. Role of efferent influences on receptors in the formation of knowledge / T. Järvilehto. // *Integrative Psychological and Behavioural Science*. – 1999. – 34. – P. 90–100.
31. Lakoff G. Women, fire and other dangerous things. What categories reveal about mind / G. Lakoff. – Chicago and London : Chicago University Press, 1987. – 614 p.
32. Lakoff G. Foreword to Gilles Fauconnier, *Mental Spaces* / G. Lakoff, E. Sweetser. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – P. ix–xlvi.
33. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Chicago University Press, 1980. – 242 p.
34. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar / R.W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – Vol. 1. Theoretical prerequisites. – 516 p.
35. Langacker R. Discourse in cognitive grammar / R. Langacker // *Cognitive Linguistics* 12. – 2001. – № 2. – P. 143–188.
36. McClelland J.L. The appeal of parallel distributed processing / J.L. McClelland, D.E. Rumelhart, G.E. Hilton // PDP Research Group. *Parallel Distributed Processing: Explorations in the microstructure of cognition*. – Cambridge, MA, 1986. – Vol. 1. – P. 3–44.
37. Moore T. Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics / T. Moore, C. Carling. – London : Macmillan, 1982. – 225 p.

## REFERENCES

- Anderson, J. (1983). *The Architecture of Cognition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Anderson, J.A., & Bower, G.H. (1973). *Human associative memory*. Washington, DC: Winston and Sons.
- Brown, G., & Yule, G. (1983). *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Chafe, W. (1994). *Discourse, consciousness and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: Chicago University Press.
- Chesnokov, I.I. (2009). *Mest' kak jemocional'nyj povedencheskij koncept (opyt kognitivno-kommunikativnogo opisanija v kontekste russoj lingvokul'tury. Neopubl. avtoref. diss. doct. filol. nauk [Revenge as an emotional behavioural concept (a case of cognitive-communicative description in the context of Russian culture. Unpublished dr. philol. sci. diss. synopsis]*. Volgograd (in Russian).
- Clark, A., & Chalmers, D. (1998). The extended mind. *Analysis*, 58(1), 7–19.
- Coulthard, M. (1977). *An Introduction to discourse analysis*. London: Longman.
- Croft, W., & Cruse, D.A. (2004). *Cognitive linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Evans, V., & Green, M. (2006). *Cognitive linguistics: an introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Fauconnier, G. (1994). *Conceptual projection and middle spaces* (University of California Department of Cognitive Science Technical Report No. 9401). Available at: <http://www.blending.stanford.edu>
- Fauconnier, G. (1997). *Mappings in thought and language*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press.
- Fauconnier, G., & Turner, M. (2002). *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books.
- Fillmore, Ch. (1985). Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*, 6(2), 222–253.
- Fillmore, Ch. (1982). Frame semantics. *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL*, Seoul, 111–137.
- Fodor, J.A., & Lepor, E. (1996). The red herring and the pet fish: why concepts still can't be prototypes. *Cognition*, 58, 253–270.
- Frank, D. (1985). Sem' grehov pragmatiki: tezisy o teorii rechevyh aktov, analize rechevogo obshhenija, lingvistike i ritorike [Seven sins of pragmatics: theses on speech act theory, conversational analysis, linguistics and rhetoric]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – New trends in linguistics abroad*, 17, 363–373 (in Russian).
- Frolova, I.Ye. (2009). *Stratehiya konfrontatsiyi v anhlomovnomu dyskursi [Strategy of confrontation in the English discourse]*. Kharkiv: KhNU imeni V.N. Karazina Publ. (in Ukrainian).
- Hardy, C. (1998). *Networks of meaning: A bridge between mind and matter*. Wesport, Connecticut; London: Praeger.
- Harris, R. (1997). From an integrational point of view. In: G. Wolf, & N. Love (Eds.). *Linguistics inside out: Roy Harris and his critics* (pp. 229–310). Amsterdam: Benjamins.
- Issers, O.S. (2002). *Kommunikativnye strategii i taktiki russoj rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech]*. Moscow: URSS Publ. (in Russian).
- Järvilehto, T. (1999). The theory of the organism-environment system: III. Role of efferent influences on receptors in the formation of knowledge. *Integrative Psychological and Behavioural Science*, 34, 90–100.
- Kibrik, A.E. (1983). Lingvisticheskie postulaty [Linguistic postulates]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. – Scientific papers of Tartu University*, 621, 24–39 (in Russian).
- Kravchenko, A.V. (2006). Javljaetsja li jazyk reprezentivnoj sistemoj? [Is language a system of representation?]. *Studia Linguistica Cognitiva*, 1, 135–156 (in Russian).
- Kravchenko, A.V. (2009). O tradicijah, jazykoznanii i kognitivnom podhode [About traditions, linguistics and cognitive approach]. In: *Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo [Horizons of modern linguistics: Traditions and novelty]* (pp. 51–65). M.: Jazyki slavjanskih kul'tur Publ.

- Lakoff, G. (1987). *Women, fire and other dangerous things. What categories reveal about mind*. Chicago and London: Chicago University Press.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: Chicago University Press.
- Lakoff, G., & Sweetser, E. (1994). Foreword. In: G. Fauconnier. *Mental Spaces* (pp. ix–xvi). Cambridge: Cambridge University Press.
- Langacker, R. (2001). Discourse in cognitive grammar. *Cognitive Linguistics* 12(2), 143–188.
- Langacker, R.W. (1987). *Foundations of cognitive grammar. Theoretical prerequisites (Vol. 1.)*. Stanford: Stanford University Press.
- Mamardashvili, M.K. (1999). *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdenija o soznanii, simvolike i jazyke [Symbol and conscience. Metaphysical discussion about conscience, symbols and language]*. M.: Shkola: «Jazyki russoj kul'tury» Publ.
- Martynjuk, A.P. (2015). Strategija kak bazovyj instrument kognitivnogo analiza kommunikacii [Strategy as a basic instrument of cognitive analysis of communication]. *Zapysky z romanohermans'koyi filolohiji. – Notes in Romance and Germanic philology*, 1(34), 80–90 (in Russian).
- Martynyuk, A.P. (2004). *Konstruyuvannya henderu v anhlomovnomu dyskursi [Construction of gender in the English discourse]*. Kharkiv: Konstanta Publ.
- Martynyuk, A.P. (2012). *Slovyk osnovnykh terminiv kohnityvno-dyskursyvnoyi linhvistyky [A dictionary of terms of cognitive-discursive linguistics]*. Kharkiv: KhNU imeni V.N. Karazina Publ.
- McClelland, J.L., Rumelhart, D.E., & Hilton, G.E. (1986). The appeal of parallel distributed processing. *Parallel distributed processing: explorations in the microstructure of cognition*, 1, 3–44.
- Moore, T., & Carling, Ch. (1982). *Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics*. London: Macmillan.
- Shhedrovickij, G.P. (2005). *Myshlenie. Ponimanie. Refleksija [Thought. Understanding. Reflection]*. M.: Nasledie MMK Publ.
- Zalevskaja, A.A. (2005). *Psiholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst. [Psychological studies. Word. Text]*. Moscow: Gnozis Publ.

**Мартынюк Алла Петровна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (площадь Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: allamart@list.ru

**Martyniuk Alla Petrovna** – doctor of philological sciences, professor, the Theory and Practice of Translation Chair, V.N. Karazin Kharkiv National University (Maidan Svobody, 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: allamart@list.ru

УДК 81-119

## **ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КОГНИТИВНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ**

**Ж.Н. Маслова (Балашов, Россия)**

**Ж.Н. Маслова. Художественная концептуализация и когнитивное варьирование.** В статье представлен когнитивный подход к анализу поэтического текста, в рамках которого рассматриваются особенности концептуализации знания в художественном творчестве. Уточнено понятие «художественный концепт», рассмотрены его отличия от художественного образа. Художественный концепт как ментальная единица знания характеризуется наличием ряда компонентов. На основе анализа данных компонентов создана уровневая классификация художественных концептов, которая позволяет показать связь сознания и языка. Классификация включает концепты, образованные на разных уровнях текста. Это: звукоритмический концепт; предметный концепт; процессуально-относительный концепт; событийный концепт; концепт-впечатление; иконический концепт. Художественные концепты образуют систему, которая определяет границы когнитивного варьирования. Когнитивное варьирование делает возможной успешную интерпретацию художественного смысла при разнообразии художественных языковых форм. В концептуализации художественно-эстетического опыта метафорические модели, в большей степени, организуют концептуальный уровень, метонимические – языковой уровень.

**Ключевые слова:** когнитивное варьирование, концептуализация, образ, уровень, художественный концепт, язык.

**Ж.Н. Маслова. Художня концептуалізація і когнітивні варіювання.** У статті представлений когнітивний підхід до аналізу поетичного тексту, в рамках якого розглядаються особливості концептуалізації знання в художній творчості. Уточнено поняття «художній концепт», розглянуті його відмінності від художнього образу. Художній концепт як ментальна одиниця знання характеризується наявністю ряду компонентів. На основі аналізу даних компонентів створена рівнева класифікація художніх концептів, яка дозволяє показати зв'язок свідомості і мови. Класифікація включає концепти, утворені на різних рівнях тексту. Це: звукоритмічний концепт; предметний концепт; процесуально-відносний концепт; подієвий концепт; концепт враження; іконічний концепт. Художні концепти утворюють систему, яка визначає межі когнітивного варіювання. Когнітивне варіювання уможливило успішну інтерпретацію художнього сенсу при різноманітності художніх мовних форм. У концептуалізації художньо-естетичного досвіду метафоричні моделі більшою мірою організовують концептуальний рівень, метонімічні – мовний рівень.

**Ключові слова:** когнітивне варіювання, концептуалізація, мова, образ, рівень, художній концепт.

**Zh.N. Maslova. Artistic conceptualization and cognitive variation.** It is presented cognitive approach for poetic text analysis in the article, in terms of which features of knowledge conceptualizing in artistic creation are considered. The term "artistic concept" is specified and its difference from artistic image is examined. Artistic concept as a mental unit of knowledge is characterized with the set of components. Level classification of artistic concepts is created which is based on analysis of components. It allows displaying contact between consciousness and language. Classification includes concepts which were formed at different levels of the text. There are: Sound-rhythmic concepts; Subject concepts, Process-Relative concept; Event Concept, Impression Concept, Iconic concepts. Artistic concepts form the system which determines the limit of cognitive variation. Cognitive variation makes effective artistic interpretation possible in diversity of artistic linguistic forms. In the process of conceptualizing of artistic and aesthetic experience metaphoric models, in a greater degree, organize the conceptual level, metonymical – linguistic level.

**Key words:** artistic concept, cognitive variation, conceptualization, image, language, level.

## 1. Введение

Интерес к антропоцентрической природе языка привел к переосмыслению ряда научных проблем. Это касается, в частности, анализа художественного текста. Методологический аппарат когнитивной лингвистики позволяет рассмотреть художественное творчество как процесс концептуализации и категоризации художественно-эстетического опыта. Основная сложность при этом возникает в преодолении литературоведческой и стилистической традиции, выработке собственных инструментов когнитивного анализа художественного и поэтического текстов. В соответствии с этим **актуальность** работы состоит в постановке вопроса об особенностях концептуализации художественного опыта, уточнении понятия художественный концепт, включении в исследование художественной концептуализации различных уровней текста. **Объектом** исследования являются особенности художественной концептуализации, **предметом** – уровни концептуализации знания в художественном (поэтическом) тексте. **Цель работы** состоит в описании особенностей художественной концептуализации и представлении уровневой классификации художественных концептов. **Материалом** послужили тексты современной русскоязычной и англоязычной поэзии.

## 2. Художественный концепт и художественный образ

Концептуализация опыта происходит в художественном творчестве с участием уже упомянутых особых компонентов знания – в этом специфика «художественной» концептуализации. В процессе концептуализации единицей знания является концепт, в нашей области исследования – это художественный концепт. *Художественный концепт* является видовым по отношению к понятию концепт. По одной из трактовок, это «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества... как универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [Миллер 2000: 41–42]. Художественный концепт не равен художественному образу. Это ментальная единица, включающая многие смыслы, даже те, которые не подразумеваются в художественном произведении.

Художественный концепт становится таковым, когда осознается как дискретная единица, и ряд абстрактных сложных, эстетически осмысленных представлений закрепляется за конкретно-предметной сущностью на основе метонимических или метафорических отношений. В ряде случаев их трудно разграничить, поэтому эмоции входят в состав художественных концептов как компонент. **Художественный концепт** – это единица художественной интерпретации опыта и уже результат вторичного осмысления, вторичной концептуализации, а **художественный язык** – это символичный язык чувственно-эмоциональной сферы, язык субъективности, бессознательного. Под **художественной интерпретацией** мы понимаем эстетически осмысленный и закреплённый средствами художественного или поэтического языка (шире – средствами искусства) результат переживания жизненной ситуации.

Художественный образ конструируется в силу когнитивной способности человека с помощью когнитивных механизмов. Это одна из возможных языковых репрезентаций художественного концепта и элемент художественного (поэтического) текста. При формировании художественного образа происходит закрепление пучка смыслов за определенной языковой формой. Языковая форма представляет собой, чаще всего, не отдельное слово, а фразу, цитату, фрагмент текста или целое произведение. Художественный образ формируется в рамках произведения, ряда произведений, литературного направления или на уровне национальной или мировой литературы.

Традиционные для художественного творчества концепты репрезентированы через наибольшее количество образов.

То, какими средствами создается образ – имеет историческую и национальную зависимость [Павлович 1991], которая фиксируется в границах вариативности. Формы языковой репрезентации концептов и межконцептуальные связи также трансформируются. Узнаваемость и, в то же время, новизна художественных (поэтических) образов дает право предполагать существование скрытых закономерностей: они узнаются, потому что соотносятся с одним художественным (поэтическим) концептом. Так как кодирование в памяти фиксирует не понятия, а отношения между ними, то эти отношения подвижны – за счет чего становится возможным употребление слов в различных контекстах и формирование новых смыслов. Один концепт может быть репрезентирован через разные образы. Например, концепт ЛЮБОВЬ репрезентирован у Б. Пастернака в конкретном образе проводов:

*«Сними ладонь с моей груди, / Мы провода под током. / Друг к другу вновь, того гляди, / Нас бросит ненароком». В другом случае это «прыжок в бассейн, / в котором нет воды» (Г. Глинка).*

### 3. Уровневая классификация художественных концептов

Художественный концепт как ментальная единица знания характеризуется наличием **предметного компонента, понятийного компонента, ценностно-оценочного, символического, ассоциативного, мифологического, образного** компонентов, причем образный компонент эстетически осмыслен. Художественный концепт имеет обязательную эмоциональную составляющую и несет компонент эстетической оценки. Сам процесс формирования поэтического образа как репрезентанта художественного концепта – это процесс подбора сущностей с релевантной эмоционально-эстетической оценкой и одновременно процесс закрепления этой оценки. Художественный (поэтический) концепт закрепляет особые представления о возможностях языка быть языком искусства.

Так как исследование художественных концептов возможно по их языковым репрезентациям, то в типологии художественных концептов необходимо отразить связь ментальных структур и языковых уровней, что позволит расширить границы исследования художественных концептов, которые сегодня зачастую ограничены лексическим уровнем. Так как данная типология разработана на основе анализа поэтических текстов, то понятия художественный концепт и поэтический концепт будут употребляться как синонимичные.

В поэзии статус слова изменчив – оно может быть относительно самостоятельным или становиться знаком в потоке знаков. В поэзии концепт способен реализовываться в различной знаковой форме. Изучение соотношения концептуальной и языковой картин мира показывает, что для вербализации сведений, хранящихся в когнитивной структуре концепта, в каждой лингвокультуре присутствует множество разнообразных и разнородных средств, не равнозначных друг другу и, следовательно, имеющих определенную «специализацию». Слово в поэтическом тексте – художественный знак и содержание поэтического текста структурировано по определенным принципам. Это новизна языкового образа, видоизменение уже существующих образов, пропуск смысловых звеньев, эмоциональность, фрагментарность, субъективность и т.д.

Целостность восприятия поэтического текста создается при взаимодействии ментальных и языковых уровней. *«A poet works with five elements – thought, mood, imagery, melody and rhythm»* [Gehlmann, Bowman 1958: 254]. Субъективный смысл кодируется на фонетическом, ритмическом, морфологическом, образно-лексическом, синтаксическом (пропозициональном) уровнях. *Фонетический уровень стиха* – способ кодирования самых абстрактных и приблизительных смыслов. Фонетический уровень языка остается на периферии исследовательских интересов при когнитивных исследованиях

художественного текста. Это происходит, главным образом, в силу того, что звуку традиционно отказывают в наличии значения и «его когнитивная составляющая не столь очевидна» [Чикина 2006: 51]. Так как многочисленными исследованиями установлена связь звука и смысла [Воронин 1982; Павловская 2004], то справедливо заключить, что через скопление идентичных или похожих звуков кодируется общий эмоциональный фон – веселость, тревожность, умиротворенность и т.д. Звукоизобразительность основана на *синестэзии*. Это психофизиологический механизм, который позволяет установить взаимодействие между ощущениями разных модальностей и между ощущениями и эмоциями [Воронин 1982]. Механизм синестэзии универсален и он обуславливает возможность перехода от чисто акустических характеристик стимула (высота, интенсивность), находящихся в прямой зависимости от акустико-артикуляционных параметров звука, к характеристикам другой модальности ощущений (размер, форма) или к более сложной модальности когнитивного и эмотивного опыта. Звук обладает самостоятельным фонетическим значением, которое под влиянием фонологической и лексической систем конкретного языка приобретает национально-специфические характеристики. Фоносемантические механизмы проявляются на уровне отдельных звуков, на уровне отдельных лексем (в частности, звукоподражательных и звукосимволических), на уровне целого текста.

В связи с этим следует выделять **звуковые концепты**, участвующие в формировании смысла поэтического текста, которые представлены в языке графическим алфавитным и транскрипционным обозначением. Они имеют понятийную характеристику в виде характеристик звука, образную и оценочную характеристики, и концептуализируют самые обобщенные смыслы:

*«Where the chalk wall falls to the foam and its tall ledges / Oppose the pluck / And knock of the tide, / And the shingle scrambles after the suck- / -ing surf, and a gull lodges / A moment on its sheer side» (W.H. Auden).*

В данном примере шипящие и свистящие звуки в сочетании с сонорными создают имитацию звучности прилива и одновременно шороха движимой приливом гальки. В данных концептах присутствует ядерная характеристика, которая в фоносемантике обозначена как *примарная мотивированность*. В процессе денатурализации языкового знака происходит утрата примарной мотивированности, которая замещается, «компенсируется» *секундарной мотивированностью* – семантической и морфологической. Однако примарная мотивированность ярко проявляется на уровне текста, особенно в поэзии.

Смысл возникает и на уровне *ритма*. Для стихотворного текста важны не синтаксические единицы, а единицы, ритмически организованные, так как это речь, прежде всего, периодическая. Ритмизированный языковой материал по природе своей национален. Вследствие чего переводчику часто легко передать содержание, но не смысл. С одной стороны, ритм – «это манипуляция речью во времени» [Лосев 2006: 189]. В зависимости от индивидуального замысла автора, он может быть плавным и напевным, быстрым и рваным. С другой стороны, он обладает культурной памятью, которая может влиять на смысл произведения независимо от авторской воли. Например, «у анапеста есть определенный сентиментальный семантический ореол, видимо, связанный с его вальсовым, «на три счета», ритмом. Анапест ... уже для Мандельштама был скомпрометирован как пошловатый романсный размер» [Лосев 2006: 191]. Ритм является самостоятельным смысловым компонентом, формирующим общий смысл текста. В большинстве случаев представления о конкретном ритмическом рисунке связаны со стихотворным размером или музыкальным жанром:

*«Can the rough stuff... now a Mississippi steamboat pushes / up the night river with a hoo-hoo-hoo-oo... and the green / lanterns calling to the high soft stars... a red moon / riders on the humps of the low river hills... go to it, / O jazzmen» (C. Sandburg).*

В данном случае средствами поэтического языка имитируется джазовый ритм.

С помощью *морфологических элементов*, например, кодируются основополагающие стабильные элементы смысла, наиболее общие и существенные свойства событий и их компонентов: «Содержание морфологически передаваемых концептов включает максимально обобщенные и абстрактные характеристики, которые в процессе активизации требуют дальнейшего уточнения и конкретизации при участии дополнительных лингвистических факторов... морфология выступает как область смыслов, служащих основой для формирования конкретных грамматических и лексико-грамматических смыслов» [Беседина 2006: 12].

На *образно-лексическом уровне* кодируются предметные и признаковые смыслы:

«*Some say the world will end in fire, / Some say in ice*» (R. Frost).

Через существительные *огонь* и *лед* репрезентируются разрушительные стихии, данные слова играют ключевую роль в формировании смысла стихотворения. Выделять образно-лексический уровень необходимо и потому, что слово в поэтическом тексте, как правило, является частью синтетической структуры – *образа*, как *репрезентации результата работы механизмов формирования смысла* (метафоры, метонимии и т.п.):

«*the earth was wailed in a late rain*» (R. Jeffers).

В образе земли под вуалью дождя слиты представления о земле как о женщине и дожде как полупрозрачной субстанции.

На *пропозициональном уровне* кодируются субъектно-, объектно-, предикативные отношения, а также событийные смыслы:

«*what America did you have when Charon quit poling his ferry and / you got out on a smoking bank and stood watching the boat / disappear on the black waters of Lethe*»  
(A. Ginsberg).

В стихотворении А. Гинсберга Харон, его лодка, черные воды Леты связаны в одно событие и представляют собой одну сложную метафору смерти. Уровневые смыслы в итоге складываются в единую структуру, порождая общий смысл на уровне текста и далее – на сверхтекстовом уровне, когда речь идет о совокупности текстов.

Особенностью поэтического языка является то, что слово в поэтическом тексте извлечено из привычного контекста, оно приобретает иное значение, обнаруживает возможность новых ассоциативных связей. Такое слово становится *художественным словом*, и уникальное приобретенное значение часто существует только в рамках конкретного поэтического текста:

«*Now I cannot guess / What I can use an empty heart-cup for*» (G. Brooks).

Из-за возникающего потенциала создания множества ассоциативных связей художественное слово оказывается понятийно неисчерпанным, происходит «наращение смысла» [Виноградов 1959]. Слово в поэзии обращено также к культурной памяти человека, что позволяет выразить новое содержание через призму ментальности, социально-культурной истории данного народа. Этим обеспечивается безграничное приращение смысла.

Концептуальные структуры эксплицируются на разных языковых уровнях текста:

1. Ритмический и звуковой рисунок является самостоятельным художественным концептом, поэтому ритм следует считать самостоятельным смысловым компонентом, участвующим в формировании общего смысла текста. Фонетический уровень стиха – способ кодирования самых абстрактных и приблизительных смыслов.

2. На другом уровне находятся художественные концепты, где представления репрезентированы самостоятельным словом. Например:

«*Black Minnaloushe stared at the moon, / For, wander and wail as he would, / The pure cold light in the sky / Troubled his animal blood*» (W. B. Yeats), «*Опять хулиганы / приклеили дольку лимона / к огромному черному небу. / Вот-вот упадет и придавит кому-то конечность*» (Зубастый Кысь).



За луной в художественном мире закреплён ряд устойчивых представлений, связанных с грустью, одиночеством, влюбленностью и т.д. Луна, в данном случае, является ядерным элементом художественного концепта, который репрезентируется ядерным словом либо получает различное языковое выражение через ряд трансформаций – *the pure cold light in the sky*, *долька лимона*. Варианты языковых репрезентаций возникают на основе авторских ассоциаций и с учетом художественного канона, который закреплён в образной составляющей концепта. В образной составляющей художественного концепта содержится также ряд трансформационных моделей для репрезентации образа: луна – женщина, луна – колокол, луна – лицо и т.д. В англоязычной поэзии концепт *moon* служит основанием для выделения целой категории «стихов о луне», где представлены произведения таких авторов, как R. Graves, T. Hughes, W. B. Yeats и др.

3. Художественный концепт формируется и как переосмысленные отношения между объектами:

*«Two roads diverged in a yellow wood, / And sorry I could not travel both» (R. Frost), «И облака покойны и тихи, / взирая на долинный мир высотно, / сидели на снегу, как пастухи, / и, как лаваш, разламывали солнце» (Е. Евтушенко).*

Дорога является символом пути, необходимость выбора репрезентируется через образ двух расходящихся дорог – двух объектов. Солнце и облака в отечественной поэзии, например, представлены как погоня, царь и подданные, белка на дереве, глаза и брови, рубаха и передник [Павлович 1999]. Это свидетельствует о сложной структуре данного типа художественного концепта. Солнце/облака – ядерный элемент, к которому всегда возникает отсылка как «первоисточнику». Вариативная часть (пастухи – лаваш), эксплицируемая в тексте в виде художественного образа, формируется авторской субъективностью и параметрами, определяющими границы художественного восприятия, заложенными в творческом языковом сознании. Следует говорить о матричном характере данной концептуальной структуры [Болдырев 2009] и интегративном характере отношений внутри нее, так как вариативные элементы разноплановы, не обусловлены существованием друг друга, субъективны, нестереотипны, но они тяготеют к одному центральному элементу, который обеспечивает их правильную интерпретацию. Компоненты матрицы связаны с ядром смысловыми отношениями, которые, в большинстве случаев, необратимы, то есть луна может быть представлена как долька лимона или солнце и облака как пастухи и лаваш, но не наоборот. Это свидетельствует о том, что в функции ядра находится гештальт с многомерным смыслом, и каждый из компонентов матрицы его конкретизирует лишь частично.

4. Другой тип концептов отличается сложным, событийным ядром. Так, представление о жизни как о театре реализуется в следующей метафоре:

*«The play seems out for an almost indefinite run / Don't mind a little thing like the actors fighting» (R. Frost). Например, рождение в отечественной поэзии представлено как событие – Господь зажигает свечу, душа влетает в тело: «Человеческое тело / Ненадежное жилье, / Ты влетела слишком смело / В сердце тесное мое»*  
(А. Тарковский).

Данный тип художественного концепта предполагает участников события, ситуации. Здесь выделяются события, переосмысленные в частях мифов и библейских сюжетов, закреплённые в поэзии стереотипные ситуации и их авторские интерпретации. Близость к поэтическому канону и закреплённость события в рамках художественного восприятия выявляются через частотность. Например, жизнь как служба представлена только у Н. Твардовского:

*«Когда бы я не подлежал, / Как все, отставке безусловной» (Н. Твардовский).*

Данные концепты содержат обобщенное представление о ситуации, имеют форму сценария и входят в состав многокомпонентной матрицы.

5. На текстовом уровне формируется еще один тип концепта – *концепт-впечатление*. Одной из особенностей поэтического дискурса является частое отсутствие ядерного слова концепта – концепт выражен описательно, когда слишком обезличен, не имеет названия, табуирован или становится частью игры автора – это знаковая черта поэзии. Если же в поэтическом тексте используются слова обывденного языка, то их значение, зачастую, сильно трансформировано и актуально только в рамках контекста отдельного стихотворения, потому что художественный концепт – результат вторичного переосмысления и вторичной концептуализации.

Вариативность в передаче субъективного смысла создается за счет лексического наполнения. В поэтическом тексте стремление к оригинальности и экспериментам с языковыми репрезентациями концептов соседствует с общеязыковыми правилами и поэтическими нормами. В ряде случаев не совсем понятный образ интерпретируется как гармоничный в данном тексте. В других случаях текст распадается на части. Это дает возможность предположить существование организующей структуры, которой служит *концепт-впечатление*: если образ сам по себе соотносится с этим концептом, то он опознается как гармоничный и сочетается с другими частями текста; если нет – то он выбивается из контекста и нарушает впечатление о стихотворении. Относительно концепта-впечатления группируются языковые средства текста, выбор слов направляется общей идеей и смысл рождается при разворачивании концепта в динамике.

*Концепт-впечатление возникает в результате взаимодействия разноуровневых репрезентированных в тексте концептов, это сложный геитальт, состоящий из образов, картинок, эмоций, представлений индивидуума, вызванного словами-сигналами.* Концепт-впечатление содержит сгусток образов, впечатлений и смыслов, сформированных в результате восприятия поэтического текста. Отдельные концепты, репрезентированные в тексте, реализуют свои иллюкутивные цели, апеллируя к концепту-впечатлению. Например, в поэзии символизма конкретные смыслы зачастую размыты, тем не менее, общее впечатление от стихотворного текста формируется.

6. Таким образом, на сверхтекстовом уровне получают репрезентацию художественные концепты, связанные с графическим оформлением текста. Например, «лестница» В. Маяковского или иконическая поэзия (Рис. 1– 2).

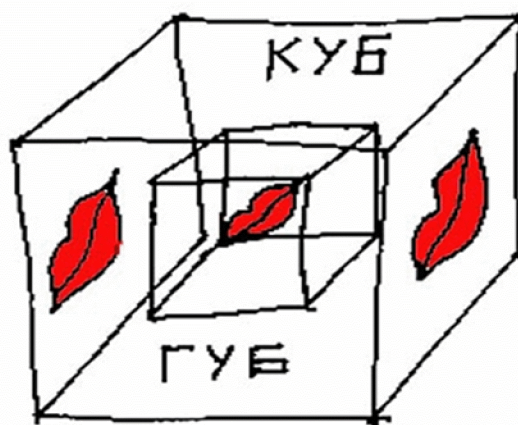


Рис. 1

**Bird # 3**

**Poe's  
 raven told  
 him nothing nevermore  
 and Vincent's circling  
 crows were a threat to destroy  
 sunlight. Now I saw a bird, black with a yellow  
 beak, orange rubber legs  
 pecking to kill the  
 lawn, storm bird  
 hates with claw,  
 evil beak,  
 s  
 u  
 n  
 and eye**

© 1998 Don J Carlson

Рис. 2

Художественный концепт репрезентируется на разных языковых уровнях: фонологическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, текстовом, сверткестовом. Рассмотренные типы художественных концептов обобщены и представлены в следующей классификации:

- Звукоритмический концепт;
- Предметный концепт;
- Процессуально-относительный концепт;
- Событийный концепт;
- Концепт-впечатление;
- Иконический концепт.

Данная классификация не противоречит другим классификациям. Предметные концепты включают, например, гештальты с логической или перцептивной доминантой [Тарасова 2012]. Звукоритмические и предметные концепты относятся к концептуально-простым структурам. Процессуально-относительные, событийные и иконические концепты относятся к концептуально-сложным структурам и могут иметь форму пропозиции, категории, матрицы.

Совокупность концептов образует концептосферу или концептуальную систему, которая возникает как результат обобщения когнитивного опыта человека, хранящийся в виде особых ментальных образований разного типа [Павиленис 1983]. Художественные (поэтические) концепты также образуют систему, представляющую собой результат когнитивного, эмоционального и эстетически осмысленного опыта человека. Данные концепты в силу своей вторичности репрезентируются на разных уровнях поэтического текста и имеют структуру, соотносимую с разными уровнями языковой репрезентации.

#### **4. Феномен когнитивного варьирования в художественной концептуализации**

Подвергая эмоционально-эстетическому осмыслению личный и косвенный опыт реальной жизни, человек использует для репрезентации повседневных переживаний художественные модели, художественный опыт, который, в свою очередь, осмысливается как часть реальности.

Своеобразие художественного языка обусловлено как существованием особых ментальных структур, позволяющих человеку продуцировать, интерпретировать и репрезентировать эмоционально-эстетический опыт в художественной форме, так и особого концептуального содержания, межконцептуальных связей и механизмов формирования художественного смысла. И здесь в полной мере реализуется принцип варьирования на уровне языковых и ментальных структур, так как с одной стороны автор имеет свободу творчества, с другой стороны, его мысль направляется рядом существующих механизмов, моделей и единиц знания.

Художественный концепт – это вторичное образование. Мы относим сюда, главным образом, единицы, возникшие в результате *метафорического, метонимического или символического переосмысления*. Границы варьирования закрепляются в вариативных метонимических, метафорических и символических связях. Например, традиционный для поэтического осмысления концепт ЛЮБОВЬ/LOVE частотно репрезентируется через обозначения огня, пламени, света:

*«Кое как удалось разлучиться / И постылый огонь потушить» (А. Ахматова), «Влюбленность, та похожа на пожар» (И. Бродский), «Не проси облегченья / от любви его нет. / Поздней ночью – свеченье, / Днем – сиянье и свет» (А. Кушнер), «Fire is love and love is fire; / And the fire is within me» (J. Laset).*

Границы варьирования формируют понятие о художественной или поэтической *норме*, благодаря которому возникает иное осознание тех репрезентаций, которые находятся за границами нормы.

Художественный (поэтический) образ является частным случаем реализации художественного (поэтического) концепта. Вариативность художественных образов позволяет сохранять новизну и уникальность авторского видения в репрезентации художественных концептов. Рассмотрим, в частности, репрезентации концепта СТЕНА.

В отечественной поэзии стена представлена как материальная часть внешнего мира и часто употребляется в буквальном значении:

*«Я зайчик Солнечный, снующий / По занавескам в тишине, / Живой, по-заячьи жующий / Цветы обоев на стене» (Н. Матвеева), «и судьба нарушителем пятится прочь / в настоящую старость с плевком на стене» (И. Бродский).*

Слово нередко сохраняет буквальное значение, хотя рядом стоящие слова могут употребляться в метафорическом значении и смежные объекты могут подвергаться метафорическому переосмыслению:

*«То ли серые когти / Рассвета коснулись стены» (Р. Мандельштам), «В зале гул. / Духота... Здесь родильный приют, / И в некрашеном сводчатом чреве / Бьется о стены комнат / Комком непокрашенным / Век» (Б. Пастернак).*

Возможны также формирование и репрезентация метафорических, метонимических и символических концептов с данным словом:

*«Стена теней, / ночей тюрьма / под солнц двустволкой пала» (Вл. Маяковский) (метафорический перенос), «И туча против солнца смоляная, / Над роцями воздвигалась как стена, / И радуга горит над ней цветная, / как вход в Эдем роскошна и страшна» (И. Бунин) (сравнение на основе метафорического переноса), «Ветер несет нас на Запад, как желтые семена / из лопнувшего стручка, – туда, где стоит Стена» (И. Бродский) (символическое замещение), «Белеет мел стены неясно. / Но там, где свет, его атлас / Горит» (И. Бунин) (метонимический перенос).*

Анализ показал, что в отечественной поэтической традиции стена связана, прежде всего, с неподвижностью, препятствием, разграничением. Этот объект в рамках художественно-эстетического мира обладает большой степенью конкретности, реалистичности.

Другие интерпретации данного концепта формируются в текстах иной национальной литературы и другого языка. Например, в стихотворении «Ливан» («Lebanon») ливанского поэта Х. Хави (Kh. Hawi) репрезентирована метафора люди – стены:

*«We were walls facing walls / It was painful to talk / It was painful to feel the distance / Choked by the tragedy / It was painful to talk» (перевод А. al-Udhari). «Мы были стенами, встретившими стены. / Было мучительно начать разговор, / Чувствовать дистанцию. / Шокированным трагедией, / Нам было мучительно разговаривать».*

Хотя в русском языке данный метафорический перенос закреплен на уровне обыденного опыта (идти «стенка на стенку»; за ним, «как за каменной стеной»), он практически не представлен в области художественно-эстетического опыта. Метафора ЛЮДИ – СТЕНЫ не развита в отечественной поэзии, что свидетельствует о существовании нюансов в репрезентации эмоционально-эстетического опыта представителями разных языков и национальных литератур. На наш взгляд, развитию данной метафоры препятствует тот факт, что в отечественной поэтической традиции СТЕНА интерпретируется, главным образом, как объект, ограничивающий и разграничивающий пространство.

В другом тексте представлена метафора СТЕНЫ как источника благодати:

*«Suddenly the dark ceiling / becomes blue crystal hung with / chandeliers. And the decaying putrid / walls have spigots of pure wine. / And the mud of the street is gold».*

Подобные репрезентации концепта СТЕНА также нехарактерны для отечественной поэзии. Вместе с тем, данные интерпретации не исключают представления о стене как о препятствии:

*«How can we remain beneath a single roof? / When there are seas between us, and walls, deserts of cold ash, / And ice?».*

В американской поэтической традиции данный концепт также репрезентируется с другими нюансами. Например, в тексте В. Carman «The Old Gray Wall» используется авторская маска и речь ведется от имени стены, здесь представлена метафора СТЕНА – ЧЕЛОВЕК:

*«Time out of mind I have stood / Fronting the frost and the sun, / That the dream of the world might endure, / And the goodly will be done. / Did the hand of the builder guess, / As he laid me stone by stone, / A heart in the granite lurked, / Patient and fond as his own?».*

В другом тексте «Walls» С.Р. Cavafy представлено метафизическое идеализированное понимание стены как препятствия между миром и человеком. Это развернутая метафора одиночества, отчуждения:

*«Without consideration, without pity, without shame / they have built great and high walls around me. / And now I sit here and despair. / I think of nothing else: this fate gnaws at my mind; / for I had many things to do outside. / Ah why did I not pay attention when they were building the walls. / But I never heard any noise or sound of builders».*

Буквальный вариант репрезентации концепта в американской поэзии также присутствует. Например, текст «On the Garden Wall» V. Lindsay.

В репрезентации художественных концептов реализуется способность к интерпретации, однако повторяемость выделяет границы варьирования, при исследовании которых возможно установить константы и различия в отдельных художественных традициях или исторических периодах.

Исследование когнитивного варьирования на поэтическом материале свидетельствует об упорядоченности. Поэзии свойственно стремление к разнообразию образных репрезентаций. Однако вариативность репрезентаций художественного концепта, как правило, осуществляется в пределах нескольких метафорических моделей. Так, художественный концепт ВРЕМЯ в отечественной поэзии представлен целым рядом метафорических моделей, благодаря которым направляется и развивается авторская мысль: *время-существо, время-пространство, время-вода, время-орудие, время-стихия, время-вместилище* и т.д. [Павлович 1999].

Реализация модели происходит через ряд конкретных репрезентаций, которые являются примером когнитивного варьирования в заданных пределах. Время-вода:

*«Вперед! Коммуну из времени вод / не выловишь золото-рыбкою» (В. Маяковский).*

Данные метафорические модели могут иметь категориальное устройство и объединять, в свою очередь, видовые метафорические модели. Так вариативность модели время-существо представлена следующими моделями: *время-человек*, *время-животное*, *время-птица*, *время-божество* или *мифологическое существо*, *время-насекомое*, *время-змеобразное существо*, *время-маленькое бесформенное существо*, *время-ракообразное существо*. Эти метафорические связки, в свою очередь, могут служить основанием для образования категории. Например, в метафорической модели *время-человек* на языковом уровне вариативность репрезентаций представлена в использовании метонимических обозначений вместо человека (подпасок, заимодавец, полировщик, богомаз, доктор, диспетчер и т.д.). См.:

*«Время – царственный подпасок – / Ловит слово-колобок»* (О. Мандельштам),  
*«Заимодавец-время жадно / Бежит с расчетом по пятам!»* (Вяземский), *«И каких достоин премий / Наши диспетчер – Время?»* (П. Антокольский).

В реализации модели *время-человек* присутствует еще более мелкое внутреннее разделение: *время-работник*, *время-старец*, *время-ребенок*, *время-скопление людей*, *время-воин*, *время-истребитель*, *время-царь*, *время-женщина* и т.д. Очевидно, что конкретность метафорических моделей меняется относительно уровня выделения, также модели имеют разную продуктивность. Если связка *время-работник* частотна и представлена разными метонимическими обозначениями, то репрезентации модели *время-скряга* единичны:

*«У Времени-скряги искали в часах»* (Н. Клюев).

Как проявление варьирования на языковом уровне выделяется активное использование метонимических обозначений при репрезентации так называемого домена-цели (в когнитивной терминологии), то есть того, с чем сравнивается в структуре метафоры. Вариативность языковых репрезентаций наблюдается также в обозначении времени (домена-источника), что предсказуемо выражается в обозначении временного периода: годы, века, эпоха, мгновения и т.д.:

*«Ушли года, как люди в черном стиске»* (В. Высоцкий).

В рамках связки человек-существо кроме человека время в отечественной поэзии может быть уподоблено животным, насекомым, змеям. В модели *время-животное* примеры вариативности показывают частотность использования родового обозначения, которое может быть названием категории:

*«Век мой, зверь мой, кто сумеет / Заглянуть в твои зрачки / и свою кровью склеит / Двух столетий позвонки?»* (О. Мандельштам).

В выборе конкретных животных в качестве объекта уподобления тоже прослеживается определенная закономерность. Так время в поэзии не единично уподоблено коню:

*«Быстрое время – мой конь неизменный»* (Ю. Лермонтов), *«Безумным табуном неслись года»* (А. Радлова), *в то время как модели время-крот или время-вальдишнел являются единичными: «копалось время-крот!»* (В. Маяковский), *«где время убито, как вальдишнел»* (Н. Асеев).

То есть, с одной стороны, существуют «прототипические» метафорические модели, которые частотно представлены в поэзии и репрезентируются различными метонимическими обозначениями. С другой стороны, в поэзии возникают новые метафорические связки, которые, как правило, являются развитием более общей метафорической модели. Данные трансформации, на наш взгляд, являются как результатом творческих экспериментов, так и возникают в силу определенных социокультурных и исторических обстоятельств.

В подобном изучении результатов работы когнитивных механизмов формирования смысла четко прослеживается взаимообусловленность онтологических систем [Маслова, Минахин 2014]. Объекты мира влияют на процесс интерпретации и создание метафорических моделей. Так в модели *время-насекомое* пример использования родового названия категории является единичным:

*«Жужжащее, как насекомое, / время нашло наконец искомое / лакомство в твердом моем затылке» (И. Бродский).*

Хотя в развитии этой модели время вариативно уподоблено бабочке, стрекозе, мошке, шашелю, шелкопряду, таракану, муравьям. Видимо, это обусловлено тем, что члены категории обладают различными свойствами и вызывают разные ассоциации, к тому же, некоторые члены категории имеют характер прототипичности. Здесь же прослеживается связь с особенностями концептуализации и репрезентации движения времени, как одного из его свойств. Время идет, летит, бежит, катится, плывет и т.д. При этом наблюдается связность на уровне метонимических отношений, если в поэзии время уподоблено коню, то и характер движения уподобляется на уровне метонимии отдельным признакам животного:

*«военный год взвизвал за жокеями / И лошадьми, и стизами качалок» (Б. Пастернак) (ср.: взвиться на дыбы).*

Для сознания человека характерно уподобление абстрактных сущностей более конкретным. Время является достаточно абстрактным понятием, однако, в поэзии присутствует уподобление времени абстрактным сущностям (гений, ангел, демон).

*«И, как хитти / над потоком ироническим циклопом / блещет время» (А. Вознесенский).*

В этом случае, обозначение времени часто представлено более конкретными вариантами – годом, днями, веком.

*«Я верю: девятьсот двадцатый год / Избавит мир от всех невзгод, / Ведь он идет, как некий светлый гений» (И. Северянин), «Но над теплою крышей / Проплывает, как демон, наш век» (Д. Андреев).*

За счет использования метонимических обозначений времени возрастает конкретность образа.

Анализ материала показывает, что когнитивное варьирование делает возможным выбор в заданных пределах и отражает специфику объектов. Так, являясь основными параметрами восприятия физической реальности, пространство и время качественно различаются. Время часто репрезентируется через пространственные обозначения, обратный процесс гораздо менее выражен.

На наш взгляд, варьирование не ограничивается уровнем отдельных художественных концептов и их совокупность образует определенный уровень *интерпретативно-смысловых связей*. Часть данных связей репрезентируется в конкретном тексте и подвергается авторскому переосмыслению/интерпретации. *Инвариантный компонент* художественного концепта служит основой для появления и развития возможных вариантов. Интерпретативно-смысловые связи, в некотором смысле, определяют развитие художественной мысли при репрезентации художественно-эстетического опыта. По нашему мнению, установление и анализ таких связей позволит не только обнаружить признаки системности в художественной интерпретации, а также выявить и обосновать наличие «слепых» зон – объектов реального мира или языковых объектов, которые в силу разных обстоятельств не получают языковой репрезентации в художественном (поэтическом) тексте. Это значит, что такие объекты остаются вне эмоциональной оценки и художественно-эстетического восприятия (вне интерпретации) автора, работающего в рамках конкретного языка и художественной традиции.

Анализ фрагментов текстов отечественной поэзии как массива данных (см. «Словарь поэтических образов») подтверждает, что ряд интерпретативно-смысловых связей оказывается более частотным и воспроизводимым в текстах отдельной национальной поэзии. При этом обнаруживается сложный характер данных связей и их обусловленность общей конфигурацией эмоционально-эстетического восприятия мира, принятого в рамках конкретной традиции.

Рассмотрим, например, особенности репрезентации пространства. В процессе поиска уникальных характеристик отечественной поэзии было выявлено следующее. Во-первых,

пространственная среда в русскоязычном творческом сознании чаще воспринимается как континуум, нахождение в однородной субстанции:

*«скрипок голоса поют за стелющимся дымом», «постояла в золотой пыли» (А. Ахматова), «адвокатов жало работает в табачной мгле» (О. Мандельштам), «любимый город в синей дымке тает» (Е. Долматовский), «во мгле ночной» (А. Блок).*

Во-вторых, четко прослеживается наличие четкой пространственной границы, закреплённой грамматически и воспроизводимой в творчестве многих поэтов [Маслова 2010]:

*«за Непрядвой лебеди кричали», «скорбных скрипок голоса поют за стелющимся дымом» (А. Ахматова), «то чешской, то польской, то русской речью – за Волгу, за Дон, за Урал, в Семиречье» (Вл. Луговской).*

С одной стороны, наличие границы в поэтическом мире отражает древние представления, сформировавшиеся в мифологическом сознании человека – для древнего человека мир делился на небольшое безопасное пространство, освещаемое огнем очага, и опасное темное пространство за границей света, враждебное и огромное. С другой стороны, для русского поэтического сознания граница часто связана с качественным изменением мира, находящегося за гранью. Дуальное пространство концептуализируется как дружественное/светлое и враждебное/темное. Эта свойственная мифологическому мышлению черта в редуцированной форме сохраняется и обнаруживается в отечественной поэзии: «лучше сгинуть в стуже лютой» (А. Блок). При этом именно запредельное пространство в отечественной поэзии маркируется отрицательно. Выявленная граница имеет как буквальное, так и метафизическое значение.

В англоязычной поэзии также встречаются аналогичные примеры континуальности пространства:

*«and you laid it / flat down in the dark» (R.P. Warren), «Out of haze over the sunset, / Out of a smoke rose gold: / One star shines over the sunset» (C. Sandburg).*

Грамматические элементы структурируют положение объектов относительно континуума, само же качество континуальности пространства формируется лексическими элементами (дымка, сумрак, haze, smoke). Границы пространства в англоязычной поэзии также структурированы, но они имеют скорее буквальное, нежели метафизическое значение:

*«I, too, / know I have a home, an identity established / not only by national boundaries, common / speech, / etc.» (W. Lowenfels). Концептуализируется и отсутствие границ: «Soul and beauty have no bounds» (W.H. Auden).*

Для англоязычной традиции важна именно горизонтальная протяженность и движение через, сквозь:

*«plunged through the glass alone», «we too back to the world shall never pass / through the shattered door» (A. Tate), «the wolves ran through the evergreen forests» (W.H. Auden).*

Концептуализация пространственной протяженности в ряде случаев усиливается лексическими элементами: «the long light on the sea» (A. Tate). Недостигаемое пространство в англоязычной поэзии представлено не как часть реального географического пространства, находящегося за гранью, а как другой мир, прежде всего загробный, он и маркируется соответствующим образом:

*«another kind of world» (W.H. Auden), «In Heaven you have heard no marriage is» (J.C. Ransom).*

Кроме того, англоязычной поэзии концептуализируется движение к краю:

*«As I came to the edge of the woods» (R. Frost).*

Сходство в концептуализации пространства в разных национальных литературах основывается, в первую очередь, на опыте физического пребывания человека в мире.

Национально-культурный компонент закрепляется на уровне репрезентации отдельных художественных концептов в ходе исторического процесса. В отличие от всеобщих художественных концептов и индивидуальных такие концепты ярко проявляются при



взгляде на отдельную национальную литературу. Например, советская поэзия 20-30-х годов XX в. во многом ориентирована на идеологические ценности, вследствие чего в текстах велика роль специфических концептов

*НАРОД–КОЛЛЕКТИВ: «Высытал народ на подоконники, – / И помчался каждый, бодр и бос, / Под трезвонами гармоники / по студеному раздолью рос» В. Казин,*

*НАРОД–ИСТОРИЯ: «И мы пошли под визг метели, / Куда глаза его глядели, / Пошли туда, где видел он / Освобожденье всех племен» (С. Есенин),*

*НАРОД–ВОЖДЬ: «А я, отягченный думой, / Не мог ничего сказать. / Дрожали, качались ступени, / Но помню / Под звон головы: / «Скажи, / Кто такое Ленин? / Я тихо ответил: / «Он – вы» (С. Есенин),*

*НАРОД–ПОЭТ «Ах, перо не грабли, ах, коса не ручка – / Но косою выводят строчки хоть куда. / Под весенним солнцем, под весенней тучкой / Их читают люди всякие года» (С. Есенин),*

*НАРОД–ВОИН: «Народ героев нанизал на реи, / Поднес фитиль к давно оглохшим пушкам» (О. Мандельштам).*

Наблюдения показывают также, что в данном ряду отсутствует концепт НАРОД–ТВОРЕЦ.

В качестве обобщения следует сказать, что в феномене когнитивного варьирования реализуется важная для этих отношений способность человека к интерпретации. В концептуализации и репрезентации художественно-эстетического опыта задействованы, главным образом, метафорический и метонимический механизмы формирования смысла. Метафорические модели, в большей степени, организуют концептуальный уровень, метонимические – языковой уровень.

## **6. Заключение**

Применение когнитивного подхода к изучению особенностей концептуализации и категоризации художественного опыта позволяет включить в исследование художественной концептуализации различные уровни текста. В этом случае особую важность приобретает различие между художественным концептом и художественным образом. Художественный концепт – это дискретная единица с рядом абстрактных сложных, эстетически осмысленных представлений, закрепленных за конкретно-предметной сущностью на основе метонимических или метафорических отношений. Это единица художественной интерпретации опыта и результат вторичного осмысления (вторичной концептуализации). Художественный концепт как ментальная единица знания характеризуется наличием предметного компонента, понятийного компонента, ценностно-оценочного, символического, ассоциативного, мифологического, образного компонентов. Художественный концепт репрезентируется на разных языковых уровнях, на данном факте основана уровневая классификация концептов: Звукоритмический концепт; Предметный концепт; Процессуально-относительный концепт; Событийный концепт; Концепт-впечатление; Иконический концепт. Художественные концепты образуют систему, представляющую собой результат когнитивного, эмоционального и эстетически осмысленного опыта человека.

Человек использует для репрезентации повседневных переживаний художественные модели, своеобразие художественного языка обусловлено существованием особых ментальных структур, позволяющих человеку репрезентировать эмоционально-эстетический опыт в художественной форме. В данном случае реализуется принцип варьирования на уровне языковых и ментальных структур, так как, с одной стороны, автор имеет свободу творчества, с другой стороны, его мысль направляется рядом условий.

Повторяемость языковых репрезентаций позволяет выделить границы варьирования, при исследовании которых возможно установить сходство и различие в отдельных

художественных традициях или исторических периодах. В поэзии существуют не только «прототипические» метафорические модели, но постоянно возникают новые метафорические связи. Данные трансформации возникают в силу определенных социокультурных и исторических обстоятельств.

Варьирование не ограничивается уровнем отдельных художественных концептов, их совокупность образует уровень интерпретативно-смысловых связей, часть которых репрезентируется в конкретном тексте и подвергается авторскому переосмыслению. Инвариантный компонент художественного концепта служит основой для появления и развития возможных вариантов. Национально-культурный компонент закрепляется на уровне репрезентации отдельных художественных концептов в ходе исторического и культурного развития.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты : автореф. дисс. на соискание учен. степ. докт. филол. Наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н.А. Беседина. – Тамбов, 2006. – 38 с.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 25–77.
3. Воронин С.В. Основы фоносемантики / С.В. Воронин. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1982. – 244 с.
4. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии / Л.В. Лосев. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 447 с.
5. Маслова Ж.Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке / Ж.Н. Маслова. – Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, – 2010. – 280 с.
6. Маслова Ж.Н. Эволюционные этапы развития когнитивных механизмов формирования смысла / Ж.Н. Маслова, Д.В. Минахин // Экология языка : сб. ст. VII Междунар. науч. конф. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – С. 66–71.
7. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер // Мир русского слова. – № 4. – 2000. – С. 39–45.
8. Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
9. Павлович Н.В. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н.В. Павлович // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 104–117.
10. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов / Н.В. Павлович. В 2 т. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 256 с.
11. Павловская И.Ю. Фоносемантический анализ речи / И.Ю. Павловская. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2004. – 292 с.
12. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте / И.А. Тарасова. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 196 с.
13. Чикина Е.Е. Текстобразующие функции языкового ритма в аспекте когнитивной лингвистики / Е.Е. Чикина // Человек и язык в поликультурном мире / В 2 т. – Т 1. – Владимир : ВГПУ, 2006. – С. 51–58.
14. Gehlmann L. Adventures in American Literature / L. Gehlmann, M.R. Bowman. – Harcourt, Brace and company New York, Chicago, 1958. – 848 p.

## REFERENCES

Besedina, N.A. (2006). *Morfologicheski peredavaemye kontsepty. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Morphologically transferred concepts. Dr. philol. sci. diss.synopsis]*. Tambov (in Russian).

- Boldyrev, N.N. (2009). Kontseptual'naya osnova yazyka [Conceptual base of the language]. In: *Kognitivnye issledovaniya yazyka: T. IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke [Cognitive linguistic research: Vol. IV. Conceptualisation of the world in language]* (pp. 25–77). Tambov: Izdatelstvo TGU imeni G.R. Derzhavina Publ.
- Chikina, E.E. (2006). Tekstoobrazuyushchie funktsii yazykovogo ritma v aspekte kognitivnoy lingvistiki [Text-forming function of language rhythm in the aspect of cognitive linguistics]. *Chelovek i yazyk v polikul'turnom mire: Doklady i teziy dokladov na mezhd. nauch. konf., 2006, Vladimir. [Man and language in the polycultural world: reports and abstracts of the int. sci. conf., 2006, Vladimir]*. Vladimir, 51–58 (in Russian).
- Gehlmann, L., & Bowman, M.R. (1958). *Adventures in American Literature*. New York, Chicago: Harcourt, Brace and company.
- Losev, L.V. (2006). *Iosif Brodskiy: Opyt literaturnoy biografii [Joseph Brodsky: Experience of literary biography]*. M.: Molodaya gvardiya Publ.
- Maslova, Zh.N. (2010). *Poeticheskaya kartina mira i ee reprezentatsiya v yazyke [Poetic picture of the world and its representation in the language]*. Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina Publ.
- Maslova, Zh.N., & Minakhin, D.V. (2014). Evolyutsionnye etapy razvitiya kognitivnykh mekhanizmov formirovaniya smysla [Evolutionary stages of development of the cognitive mechanisms of sense]. *Ekologiya yazyka: sbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 2014 Penza. [Language ecology: Proc. 7th Int. Conf. 2014, Penza]*. Penza, 66–71 (in Russian).
- Miller, L.V. (2000). Khudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Artistic concept as conceptual and aesthetic category]. *Mir russkogo slova. – The World of Russian Word*, 4, 39–45 (in Russian).
- Pavilenis, R.I. (1983). *Problema smysla. Sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka [The problem of meaning. Modern logical and philosophical analysis of language]*. M.: Mysl' Publ.
- Pavlovich, N.V. (1991). Paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke [Paradigms of images in the Russian poetic language]. *Voprosy yazykoznaniiya. – Issues in Linguistics*, 3, 104–117.
- Pavlovich, N.V. (1999) *Slovar' poeticheskikh obrazov [Poetic Images Dictionary]*. M.: Editorial URSS Publ.
- Pavlovskaya, I.Yu. (2004). *Fonosemanticheskiy analiz rechi [Phonosemantic analysis of speech]*. SPb.: izd-vo SPb. un-ta Publ.
- Tarasova, I.A. (2012). *Poeticheskii idiostil' v kognitivnom aspekte [Poetic idiostyle in the cognitive aspect]*. M.: FLINTA Publ.
- Voronin, S.V. (1982). *Osnovy fonosemantiki [Principles of sound symbolism]*. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta Publ.

**Маслова Жанна Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (ул. Карла Маркса, 29, г. Балашов, Саратовская обл., 412300, Россия); e-mail: maslovajeanna@mail.ru.

**Maslova Zhanna Nikolayevna** – Doctor of Philology, Head of Foreign Languages Department Balashov Institute (Branch) of Saratov State University after N.G. Chernyshevsky (412300, Russia, Saratov Region, town Balashov, Karl Marx Street, House 29); e-mail: maslovajeanna@mail.ru

УДК 811.111'42

## МАСТЕРСТВО РЕЧИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКОЛИНГВИСТИКИ

В.Г. Пасынок (Харьков, Украина)

**В.Г. Пасынок. Мастерство речи через призму эколингвистики.** В статье рассматриваются два важнейших аспекта лингвэкологии – интерлингвальный и транслингвальный. Первый аспект связывается с культурой речи, стилистикой и риторикой и включает анализ нарушений норм в речи – стилистических, лексических, грамматических – и их возможной коррекции. Второй аспект изучается в связи с проблемами адекватности перевода художественных текстов как совокупности «экосистем» в контакте языков и культур. Лингвэкологический подход дал возможность изучения роли языка как инструмента поддержки общности, функционирования в конкретных ситуациях общения, которые представлены речью учащихся и студентов. Риторические, стилистические и аспекты культуры речи в русле лингвэкологии рассмотрены с точки зрения нормы любой речевой деятельности.

**Ключевые слова:** вариативность нормы, интерлингвальный аспект, транслингвальный аспект, чистота языка, эколингвистика.

**В.Г. Пасынок. Майстерність мовлення крізь призму еколінгвістики.** У статті розглядаються два найважливіші аспекти лінгвоекології – інтерлінгвальний і транлінгвальний. Перший аспект пов'язується з культурою мовлення, стилістикою і риторикою та містить аналіз порушень норм у мовленні – стилістичних, лексичних, граматичних – та їх можливої корекції. Другий аспект вивчається у зв'язку з проблемами адекватності перекладу художніх текстів як сукупності «екосистем» у контакті мов та культур. Лінгвоекологічний підхід надав можливість вивчення ролі мови як інструменту підтримки загальності, функціонування в конкретних ситуаціях спілкування, які представлені мовленням школярів та студентів. Риторичні, стилістичні та аспекти культури мовлення в руслі лінгвоекології розглянуто з погляду на норму будь-якої мовленнєвої діяльності.

**Ключові слова:** варіативність норми, еколінгвістика, інтерлінгвальний аспект, транлінгвальний аспект, чистота мови.

**V.G. Pasynok. The Art of Speech through Prism of Ecolinguistics.** The article deals with two most important aspects of linguistic ecology – interlingual and translingual. The first aspect is connected with culture of speech, stylistics and rhetoric and includes analysis of violations of norms in speech – stylistic, lexical, grammatical – and their possible correction. The second aspect is studied in connection with the problems of adequacy of translation of fiction as a unity of “ecosystems” in contact of languages and cultures. Linguoecological approach allowed to study the role of language as an instrument of supporting community, functioning in certain situations of communication which are presented by pupils’ and students’ speech. Rhetorical, stylistic and aspects of culture of speech in the sphere of linguoecology have been examined from the point of view of the norm of any speech activity.

**Key words:** ecolinguistics, interlingual aspect, purity of language, translingual aspect, variations of norm.

### 1. Введение

Экологическая парадигма, первоначальное формирование которой осуществлялось в недрах естественных наук, постепенно занимает ведущие позиции в дисциплинах гуманитарного направления с экстраполяцией своей методики для исследования феноменов лингвистического порядка. Эколингвистика становится признанным междисциплинарным направлением научных исследований. Язык – это выражение духа народа, стиль жизни общества. «Требования к чистоте языка, забота о хорошем стиле в устной и письменной речи порождены социальным инстинктом ... и преследуют одну цель: дисциплинировать

говорящего, сдерживать волну неологизмов и других нововведений, которая захлестывает язык ... . Забота о чистоте языка должна, прежде всего, сочетаться с инстинктом национального самосохранения» [Балли 2001: 82]. Экологический подход в науке предполагает сознательные действия человека, направленные на сохранение культурного и биологического разнообразия, и является ответом на глобальную экологическую катастрофу экологизации сознания. Обращение к этой проблеме является актуальным на современном этапе развития общества [Бернацкая 2011; Иванова 2012; Попова 2011; Кислицына 2012; Пылаева 2011].

Лингвистическая экология является интегративной наукой, которая изучает проблемы лингвистики в рамках экологической науки как составной части экологии культуры, а сохранение культурной среды – задание не менее важное, чем сохранение окружающей природы [Корташева 2012: 90]. Пытаясь способствовать мирному сосуществованию людей в различных социальных группах общества, лингвистическая экология исследует экологическое состояние национального языка и роль языка как инструмента поддержки общности, функционирующего в конкретных ситуациях общения. Эколингвистика стремится к очищению окружающей среды лингвистическими, языковыми средствами. Мудрое человеческое слово способно обратить большое внимание на интересы всего человечества. Эколингвистические приемы коммуникации являются **объектом** внимания этой статьи, поскольку от условий и поведения коммуникантов зависит чистота речевого пространства. **Актуальность** работы определяется также общей направленностью общественной языковедческой науки на рассмотрение объектов в широком экологическом контексте. **Заданием** и одновременно **предметом** статьи является использование аспектов лингвоэкологии преподавателем и переводчиком иностранного языка с целью предупреждения нарушения норм правильности, ясности, логичности, четкости, выразительности и других коммуникативных свойств речи. **Материалом** исследования послужили примеры детской речи дошкольников, студентов, а также дискурсивные фрагменты из художественной литературы, переводы произведений.

## 2. Принципы лингвоэкологии в анализе культуры речи, стилистике и риторике

Ч. Дарвин высказал мнение, что речевая способность – это инстинктивная потребность овладеть мастерством [Цит. по: Pinker 1994: 12]. Речевое мастерство основывается прежде всего на коммуникативном компоненте **культуры речи**, которая опирается на функционально-коммуникативный подход к стилистике [см. Самохина 2012: 14–29] и рекомендует наиболее уместный и соответствующий сфере и условиям коммуникации выбор речевых средств. Функциональность, соответствие языковых средств целям общения и связанная с ней объективная вариативность нормы [Лихачев 1997: 283] составляют основу научной проблематики культуры речи – дисциплины, которая обобщает достижения и выводы истории литературного языка, грамматики, стилистики, лингвопрагматики, лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики с целью влияния на языковую практику [Кислицына 2003: 42]. О функционировании языковых единиц более логично говорит *стилистика*, поскольку она изучает объективно протекающие в речевой коммуникации процессы и тенденции развития языка в ходе ее употребления обществом. По определению Ш. Балли, защитника так называемой «аффективной концепции языка», стилистика изучает эмоциональную экспрессию элементов языковой системы, а также взаимодействие языковых фактов, способствующих формированию системы выразительных средств данного языка [Балли 2001: 17].

Употребление языковых единиц также соотносится с *культурой речи* как научной дисциплиной, которая имеет педагогическую направленность, т.е ставит целью соблюдение, сохранение, культивирование чистоты, богатства, красоты национального языка и воспитания высокой культуры речи [Бельчиков 2000: 26]. Нормативные установки языка,

общие для всех членов национального коллектива, создают необходимый минимум для того, чтобы речь говорящего или пишущего была правильной, общепонятной, достаточно выразительной, чтобы мнение передавалась точно и адекватно [там же, 115]. Экология общения предлагается в качестве раздела теории речевого воздействия, который изучает способы и приемы усиления коммуникативной позиции личности в процессе общения без ослабления коммуникативной позиции собеседника [Корташева 2012: 91]. Несмотря на то, что современные лингвоэкологические исследования характеризуются широким объемом целей и тематик, таких как *дисфункция языка* и речевого поведения, коррекция речевого поведения, *сленгирование* языка, употребление *инвективной, ненормативной* лексики и т.д., малоизученной остается проблема влияния лингвоэкологичной культуры, лингвоэкологических коммуникаций, лингвоэкологического сознания на аспекты речевого поведения [Потеряхина 2012].

К базовым аспектам лингвоэкологии относятся следующие:

1) *интралингвальный*, связанный с культурой речи, стилистикой, риторикой, включающий исследования нарушений правильности, ясности, логичности, выразительности и других свойств языка;

2) *транслингвальный*, связанный с использованием единиц, средств, реалий одного языка, культуры в контексте и сравнении других языков принадлежит другой культуре в художественной литературе, публицистике.

### **2.1. Интралингвальные параметры культуры речи, стилистики и риторики**

Интралингвальный аспект лингвоэкологии преследует цель предотвратить проникновение отрицательного узуса в языковую систему, предупредить регресс в плане обеднения выразительных ресурсов, нивелирования функционально-стилистических и аксиологических оппозиций, квалификации и классификации речевых и стилистических ошибок, просветительской работы относительно бережного отношения как к родному, так и к иностранному языку [Корташева 2012: 90–94].

В одной из своих самых известных и значимых работ «Риторика» Аристотель заметил, что структура речи соотносится с ее коммуникативной функцией, которая реализует целевую установку говорящего и условия, в которых протекает общение. Поэтому синтаксические и лексико-стилистические средства языка должны рассматриваться в процессе коммуникации в зависимости от специфики говорящего, слушающего и ситуации общения. Автор подробно анализирует психологическую и социальную природу участников коммуникации, особенности их взаимоотношений и объясняет, как в определенной коммуникативной ситуации достигается цель общения. То есть красноречие, по словам Аристотеля, – не мастерство чисто формальной красоты, а умение наиболее эффективно реализовывать коммуникативную задачу, достичь желаемого результата путем использования определенных средств [цит. по Пылаева 2011: 7].

На современном этапе лингвистика не только исследует язык, но и включает в свои исследования самого носителя языка, языковую личность, ее формирование, этапы развития. Например, изучение детской речи проливает свет на развитие человеческого сознания и на некоторые глобальные аспекты лингвистики: «Мы – все родом из детства», – отмечал Антуан де Сент-Экзюпери. Французский психолог Жан Пиаже согласно своей концепции развития сознания у детей выделяет два противоположных класса высказываний: эгоцентрическую речь и социализированную речь. Эгоцентрическая речь, которая является переходным звеном в развитии речи и мышления в детском возрасте, лишена первичной направленности на общение. Это речь, которая не учитывает собеседника, его точку зрения и его высказывания: эхолоалии (повторение слов или слогов) и монолог (ребенок разговаривает с собой так, как если бы он вслух размышлял) не нацелены на то, чтобы его услышали и поняли. Интересно, что в период становления речи ребенка (с двух до пяти лет)

преобладают тропы [Береговская 2009: 3–22]. Побудительной причиной, которая запускает риторические приемы в стихийной детской риторике, является потребность освоить систему языка, заставляет ребенка перебрасывать ассоциативные мостики от одного понятия к другому. В речи дошкольников тропы являются, скорее, средством интерпретации действительности, чем средством экспрессивного выражения мыслей и чувств. А формирование умения замечать и правильно понимать тропы в художественном тексте происходит позже, с развитием абстрактного мышления человека [там же, с. 33–35]:

- 1) *Michael открывает окно:*  
 – *Eh! J'veux pas etre gele comme de la saussisse.*  
 – *La neige, c'est comme un vol d'abeilles !*
- 2) *Le vent, c'est le cheval du ciel.*
- 3) *L'eau frise derriere le carreau.*
- 4) *Le paon c'est une poule qui fleurit.*

Детское мировоззрение на мир отличается от взрослого, то есть другим образом оценивается общая ситуация и заполняются эллиптические лакуны в тексте. Поэтическое восприятие действительности является характерной чертой детского сознания. В связи с этим С.И. Хованская рассматривает принцип так называемой «стилистики отклонений» [Хованская 1984: 310]. У бельгийского поэта Мориса Карема есть довольно выразительный пример, иллюстрирующий это положение. Он приводит упражнение, которое учитель начальной школы записал на доске – два простых предложения, куда надо было подставить числительные: *L'oiseau a ... pieds. Le chat en a ...* (У птички лап ... У кошки их ...). Ученик, который опоздал на урок и пропустил объяснение учителя, заполнил их так: *L'oiseau a mal auxpieds. Le chat en a pitie* (У птички болят лапки. Кошка их жалеет). Ребенок сравнивает то, что видит и слышит со своим жизненным опытом. Так появляются метафоры. В его сознании возникают не только компаративные, но и континуальные тропы, где отправной точкой является перенос значения на основе пространственных, временных, казуальных и других ассоциативных связей между объектами действительности. Постоянный партнерский диалог со взрослым развивает и стимулирует образное мышление [Береговская 2009: 22–25].

Любая коммуникация происходит сообразно ожидаемому стандарту или вопреки этому стандарту и касается как содержания, так и формы общения. В формальном плане категория коммуникативной точности соответствует известному в стилистике противопоставлению стандартного и экспрессивного способов выражения той или иной идеи. В языке распространены синонимические ряды, которые помещают как нейтральную, так и стилистически окрашенную лексику, например, нейтральные глаголы (*fuir, s'enfuir, disparaître, prendre la fuite*) и эмоционально-окрашенные, которые вызывают представление о фамильярно-разговорном типе коммуникации (*a se sauver, filer, lever de pied, prendre lapoudre d'escampette*) [Пылаева 2011: 17]. В содержательном плане категория коммуникативной точности понимается как проявление в языке творческих способностей человека – поэтико-речеобразующего процесса, который является одним из факторов формирования языковой системы.

Проанализируем такие предложения:

1. *Le vent enfle sa grande voix (le vent souffle plus fort).*
2. *La malade baisse de jour en jour (les forces de la malade diminuent insensiblement).*
3. *Vous courez un grand danger (votre securite est grandement compromise).*

В первом случае образ чувственно воспринимается, он конкретный, способен вызвать в сознании определенные ассоциации. Вторая фраза не вызывает никакого определенного образа, который воспринимается чувственно. В третьем случае нет ни одного следа образности («Мертвый образ» у Ш. Балли), имеет место только абстрактная идея. Здесь можно провести параллель с изучением иностранного языка, когда человек с недостаточным уровнем владения языком страдает от того, что плохо понимает общение носителей

иностранного языка, не в состоянии выделить в произведении и объяснить «чужие» метафоры. Поэтому в процессе преподавания иностранного языка для усвоения языка главное внимание должно уделяться практической стилистике, обогащению лексического словаря студента, нормам речи. На широком речевом материале студенты учатся «экологически» грамотному, правильному, точному, экономному, легкому и простому выражению мыслей.

Преподавание иностранных языков требует не только анализа ошибок, но и предупреждение ошибок и огрехов, то есть начинать «войну» с ошибками за чистоту речи надо заранее, во время обучения. Такое направление в работе возможно просто потому, что опытному преподавателю известно, какие ошибки могут быть допущены студентом. Организуя занятия на предупреждение орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок, преподаватель использует широкий речевой материал, непосредственно связанный с той или иной темой. «Надо не бояться речевой ошибки, не обходить ее, а идти ей навстречу, показывать ее живучесть, воспитывать активных ратующих за чистоту языка, которые знают, что правильно, а что – нет» [там же: 9]. Это является ведущим принципом преподавания иностранных языков в работе преподавателя.

Стилистическими ошибками считаются различные речевые огрехи, которые негативно влияют на содержание и точность выражения, а также конкретные случаи оформления мысли, не являющиеся лучшим вариантом использования языковых средств. Поэтому к стилистическим ошибкам, с одной стороны, относятся огрехи, связанные с лексикой и грамматикой (неправильный выбор слова, неверное употребление глагольных форм, нарушение норм согласования и управления, ошибки при замене прямой речи на косвенную, неверное построение сложного предложения и др.), а с другой стороны, – нарушения, связанные со стилистикой (повторение одного и того же слова, употребление «слов-паразитов», штампов, употребление однообразных синтаксических конструкций, неоправданное введение в контекст речевых средств, относящихся к различным стилям и т.п.) [Пленкин 1964: 4–5]. Использование языковых средств, которые находятся за чертой литературного языка, но существуют в сфере живого языка (диалектизмы, просторечия, профессионализмы, жаргонные слова и др. (см. [Басовская 2013]) также относят к категории стилистических ошибок. Стилистические ошибки неоднородны, большинство из них является результатом незнания закономерностей изучаемого языка. Негрубыми стилистическими ошибками считаются диалектные отклонения, элементы просторечия, профессионализмы, жаргонизмы и другие нарушения литературной нормы. Студенты, практически владея языком, используют все речевые ресурсы. Таким образом, работа по предупреждению стилистических ошибок на занятиях по иностранному языку становится плановой и конкретной.

Богатый словарь студента – залог его правильной речи. Отработке чистоты речи, борьбе над ошибками и расширению словаря студентов способствуют различные практические задачи:

- этимологический и семантический анализ слова, изучение связей между словами;
- упражнения с устойчивыми сочетаниями и фразеологическими оборотами;
- задания на лексическую и грамматическую синонимию;
- образование новых слов с помощью формативных элементов слова (приставок и суффиксов);
- упражнения на образование новых форм от разных частей речи;
- задания на определение границ предложения, построение сложных предложений;
- упражнения, которые отрабатывают порядок слов в предложении, где внимание уделяется рема-тематическому аспекту;
- распознавание нарушений норм сочетаемости;
- выявление оттенков значения слов по степени интенсивности;



- упражнения на распознавание неологизмов, архаизмов, заимствованных слов и объяснения их употребления в несвойственном значении;
- изучение фонетической системы языка, анализ интонации, мимики и музыкального наполнения слов;
- анализ фонетической орфографии и практика произношения (фамильярное, литературное, театральное)
- составление тематических словарей по определенным темам;
- стилистический разбор текстов, который позволяет осветить мастерство писателей и др.

Речь является, в первую очередь, явлением социальным, оно характеризует говорящего: индивидуально, социально, морально, личностно. Как указывает Шарль Балли, речь является основанием для социальной характеристики: *comme il faut* = «порядочный человек»; *bien* = «хороший человек», *distingue* = «воспитанный человек»; *charmant* = «милый человек», *vulgaire* = «вульгарный человек», *sans tenue* = «невоспитанный человек» [Балли 2001: 27–28]. Тот, кто говорит на арго, заявляет о своей принадлежности к определенному слою общества. Обычно люди употребляют арго в качестве его предела фамильярности, придают ему определенное символическое значение – представление об определенной среде, которой присущи пошлость и низкая культура. Этот вывод становится намного точнее, когда говорящий употребляет арготизмы в среде, где это особенно неуместно, среди людей воспитанных и образованных. Ш. Балли приводит такой пример: если иностранец, услышав несколько раз глагол *bouffer* «жрать», употребляемый вместо *manger* «есть», не примет во внимание среду и обстоятельства, при которых оно было сказано, он может понять его как общеупотребительное [там же].

Неуместно в широком общении также употребление жаргонизмов и профессионализмов. Профессиональные диалекты не являются терминологией и создаются из слов общего языка людьми, которые метафорически переосмысливают их. К примеру, ремесленники любят одушевление предметов своего труда, например, *oiseau* – «птица» и «ручные носилки каменщика» [Балли 2001: 277]. Неправильным, по мнению Ш. Балли, является также употребление поэтической лексики в разговорной речи во время повседневного общения: «Когда говорящий находится в тех же условиях, что и другие члены определенной группы, сам факт общности образует норму, относительно которой можно оценить индивидуальные отклонения» [там же: 36–37]. Разговорная форма языка является той нормой, с которой соотносятся все остальные явления, поэтому в центре изучения живого языка должна стоять общеупотребительная речь. Сам процесс изучения языка не должен иметь узкоутилитарный характер, хотя работа должна вестись таким образом, чтобы полученные знания облегчали общение, помогая высказываться в любой сфере. Без понимания практической значимости предмета не может быть ни интереса к нему, ни реального знания.

## 2.2. Транслингвальные параметры культуры речи, стилистики и риторики

В свете теории гармонизации переводческого пространства (Л.В. Кушнина) рассматривается транслингвальный аспект эколлингвистики, который охватывает сферу переводов художественных текстов как совокупность «экосистем» в контакте культур. Актуализация ключевых концептов текста становится возможной в случае положительной / нейтральной динамики экосмыслов в переводческом пространстве, которая проявляется в ослаблении (адекватность), сохранении (эквивалентность), приращении (гармония) смыслов, обуславливает соразмерность экосистем текстов оригинала и перевода. Отрицательная динамика экосмыслов в переводческом пространстве, то есть их потеря, характеризуется дисгармонией [Пылаева 2011: 5].

Часто даже опытные переводчики нарушают «экологию» перевода, демонстрируя образцы калькирования, что приводит к искажению смысла. Переводы рассказов

А.П. Чехова далеко не всегда точны. Речь идет, в первую очередь, о передаче речевых портретов, имен, различных реалий. К.И. Чуковский, говоря о трудностях перевода чеховской лексики, вспоминает избалованную, претенциозную барыню, которая «выпила ужасно холодной воды с немножечко коньяка». К.И. Чуковский в этой связи отмечает: «Вся претензия этого «крокодила» на поэтичность, «кисею и эфир» – в этой малограмотной, но чрезвычайно выразительной формуле: «с немножечко коньяка». Как перевести это «с немножечко» на иностранный язык, я не знаю, но мне жутко думать, что среди переводчиков найдутся ремесленники, проигнорируют этой формуле и переведут «с небольшим количеством коньяка». При таком переводе от Чехова ничего не останется [Чуковский 2008: 197]. Е.М. Береговская в этой связи дополняет: «Французские переводчики ранних рассказов Чехова, воспроизводя его лексику и синтаксис, часто действуют по формуле «с небольшим количеством коньяка». В результате языковые портреты, голоса, которым не хватает обертонов, становятся похожими друг на друга, и к французскому читателю не доходит в полной мере разногласия чеховских персонажей...» [Береговская 2009: 154]. (Ср. Переводы Чехова у Дени Роша: «вчера» – *hier soir*, «По какому это случаю тут?» – *Ou'est-ce qui se passe ici?*; или Мадлен Дюран: «Да это ихняя собачка?» – *Ainsi c'est leur chien?*; «Собачонка ничего себе» – *C'est une jolie bête*, «Цуцык этакий» – *Quel joli petit chien*). В результате стилистические краски тускнеют, лексемы приняты без всякой коннотации. Антропонимы нередко «офранцуживаются» (ср. переводы Эдуарда Парера: Пелагея – *Pelagie*, Сергей – *Serge*, Василий – *Basile* пр. У Э. Парера отсутствуют стилистически маркированные элементы с коннотацией принадлежности к просторечию (ср. у Чехова «мамка Пелагея» – у Парера *ma pouvre maman Pelagie* или *ma maman Pelagie* в качестве эквивалента). Французская литературная практика снисходительно оценивает переводы М. Дюран и Е. Парера, указывает, что подобное «офранцуживание» имен персонажей в значительной степени лишает рассказ их обаяния и остроумия [Rou 1963: 2].

Теория перевода предполагает, что перевод номинаций не ограничивается транслитерацией или транскрипцией [Абызов 1969: 256], а включает и оценку – это принципиально иной подход к передаче содержащейся в тексте информации. Практика перевода накопила достаточный опыт в решении задач подобного рода (М. Любимов в переводе «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле предлагает такие остроумные находки: Герцог Грабежи, Синьор Лижизад, Принц де Парша, Мэтр Грязнуйль и др., М. Арск в переводе «Принципа Питера» Л. Дж. Питера и Р. Халл – мистер Крикни, миссис Приветлы, инспектор музыкальных классов А. ГЛХ, учительница П. Послогам). Освещая для читателя семантику всех этих «говорящих имен», переводчики путем «подгонки грамматических категорий» родного языка с помощью различных франко- и англоподобных форматов мастерски придают им сходство с узуальными иностранными антропонимами [Береговская 2009: 158]. При межъязыковых обменах надо избегать механического перевода под влиянием тенденции к наименьшей затрате сил или педантичного стремления к точности. Заимствования и калькирование представляют не только лингвистический, но и общественный интерес, поскольку они являются символами и показателями культурных обменов между народами, свидетельством воздействия одних культур на другие [Абызов 1969: 268].

### 3. Выводы

Итак, появление такого направления языкознания как эколингвистика с достаточным количеством её аспектов является свидетельством перехода лингвистики как науки, описывающей проблемы, в деятельностьную науку, которая решает проблемы коммуникативного плана. Лингвоэкология акцентирует внимание на нарушении говорящими литературных норм, что вызывает у знатоков чувство дисгармонии. Именно риторика, стилистика и культура речи «следят» за тем, чтобы речь была нормативной, чтобы говорящие придерживались фонетических, морфемно-стилистических, орфографических

и других норм. **Перспективами** дальнейших исследований является ориентация лингвистов на ослабление и снятие негативных тенденций в употреблении языка. Экологизация всей системы ценностей, включая язык и речевое поведение, призвана способствовать развитию экологических культур мировых сообществ.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Абызов Ю.И. О культуре перевода (Заметки о русских переводах латышской прозы) / Ю.И. Абызов // Мастерство перевода: 1969. Вып. 6. – М. : Сов. писатель, 1970. – С. 256–270.
2. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – [2-е изд., стереотип.]. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
3. Басовская Е.Н. «Все те же»: заметки о лингвоэкологии и языке современной русской литературы / Е.Н. Басовская. 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [cyberleninka.ru/.../vse-te-zhe-zametki-o-lingvoekologii-i-yazyke-sovrem](http://cyberleninka.ru/.../vse-te-zhe-zametki-o-lingvoekologii-i-yazyke-sovrem).
4. Бельчиков Ю.А. Стилистика и культура речи / Ю.А. Бельчиков. – М. : Изд-во УРАО, 2000. – 160 с.
5. Береговская Э.М. Стилистика в подробностях / Э.М. Береговская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
6. Бернацкая А.А. О трех аспектах экологии языка / А.А. Бернацкая. 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [ecolinguistics.ru/doc/mat36.doc](http://ecolinguistics.ru/doc/mat36.doc)
7. Иванова Е.В. Экологическое сознание и эколингвистика / Е.В. Иванова // Вестник ЧГПУ, 2012. – С. 252–261.
8. Ионова С.В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации / С.В. Ионова // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия «Языкознание». – 2011. – № 1 (13). – С. 190–197.
9. Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации : дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Ольга Камалудиновна Ирисханова. – Москва, 2004. – 332 с.
10. Кислицына Н.Н. Эколингвистика – новое направление в языкознании / Н.Н. Кислицына // Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 37. – С. 42–45.
11. Корташева Е.А. Экология слова как новая область знания / Е.А. Корташева // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. – 2012. – № 637. – С. 90–95.
12. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность ; под ред. В.П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 282–289.
13. Пленкин Н.А. Предупреждение стилистических ошибок / Н.А. Пленкин. – М. : Просвещение, 1964. – 152 с.
14. Потеряхина И.Н. К вопросу о современном состоянии лингвистических исследований / И.Н. Потеряхина. 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [pglu.ru/upload/iblock/f74/uch\\_2012\\_iii\\_00025.pdf](http://pglu.ru/upload/iblock/f74/uch_2012_iii_00025.pdf)
15. Пылаева Е.М. Актуализация ключевых аспектов текста перевода: эколингвистический подход (на материале романа А.В. Иванова «Географ глобус пропил» и его перевода на французский язык) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Е.М. Пылаева. – Тюмень : Тюменский гос. ун-т, 2011. – 22 с.
16. Самохіна В.О. Жарт у сучасному комунікативному просторі Великої Британії та США : монографія / В.О. Самохіна. – [Вид. 2-е, перероб. і доп.]. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 360 с.
17. Хованская З.И. Стилистика французского языка / З.И. Хованская. – М. : Высш. школа, 1984. – 344 с.
18. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода / К.И. Чуковский. – СПб. : Авалонь, Азбука-классика, 2008. – 448 с.

19. Haugen F. *The Ecology of Language; Language science and national development* / F. Haugen. – Stanford University Press, Stanford, 1972. – 344 p.
20. Pinker S. *The Language Instinct. The New Science of Language and Mind* / S. Pinker. – Penguin Book, 1994. – 483 p.
21. Roy C. *Maximes et pensées, caractères et anecdotes* / C. Roy // Union générale d'éditions. – Paris, 1963. – P. 1–15.

## REFERENCES

- Abyzov, Ju.I. (1969). O kul'ture perevoda (Zametki o russkih perevodah latyshskoj prozy) [On culture of translation (Notes on Russian translations of Latin prose)]. *Masterstvo perevoda. – Art of Translation*, 6, 256–270 (in Russian)
- Balli, Sh. (2001). *Francuzskaja stilistika [French stylistics]*. M.: Jeditorial URSS Publ.
- Basovskaja, E.N. (2013). «Vse te zhe»: zametki o lingvojekologii i jazyke sovremennoj ruskoj literatury [“The same”: notes on linguoecology and language of modern Russian literature]. *Vestnik RGGU. – RSUH/RGGU Bulletin*, 12(113). Available at: [http://rsuh.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/Zhurnalistika/№12\\_2013.pdf](http://rsuh.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/Zhurnalistika/№12_2013.pdf)
- Bel'chikov, Ju.A. (2000). *Stilistika i kul'tura rechi [Stylistics and culture of speech]*. M.: URAO Publ.
- Beregovskaja, Je.M. (2009). *Stilistika v podrobnostjah [Stylistics in detail]*. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM» Publ.
- Bernackaja, A.A. (2003). O treh aspektah jekologii jazyka [On three aspects of ecology of language]. *Vestnik KrasGU. Gumanitarnye nauki. – Krasnoyarsk State University Messenger. Humanities*, 4. Available at: [ecolinguistics.ru/doc/mat36.doc](http://ecolinguistics.ru/doc/mat36.doc) (in Russian)
- Chukovskij, K.I. (2008). *Vysokoe iskusstvo. Principy hudozhestvennogo perevoda [High art. Principles of fiction translation]*. St. Petersburg: Avalon+, Azbuka-klassika Publ.
- Haugen, F. (1972). *The Ecology of Language; Language science and national development*. Stanford: Stanford University Press.
- Hovanskaja, Z.I. (1984). *Stilistika francuzskogo jazyka [Stylistics of the French language]*. Moscow: Vysshaja shkola Publ.
- Ionova, S.V. (2011). K voprosu o priznakah jekologichnosti tekstovoj kommunikacii [Towards the question of signs of ecological text communication]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. – Volgograd State Univ. Messenger*, 1(13), 190–197 (in Russian).
- Irishanova, O.K. (2004). *Lingvokreativnye osnovanija teorii nominalizacii. Dis. dokt. filol. nauk [Linguocreative basics of theory of nominalization. Dr. philol. sci. diss.]*. Moscow. 332 p. (in Russian).
- Ivanova, E.V. (2012). Jekologicheskoe soznanie i jekolingvistika [Ecological consciousness and ecolinguistics]. *Vestnik ChGPU. – Cheljabinsk State Pedagogical University Messenger*, 7, 252–261 (in Russian).
- Kislicyna, N.N. (2003). Jekolingvistika – novoe napravlenie v jazykoznanii [Ecolinguistics – a new trend in linguistics]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – Prichernomor'e Peoples Culture*, 37, 42–45 (in Russian).
- Kortasheva, E.A. (2012). Jekologija slova kak novaja oblast' znanija [Ecology of word as a new area of knowledge]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – Moscow State Linguistic University Messenger*, 637, 90–95 (in Russian).
- Lihachev, D.S. (1997). Konceptosfera russkogo jazyka [Sphere of concepts of Russian language]. In: V.P. Neroznak (Ed.). *Russkaja slovesnost' [Russian philology]* (pp. 280–287). Moscow: Academia Publ.
- Pinker, S. (1994). *The Language Instinct. The New Science of Language and Mind*. London: Penguin Book Publ.

- Plenkin, N.A. (1964). *Preduprezhdenie stilisticheskikh oshibok [Prevention of stylistic mistakes]*. M.: Prosveshhenie Publ.
- Poterjahina, I.N. (2012). K voprosu o sovremennom sostojanii lingvisticheskikh issledovanij [On the question of modern state of linguistic research]. *Universitetskie chtenija – 2012: materialy nauchno-metodicheskikh chtenij PGLU [Proc. Sci.-method. Conf. in PSLU, 2012, Pjatigorsk]*. Pjatigorsk, 122–126.
- Pylaeva, E.M. (2011). *Aktualizacija ključevyh aspektov teksta perevoda: jekolingvisticheskij podhod (na materiale romana A.V. Ivanova «Geograf globus propil» i ego perevoda na francuzskij jazyk). Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Actualization of key aspects of text of translation: ecolinguistic approach (on the materials of the novel by A.V. Ivanov “A geography teacher swapped his globe for drinks” and its translation into French). Cand. philol. sci. diss. synopsis]*. Tjumen' (in Russian).
- Roy C. (1963). *Maximes et pensées, caractères et anecdotes*. Paris: Union générale d'éditions.
- Samohina, V.O. (2012). *Zhart u suchasnomu komunikativnomu prostori Velikoï Britanii ta SShA: monografija [A joke in modern communicative space of Great Britain and the USA: a monograph]*. Kharkiv: KhNU imeni V. N. Karazina Publ.

**Пасынок Валентина Григорьевна** – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (площадь Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: metodengl@karazin.ua

**Pasynok Valentyna Grygorivna** – doctor of Pedagogical sciences, professor, Dean of the Foreign Languages Department, V.N. Karazin Kharkiv National University (Maidan Svobody, 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: metodengl@karazin.ua

УДК 811.161.1

**АЛЛЕТИЧЕСКИЙ И ДЕОНТИЧЕСКИЙ  
 СПОСОБЫ АРГУМЕНТИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ  
 В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ  
 А.И. Приходько (Запорожье, Украина)**

**А.И. Приходько.** Аллетический и деонтический способы аргументирования оценки в художественном дискурсе. В данной статье основное внимание уделяется когнитивно-коммуникативному и аксиопрагматическому аспектам аргументации, которые включают систему утверждений, направленных на опровержение или оправдание какой-либо мысли, сообщения. С этой точки зрения целесообразно выделять два вида аргументации: аллетическую и деонтическую. Референтом аллетической аргументации является истина, которая или утверждается, или отрицается. Референтом деонтической аргументации становятся поступки, действия, поведенческая сторона коммуникативных ситуаций в целом. Аллетическая и деонтическая аргументация в оценочных высказываниях актуализируется в прагматических контекстах четырех типов: обязательство-содействие; предварительное соглашение (оба контекста характерны для деонтической аргументации); ожидание действия, вызванного попытками убеждения в правильности того или иного утверждения; интенсивное выражение мнения (эти типы контекстов присущи для актуализации аллетической аргументации). Аллетический вид аргументации зачастую употребляется в оценочных высказываниях информативно-дескриптивного иллюкутивного типа (аргументативы, констативы, дескриптивы), так как главной целью подобных высказываний есть убеждение в правильности решения, принимаемого адресатом. Деонтический вид аргументации присущ оценочным высказываниям декларативно-экспрессивного типа (комиссивы, экспозитивы) и директивного (реквестивы, инъюнктивы, суггестивы) типов, поскольку основной коммуникативной целью таких высказываний является побуждение к определенному действию.

**Ключевые слова:** аллетический, аргументация, декларативно-экспрессивный, деонтический, информативно-дескриптивный, оценочное высказывание, прагматический контекст.

**А.І. Приходько.** Аллетичний і деонтичний способи аргументування оцінки в художньому дискурсі. У даній статті основна увага приділяється когнітивно-комунікативному і аксіопрагматичному аспектам аргументації, які включають систему тверджень, спрямованих на спростування або виправдання будь-якої думки, повідомлення. З цього погляду доцільно виділяти два види аргументації: аллетичну і деонтичну. Референтом аллетичної аргументації є істина, яка або стверджується, або заперечується. Референтом деонтичної аргументації є вчинки, дії, поведінкова сторона комунікативних ситуацій в цілому. Аллетична і деонтична аргументація в оцінних висловлюваннях актуалізується в прагматичних контекстах чотирьох типів: зобов'язання-сприяння; попередня угода (обидва контексти характерні для деонтичної аргументації); очікування дії, викликані спробами переконання в правильності того чи іншого твердження; інтенсивне вираження думки (ці типи контекстів властиві для актуалізації аллетичної аргументації). Аллетичний вид аргументації часто вживається в оцінних висловлюваннях інформативно-дескриптивного ілюкутивного типу (аргументативи, констативи, дескриптиви), оскільки головна мета подібних висловлювань є переконання в правильності рішення, прийнятого адресатом. Деонтичний вид аргументації притаманний оцінним висловлюванням декларативно-експресивного (коміссиви, експозитиви) і директивного (реквестиви, ін'юнктиви, суггестиви) типів, оскільки основною комунікативною метою таких висловлювань є спонування до певної дії.

**Ключові слова:** аллетичний, аргументація, декларативно-експресивний, деонтичний, інформативно-дескриптивний, оцінне висловлювання, прагматичний контекст.

### **A.I. Prihodko. Alethic and deontic means of evaluative argumentation in the discourse of fiction.**

This article focuses on the cognitive-communicative and axiopragmatic aspects of argumentation that include system of statements, aimed at the denial or justification of any thought or message. From this perspective, it is advisable to speak about two types of argumentation: alethic and deontic. Referent of alethic argumentation is truth, that is either approved or denied. Referent of deontic argumentation is actions, deeds, behavioral side of communicative situations in general. Alethic and deontic argumentation in evaluation statements are actualized in pragmatic contexts of four types: the obligation of assistance; a preliminary agreement (both context are characteristic of the deontic argumentation); the expectation of action caused by the attempts of persuasion of the correctness of a statement; intensive expression of the opinion (these types of contexts are characteristic of alethic argumentation). Alethic argumentation is often used in evaluation statements of informative-descriptive illocutionary type (argumentatives, constatives, descriptives), as the main purpose of such statements is belief in the correctness of a decision taken by the addressee. Deontic kind of argumentation is used in evaluation statements of declarative-expressive (commissives, expositives) and directive (requestives, injunctives, suggestives) types as the main communicative purpose of such statements is to encourage a particular action.

**Key words:** alethic, argumentation, declarative-expressive, deontic, evaluation statement, informative-descriptive, pragmatic context.

### **1. Введение**

Общеизвестно, что любая аргументация есть средство, направленное на изменение тех или иных фрагментов картины мира адресата путем влияния на его логическое мышление. Вступая в коммуникацию, человек часто ставит перед собою цель не только информировать о чем-либо собеседника, побудить его к тому или иному действию, но в то же время и аргументировать свою точку зрения, опровергнув другие. Аргументацию можно считать своеобразной формой человеческой коммуникации, целью которой является убеждение, а затем побуждение слушающего к действию или поступку [Демьянков 1982: 328–331].

Понятие «аргументация» получило теоретическое обоснование и подробно проанализировано в целом ряде работ [см., напр.: Белова 1997; Лазарев 1992; Ряполова 1993; Gioga 1988; Sadock 1974] и определяется как многогранное, комплексное явление, связанное с широким кругом дисциплин. В процессе аргументации задействованы знания и представления говорящего, его эпистемическое и эмоциональное состояние, ценностная система, а также социальные факторы коммуникативной ситуации. Все это свидетельствует об интегральном характере этого феномена.

В связи с общей темой этого исследования нас интересуют когнитивно-коммуникативный и аксиопрагматический аспекты аргументации, которые включают систему утверждений, направленных на опровержение или оправдание какой-либо мысли, сообщения. С этой точки зрения целесообразно выделять два вида аргументации: аллетическую и деонтическую.

Референтом **аллетической аргументации** является истина, которая или утверждается, или отрицается. Референтом **деонтической аргументации** становятся поступки, действия, поведенческая сторона коммуникативных ситуаций в целом [Лазарев 1992: 62].

В данной статье основное внимание уделяется изучению особенностей актуализации видов аргументации в аргументативном дискурсе, определяющими особенностями которого «становятся противоречие, выражающееся в когнитивном или аксиологическом конфликте, в столкновении мнений, и противопоставление как когнитивное моделирование сообщения, как техника убеждения» [Белова 1997: 3].

### **2. Контексты актуализации различных видов аргументации**

Аллетическая аргументация, как правило, реализуется в рамках макроконтекста:

- (1) *"Michael had reached the center of Parliament Square, when a figure coming towards him swerved suddenly to its left and made in the direction of Victoria... Wilfrid! Michael stood*

*still. Coming from – South Square! And suddenly he gave chase. He did not run but he walked his hardest. The blood beat in his temples, and he felt confused to a pitch past bearing"*

(Galsworthy J., WM., p. 180–181).

Фрагмент дискурса (1) – пример изменения оценки событий, являющейся результатом самозаверения: реакции на отрицательную информацию, которую получил Майкл, увидев своего друга рядом со своим домом. Этот факт убедил его в том, что между его женой и Уилфредом существуют какие-то отношения.

(2) *"I imagine she'll be looking for another instructor". "I see." Heggener nodded. "She does have a reputation for being difficult to please." "Well earned." Michael couldn't hold back from saying it"* (Shaw I., Tof., p. 287).

Оценка в этом диалогическом единстве заключена как в вопросе, так и в ответе, которые составляют пары утвердительных реплик, где первая оценивает, а вторая – подтверждает оценку. Такой прагматический макроконтекст, по-видимому, является характерным для оценки в ситуации беседы, представляющей собой заверение-согласие.

Необходимо отметить, что это согласие каузирует определенное ожидание и лишний раз убеждает в правильности сказанного. Заверение в данном случае подчеркивается эмфатическим *do*, которое довольно часто употребляется именно для усиления заверения.

(3) *"If I tell David I want you, he'll assign you to me as a private instructor. I pay the ski school pays and the ski school pays you. It is a nice impersonal arrangement." The best kind, " I said"* (Shaw I., TofH., p. 148).

Диалогическое высказывание (3) представляет собой пример деонтической аргументации, выраженной в прагматическом макроконтексте – убеждение-побуждение к действию. В таком контексте один из коммуникантов директивным актом выражает свою заинтересованность в искомом действии [Ряполова 1993: 11], а собеседник фиксирует свое отношение к такому акту при помощи комиссивных средств.

Глагол *assign*, который сопровождает выражение размышления-просьбы одного из коммуникантов, воспринимается здесь как конвенциональное убеждение в своей правоте. Оно подкрепляется заверением собеседника об оплате определенных услуг. Убежденность адресанта в правильности своих умозаключений выражена имплицитно, на что указывает союз *if*. Именно поэтому он заявляет о своей просьбе сам и, тем самым, пытается побудить адресата к выполнению нужного ему действия.

Анализ языкового материала показал, что аллетическая аргументация более характерна для монологической речи (1). Подобное явление объясняется тем, что данный вид аргументации связан, в первую очередь, с доказательством истины и, тем самым, преследует цель быть средством убеждения оппонента в истинности сообщаемого [Miller 1990: 317–322], что легче достигается в рамках монологического высказывания.

Деонтическая же аргументация преимущественно диалогична [Matthews 1991: 182–199], так как строится на обосновании приемлемости выраженного побуждения к действию / бездействию, то есть ставит своей целью убеждение оппонента в разумности, оправданности, надежности, уместности и целесообразности высказываемой просьбы, предложения.

Проиллюстрируем сказанное следующим примером (4):

(4) *"He was a great man". She affirmed again... You see, Jack," she said, "I have to believe that." "Yes, Lucy, you have to believe that. You have to believe that to live. I know that you must believe that. And I would not have you believe otherwise. It must be that way, and I understand the fact. For you see, Lucy, I must believe that too. I must believe that Willie Stark was a great man. What happened to his greatness is not the question... But he had it. I must believe that. Because I came to believe that. I came back to Burden's Landing"*

(Warren R., АКМ., p. 427).

Из самого построения данного диалога становится ясно, что это речь Джека с самим собой. Перлокутивный эффект данного внутреннего диалога-монолога направлен на убеждение себя



в правильности выбранного решения – возвращения домой. Убеждение достигается за счет употребления в монологе высказываний информативно-дескриптивного иллокутивного типа: аргументативов, констативов [Почепцов 1984: 99–105], а также за счет употребления глагола *to believe*, который в этом высказывании выполняет функцию убеждения адресата.

Следующее диалогическое высказывание (5) является по своей форме примером деонтической аргументации. Оно показывает, что в данном типе аргументации инициативный коммуникант уговаривает и даже умоляет собеседника выполнить нужное ему действие. И, убеждая всеми возможными способами, адресант стремится заручиться обязательством адресата, как условием, которое поможет ему добиться выполнения желаемого действия:

(5) *"Mike", he said, "it's really coming down. There should be over a foot of new powder by morning. I'm opening the lifts at nine. How about making the first run of the season with me?" "Great", Michael said trying to keep his voice steady*" (Shaw I., Tof., p. 157).

В микродиалоге (5), который содержит просьбу (реквестив) сделать то, что крайне необходимо одному из коммуникантов, содержится одновременно и запрос об обещании. Адресант соглашается на уступку и дает требуемое обещание (об этом свидетельствует употребление слова *steady* в ответе Майкла), оформленное в виде комиссива. В то время как реплика-реакция (ответ Майкла) содержит эксплицитную положительную оценку, выраженную всего одним оценочным прилагательным *great*, что, как правило, присуще диалогическому оценочному высказыванию.

По справедливому утверждению Н.Д. Арутюновой, «в речевом общении каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как реплика, вмонтированная в прагматический комплекс» [Арутюнова 1981: 360]. Отсюда следует, что общение не может быть сведено к анализу только речевых действий коммуникантов в отрыве от их целей, мотивов, эпистемического состояния, особенностей взаимодействия.

Для исследования оценочного высказывания (аллетического или деонтического, в зависимости от типа аргументации) значимые результаты дает применение методики акторечевой интерпретации такого рода высказываний, устанавливающей интеракциональное функционирование последних [Kintsch 1992: 143–164], поскольку, как известно, иллокутивное содержание не всегда отражает их действительное назначение в речевом взаимодействии.

Теоретические основы данной методики должны разрабатываться не только в терминах коммуникативной интенции (иллокуции) и социальной цели высказывания [см., напр.: Конецкая 1990: 115–122; Павленис 1983: 62; Падучева 1985: 23–28; Почепцов 1986: 74–88], но и как когнитивный процесс, поскольку с когнитивной точки зрения «аргументация представляет собой совокупность процедур над моделями мира, которые могут вызвать изменение структуры знания не только у слушателя, но и говорящего, то есть «перераспределение наборов знаний между говорящими во время их коммуникативной активности» [Белова 1997: 10].

Известно, что диалектика детерминативных взаимосвязей иллокутивного и перлокутивного актов – это диалектика средства и цели [Drubig 1992]. Целевое назначение иллокутивного акта фокусируется и определяется перлокутивным эффектом. Перлокутивный акт, наоборот, детерминирует появление иллокутивного акта (одного или нескольких) как средства его интеракционального выражения.

Изучение условий реализации аллетических и деонтических оценочных высказываний показало, что они используются как средство достижения разных социальных целей, как процесс стратегии и тактики общения в системе взаимоотношений адресанта и адресата в зависимости от их прагматических контекстов, которые выделяются на основе следующих критериев:

- 1) принадлежность иллокутивных индикаторов инициативному или реагирующему лицу;
- 2) характер мотивации, основанный на аксиологическом или когнитивном диссонансе;
- 3) конечное целевое назначение высказывания;
- 4) прагматическая структура высказывания.

Аллетические и деонтические высказывания, которые реализуют потенциал оценки, актуализируются в следующих типах прагматических контекстов:

- 1) обязательства-содействия;
- 2) предварительное соглашение;
- 3) ожидание действия, вызванного попытками убеждения в правильности того или иного утверждения;
- 4) интенсивное выражение мнения.

**2.1. Контекст обязательства-содействия** характерен для ситуации побуждения-принятия к действию, в котором инициативный коммуникант при помощи высказываний декларативно-экспрессивного или директивного иллокутивного типа старается показать свою заинтересованность в нужном ему действии собеседника.

Собеседник выражает свое отношение к директивному акту путем употребления разнообразных комиссивных средств. Иногда эти средства используются в структурном плане инициативно. В этом случае адресат предполагает или знает о желании адресанта относительно выполнения соответствующего действия заранее. С точки зрения мотивационной обусловленности поведения коммуникантов такую ситуацию можно отнести к контексту обязательства-содействия [Jelinek 1993: 15–42].

Проанализируем следующий диалогический сегмент (1):

- (1) *"It's not enough that you don't give a damn whether your wife becomes a widow or not, you have to drag my father along with you". "I tried to insist..." he began. "I can't imagine how you tried to insist." "You ask your father..." "He admires you, he's told me he wished he had a son like you, he'd like to pretend he's almost the same age as you. I know you"*

(Shaw I., Tof., p. 85).

Перед нами пример деонтической аргументации, направленной на убеждение собеседника в искренности своего намерения совершить какое-то действие. Уверение в выполнении будущего действия – это обещание, целью которого является изменение эмоционально-психологического состояния собеседника: лишение его сомнения относительно искренности адресанта, обеспокоенности, разочарования.

В инициативной реплике приведенного выше высказывания содержится элемент сомнения в успехе задуманного, поскольку отец одного из коммуникантов может быть против их союза, о чем свидетельствует конструкция предложения, оформленного в виде инъюнктива, которое предусматривает появление ответного запрашиваемого обещания-уверения, оформленного комиссивом. Позитивная оценка в анализируемом высказывании носит имплицитный характер и заключена в финальной реплике, содержащей усиление убеждения адресата в совершении искомого действия.

В следующем случае (2) имеем дело с незапрашиваемым обещанием как реакцией на более или менее широкую ситуацию, которая, семантически концентрируясь, становится пресуппозицией, определяющей появление в данном диалоге принятия на себя определенного обязательства [Neisser 1992: 333–340]. Ср.:

- (2) *"No child", she said, "that's a sad house. I remember Arthur Radley when he was a boy. He always spoke nicely to me, no matter what folks said he did. Spoke as nicely as he knew how." "You reckon he's crazy?" Miss Maudie shook her head. "If he's not he should be by now. The things that happen to people we never really know. What happens in houses behind closed doors, what secrets" (Lee H., KM., p. 63).*

Мисс Моды, соседка Аттикуса, в ответ на вопрос его дочери относительно Артура Редли, предоставляет больше информации, чем это предусматривает сам вопрос, целью которого является изменение оценки суждения адресанта. Для этого, как и в предыдущем примере (1), использованы высказывания декларативно-экспрессивного (экспозитив и комиссив) и директивного плана (суггестив), что характерно для деонтической аргументации.

(3) *"I passed English all right", I said, because I had all that Beowulf and Lord Randal My Son stuff when I was at the Whooton School* (Salinger J., CinR., p. 11).

Сегмент дискурса (3), который также есть примером актуализации деонтической аргументации, оформлен в виде сложноподчиненного предложения – констатива с двумя пропозициями. Первая пропозиция передает факт удачной сдачи говорящим экзамена по английскому языку. Во втором предложении продуцент объясняет причину такого успешного результата.

В этом контексте высказывание говорящего отражает принятие последним обязательства относительно существования каузального отношения между фактами реальности, что и описывается дискурсом. В этой связи дискурсный маркер *because* функционирует как показатель локальной связи между двумя предложениями высказывания, функционируя таким образом на семантическом дискурсивном уровне.

**2.2. Контекст предварительного соглашения.** В этом контексте просьба выдвигается неавторитарным лицом, которое в случае отказа, колебания, сомнения, лжи или в превентивных целях подкрепляет свою просьбу выдвигаемыми им же условиями-обязательствами, основное назначение которых – заинтересовать собеседника в совершении запрашиваемого у него действия и, тем самым, установить баланс взаимных интересов. Ср.:

(4) *"I tried to call you Saturday night". She looked at him squarely, without emotion. "Several times." "Did you have anything special to say?" "No". She shrugged. "Just that I missed you". There was no answer. "I was invited out to the beach for the weekend. I should have left the number at the hotel"* (Shaw I., TofH., p. 69).

В диалоге (4) адресант догадывается о том, что адресат знает о его лжи и старается убедить в противоположном. Само убеждение в данной ситуации уговаривания становится сигналом о протекании коммуникации в экстремальных условиях, когда заинтересованное лицо предвидит отрицательную реакцию собеседника на просьбу, если инициатор не подкрепит последнюю убедительным, по его мнению, аргументом. Этим и объясняется отсутствие промежуточных ходов, которые обычно сопровождаются спокойной аргументацией, – между просьбой и убеждением в экстремальной ситуации.

Убеждение в данном контексте (4) направлено на изменение неблагоприятно сложившейся (или складывающейся) ситуации в выгодном для адресанта направлении. Нарушение условий хода коммуникации снимает с адресанта те обязательства, которые он принимает на себя. Подобное стремление установить взаимное соглашение с взаимными обязательствами на основе взаимного компромисса предусматривает наличие некоего баланса интересов.

Убеждающий преследует цель добиться от собеседника уступки. Для этого он использует высказывания декларативно-экспрессивного характера (комиссив, экспозитив), а также высказывания директивного плана (реквестив), что характерно для деонтической аргументации.

**2.3. Контекст ожидания действия.** Контекст ожидания действия вызванного попытками убеждения в правильности приведенного утверждения, является весьма характерным для ситуаций:

- 1) требование-обещание;

2) настойчивое убеждение-согласие.

Рассмотрим высказывания (5), (6):

- (5) *"He sat quite still with half the notes in his hand. He looked uneasy. The telephone rang. He let it ring for two seconds, his veined eyes on Ida; then he lifted the receiver. "Hallow. Hallow. This is Jim Tate." It was an old-fashioned telephone. He screwed the receiver close in to his ear and sat still while a low voice buzzed like a bee. One hand holding the receiver to his ear Jim Tate shuffled the notes together, wrote out a slip. He said hoarsely: that's all right, Mr Colleoni. I'll do that, Mr Colleoni, and planked the receiver down. "You've written Black Dog", Ida said. He looked across at her. It took him a moment to understand. "Black Dog", he says, and then laughed, hoarse and hollow. "What was I thinking of Black Dog indeed." "That means Care". Ida says. "The Pops used to find them under the bed". "Well", he barked with unconvincing geniality, "we've always something to worry about". The telephone rang again. Jim Tate looked as if it might sting him"* (Greene G., BR., p. 71).

Персонажи романа Г. Грина – люди преступного мира, мира рэкета, где процветают шантаж и убийство. Сюжетная линия взятого для анализа отрывка (5) состоит в передаче эмоционального состояния (внутренней обеспокоенности и тревоги) брайтонского букмекера Джима Тейта. Смятение в душе Тейта вызвано вмешательством шайки бандитов в его дела. Постоянные телефонные звонки главаря банды Коллони, которого Джим называет *"Black Dog"*, вызывают у него не только раздражение, но и страх. Рэкетеры занимают на скачках вымогательством и навязывают букмекеру свои условия. Под давлением обстоятельств, которые сложились, Джим вынужден их принять, и обещает сделать все, что от него требуют.

Автор романа сравнивает голос главаря бандитской шайки с назойливой пчелой, готовой ужалить. Метафорический образ внутри самого сравнения строится на общем признаке "угрозы", выраженной в предикатной метафоре *"to buzz – a low voice buzzed like a bee"*.

Эксплицитное выражение угрозы представлено глаголом *to sting* в последнем предложении отрывка (5). Для того, чтобы показать вынужденный характер уступки-обещания, сделанной Джимом рэкетерам, используются информативно-нарративные высказывания: дескриптивы, констативы, аргументативы. Именно такие типы высказываний и являются характерными для аллетической аргументации.

- (6) *"Not that I much blame Duffy. Duffy was face to face with the Margin of mystery where all calculations collapse, where the stream of time dwindles into the sands of eternity, where the formula fails in the test tube, where chaos and old night hold sway and we hear the laughter in the ether dream. But he didn't know he was, and so he said, "Yeah"*

(Warren R., АКМ., p. 19).

- (7) *"You meet somebody at the seashore on a vocation and have a wonderful time together. Or in a corner at a party, while the glasses clink and somebody beats on a piano, you talk with a stranger whose mind seems to whet and sharpen your own and with whom a wonderful new vista of ideas is spied... You remember the individual words from the old language you spoke together, but you have forgotten the grammar. You remember the steps of the dance but the music isn't playing any more. So, there you are"* (Warren R., АКМ., p. 423 – 424).

Высказывание (6), (7) являются иллюстрацией аллетической аргументации в ситуации «настойчивое убеждение-согласие» и представляют собой констативы и аргументативы, при помощи которых повествующий Джек Бэрдэн апеллирует к читателю, стремится воздействовать на него, сделать его своим единомышленником, заставить сопереживать вместе со своими персонажами, чего он и добивается с большим успехом [Демьянков 1994: 17–33].

Местоимение *"we"*, парадигматическое значение которого включает сему *ego*, в авторских отступлениях Бэрдена приобретает под влиянием контекста дополнительную

сему "you", включающую читателя в сферу общения. Нетрудно заметить, что авторские отступления, оформленные местоимением "you", несколько отличаются по семантике и функциям от тех, в которых употребляется "we".

И в первом, и во втором случаях прерывается повествовательный монолог рассказчика, приостанавливается течение времени. Тем не менее, степень потенциальной диалогичности (а значит, убедительности и способности вызвать сопереживания у читателя) значительно выше там, где употребляется "you".

#### 2.4. Контекст интенсивного выражения мнения характерен для ситуаций:

1) аргументированное намерение-убеждение;

2) аргументированная инструкция-согласие.

Аргументированное намерение-убеждение может быть проиллюстрировано высказыванием (8):

(8) *"He protested shakily but as he crawled back to his laboratory it seemed impossible for him to leave this sanctuary and face the murderous brawling world, and quite as impossible to tolerate a cheapened and ineffective imitation of his antitoxin. He began that hour, a sordid strategy which his old proud self would have called inconceivable"* (Lewis S., Ar., p. 143).

Арсенал речевой палитры автора обусловлен его намерениями. Приведенный фрагмент одновременно содержит информацию о характере действий персонажа, его внутреннем состоянии, освещении им событий, и, что немаловажно, выявляет позицию самого автора, поскольку коннотации, возникающие в приведенном выше описании внутреннего состояния героя, в таких сочетаниях, как *murderous brawling world, sordid strategy, cheapened imitation*, отражают не только персональное, но и авторское отношение к предмету высказывания.

Сложная гамма чувств профессора Готлиба (подавленность, растерянность, бессилие перед меркантильным миром и любовь к науке) получает эксплицитное выражение в целом комплексе лексических средств: специальный отбор лексики (*protested shakily*), метафоры (*crawled back, to leave his sanctuary*) отрицательно-оценочные эпитеты (*murderous brawling world, sordid strategy, cheapened imitation*) и т.п..

Писатель явно сочувствует ученому, осуждает мир денег. Он довольно аргументировано советует нам присоединиться к своему мнению. Автор не только соответствующим образом организует языковой материал с целью передачи душевного состояния его героя, но и довольно прозрачно выражает свое аргументированное отношение к высказываемому, чтобы убедить реципиента в своей правоте [Гуревич 2000: 71–78]. С этой целью в данном фрагменте использованы присущие аллетической аргументации констативы и аргументативы.

Аргументативная инструкция-согласие проявляется в примере (9):

(9) *"David had been warned by the London publishing house – by the senior member of it who had set the project up – of the reefs, far more formidable than locked gates, that surrounded any visit to Coetminais. The touchiness, the names one must not mention, the coarse language, the baiting..."* (Fowles J., ET., p. 39).

Перед нами (9) описание приезда главного героя – Дэвида – в усадьбу известного своими чудачествами, изолировавшего себя от внешнего мира, художника Брэсли. Первое, с чем сталкивается Дэвид, – это закрытые ворота, и не одни. Хотя его и предупреждали об этом раньше, но увиденное вызвало даже не удивление, а настоящий шок. Сила эмоционального потрясения возрастала с каждым новым столкновением с закрытыми воротами.

Описание скопления ворот удается благодаря использованию аргументатива. Он настраивает читателя на восприятие пока стереотипных ассоциаций, вызванных абстрагированием и символизацией концепта "закрытые ворота". Но уже дальше следует объяснение, которое полностью подтверждает наши догадки о более широком значении

препятствий, которые сопровождают человека в течение всей его жизни, в частности в поисках истины.

Главным препятствием для современного человека, по мнению героя, оказывается его собственный страх перед риском и опасностью. Его сегодняшний быт перенасыщен разнообразными выгодами, а жизнь преисполнена материальными удобствами, спасательными привычками, а также банальными, раз и навсегда усвоенными истинами.

Вот как об этом говорит сам Дэвид (10):

- (10) *"And that was precisely what had happened to him: a challenge, and well beyond the moral and sexual. It had been like a trap, he saw this now as well. One sailed past that preposterously obvious reef represented by the first evening with the old man, and one's self-blindness, prigishness, so-called urbanity, love of being liked, did the rest. The real rock of truth had lain well past the blue lagoon"* (Fowles J., ET., p. 125).

Во фрагменте (10) с помощью дескриптивов и констативов выражается печальный вывод Дэвида о том, что ему не суждено познать истину, хотя она и была рядом. Это достигается также благодаря тому, что лексемы *reef* и *rock* связаны по признаку «препятствие», «преграда» с предыдущими употреблениями словосочетания *locked gates* и эксплицируют связь с абстрактными предикатами *challenge*, *self-blindness*, *prigishness*, *truth*.

Этот контекст – метафорический, но метафора банальна, стерта, ее значение возобновляется за счет добавления нестереотипных ассоциаций по линии межконтекстуальных связей с образами *gate*, *door* и всеми "трудными", непреодолимыми для Дэвида ситуациями.

### 3. Выводы

Исследованный материал показал, что вид аргументации определяется типом речи: аллетическая аргументация преимущественно характерна для монологической речи, в то время как деонтическая тяготеет, как правило, к диалогу. Что же касается формальных показателей контекста, то оценочные высказывания, которые содержат как аллетическую, так и деонтическую аргументацию, реализуются в макроконтекстах разного объема.

Конституирование оценочных рефлексий художественного дискурса не в последнюю очередь опирается на мотивирование и аргументирование оценки. Аргументация направлена на нейтрализацию отличий аксиологических потенциалов адресата и адресанта, что приводит к полному или частичному изменению системы ценностных взглядов оппонента и пропонента.

Весьма **актуальным и перспективным** в этой связи было бы изучение актуализации видов аргументации оценки в других типах дискурса.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–367.
2. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации / А.Д. Белова. – К. : КГУ, 1997. – 300 с.
3. Гуревич В.В. Модальность и семантика глагольного вида / В.В. Гуревич // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 71–78.
4. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
5. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. – 1982. – Т. 41, № 4. – С. 327–337.
6. Конецкая В.П. Контекстуальная обусловленность оценки в высказываниях различного функционального плана / В.П. Конецкая // Вопросы английской контекстологии. – Л. : ЛГУ. – 1990. – Вып. 3. – С. 115–122.

7. Лазарев В.В. Язык, текст, аргументация / В.В. Лазарев // Материалы межвуз. научн. конф. «Дискурс и аргументация». – Пятигорск : Пятигорск. гос. пед. ин-т иностр. яз. – 1992. – С. 62–64.
8. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. – М. : Мысль, 1983. – 286 с.
9. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью / Е.В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 271 с.
10. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения / О.Г. Почепцов. – Киев : Вищ. школа, 1986. – 116 с.
11. Почепцов Г.Г. Фактор слушателя / Г.Г. Почепцов // Тез. докл. Всесоюзн. конф. «Коммуникативные единицы языка». – М. : МГПИИЯ. – 1984. – С. 99–105.
12. Ряполова Л.Г. Аргументация в спонукальному дискурсі : автореф. Дис. На здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Л.Г. Ряполова. – Київ : КДППМ, 1993. – 15 с.
13. Drubig H.B. Zur Frage der grammatischen Repräsentation thetischer und katigorischer Sätze / H.B. Drubig // Informationsstruktur und Grammatik. – Opladen, 1992. – S. 142–195.
14. Giora R. On the Informativeness requirement / R. Giora // Journal of Pragmatics. – 1988. – Vol. 12, № 5/6. – P. 547–565.
15. Jelinek E. Ergative "splits" and Argument Type / E. Jelinek // Papers on Case and Agreement: I. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993. – P. 15–42.
16. Kintsch W. A Cognitive Architecture for Comprehension / W. Kintsch // Cognition: Conceptual and Methodological Issues. – Washington : Acad. Press. – 1992. – P. 143–164.
17. Matthews R.J. Psychological Reality of Grammars / R.J. Matthews // The Chomskyan Turn. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1991. – P. 182–199.
18. Miller G.A. Linguists, Psychologists, and the Cognitive Science / G.A. Miller // Language. – 1990. – Vol. 66, № 2. – P. 317–322.
19. Neisser U. Two Themes in the Study of Cognition / U. Neisser // Cognition: Conceptual and Methodological Issues. – Washington : Acad. Press. – 1992. – P. 333–340.
20. Sadock J.M. Towards a Linguistic Theory of Speech Acts / J.M. Sadock. – N.Y. : Academic Press, 1974. – 168 p.

## REFERENCES

- Arutyunova, N.D. (1981). Faktor adresata [The factor of addressee]. *Izv. AN SSSR. Ser. literaturu i yazuka*. – *News of AS USSR series of literature and language*, 40 (4), 356–367 (in Russian).
- Belova, A.D. (1997). *Linguisticheskie aspektu argumentatsii [Linguistic aspects of argumentation]*. Kiev: KGU Publ.
- Demyankov, V.Z. (1982). Konventsii, pravila i strategii obsheniya (interpretiruyushiy podhod k argumentatsii) [Conventions, rules and communication strategies (interpretive approach to argumentation)]. *Izv. AN SSSR. Ser. literaturu i yazuka*. – *News of AS USSR series of literature and language*, 41 (4), 327–337 (in Russian).
- Demyankov, V.Z. (1994). Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost interpretiruyushego podhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretative approach]. *Voprosu yazukoznaniya*. – *Issues in linguistics*, 4, 17–33 (in Russian).
- Drubig, H.B. (1992). Zur Frage der grammatischen Repräsentation thetischer und katigorischer Sätze. *Informationsstruktur und Grammatik*, 142–195.
- Giora, R. (1988). On the Informativeness requirement. *Journal of Pragmatics*, 547–565.
- Gurevich, V.V. (2000). Modalnost i semantika glagolnogo vida [Modality and semantics of verbal aspect]. *Voprosu yazukoznaniya*. – *Issues in linguistics*, 2, 71–78 (in Russian).
- Jelinek, E. (1993). Ergative "splits" and Argument Type. *Papers on Case and Agreement*, 15–42.

- Kintsch, W. (1992). A Cognitive Architecture for Comprehension. *Cognition: Conceptual and Methodological Issues*, 143–164.
- Konetskaya, V.P. (1990). Kontekstualnaya obuslovlennost otsenki v vuskazuvaniyah razlichnogo funktsionalnogo plana [Contextual determination of evaluation in the statements of various functional plan]. *Voprosu angliyskoy kontekstologii. – Questions of English contextology*, 3, 115–122 (in Russian).
- Lazarev, V.V. (1992). Yazuk, tekst, argumentatsiya [Language, text, argumentation]. *Materialu mezhvuz. nauchn. konf. "Diskurs i argumentatsiya" [Proc. Interuniversity Scientific Conference "Discourse and argumentation"]*. Pyatigorsk, 62–64.
- Matthews, R.J. (1991). Psychological Reality of Grammars. *The Chomskyan Turn*, 182–199.
- Miller, G.A. (1990). Linguists, Psychologists, and the Cognitive Science. *Language*, 317–322.
- Neisser, U. (1992). Two Themes in the Study of Cognition. *Cognition: Conceptual and Methodological Issues*, 333–340.
- Paducheva, E.V. (1985). *Vuskazuvanie i ego sootnesenost s deistvitelnostyu [Utterance and its relation to the reality]*. Moscow: Nauka Publ.
- Pavilenis, R.I. (1983). *Problema smusla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazuka [The problem of meaning: the modern logical-philosophic analysis of language]*. Moscow: Mysl' Publ.
- Pocheptsov, G.G. (1984). Faktor slushatelya [Listener's factor]. *Tezisu dokl. Vsesoyuzn. konf. "Kommunikativnyye edinitsu yazuka" [Proc. Union Conf. "Communicative language units"]*. Moscow, 99–105.
- Pocheptsov, O.G. (1986). *Osnovu pragmaticheskogo opisaniya predlozheniya [Fundamentals of pragmatic description of sentence]*. Kiev: Vyscha shkola Publ.
- Ryapolova, L.G. (1993). *Argumentatsia v sponukalnomu dikursi. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Argumentation in the motivating discourse. Cand. philol. sci. diss. synopsis.]*. Kyiv (in Ukrainian).
- Sadock, J.M. (1974). *Towards a Linguistic Theory of Speech Acts*. New York: Academic Press.

**Приходько Анна Ильинична** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Запорожского национального университета (ул. Жуковского, 66, Запорожье, 69600, Украина); e-mail: anna.prikhodko.55@mail.ru

**Prykhodko Ganna Illivna** – doctor of Philological sciences, professor, The English Philology Chair, Zaporizhzhya National University (Zhukovsky st., 66, Zaporizhzhya, 69600, Ukraine); e-mail: anna.prikhodko.55@mail.ru



УДК 811.111+8111.112.2+811.161.1+811.161.2 : 81'37

**ПОРЯДОК И ХАОС  
 В КРОССКУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ  
 А.Н. Приходько (Запорожье, Украина),  
 Л.В. Павленко (Днепропетровск, Украина)**

**А.Н. Приходько, Л.В. Павленко. ПОРЯДОК и ХАОС в кросскультурной перспективе.** В статье рассматривается концептуальная диада-антиномия ПОРЯДОК – ХАОС в двух этнокультурах – англосаксонской и восточнославянской, изучение которых в контексте этнического менталитета составляет объект анализа. В первом случае материалом послужили английский и немецкий языки, а во втором – русский и украинский. Лингвоконцептологический анализ данных ментефактов осуществляется на предмет их объективации средствами соответствующих языков в параметрах «понятие – образ – ценность», а также на предмет их функционирования в дискурсе под углом зрения национальных менталитетов. Прослеживается связь между словом и коммуникативным поведением его носителя с особым акцентом на телеономно-регулятивном потенциале вербализованного концепта. В результате исследования было установлено, что в целом в своем отношении к порядку и хаосу английская и немецкая лингвокультуры имеют гораздо больше схожего, чем различного, что объясняется их этническим происхождением и родством языков, на которое накладываются воспитание у граждан послушания и уважения к правилам и законам. Аналогичное касается и восточнославянской этнокультуры. Более того, русский и украинский менталитеты воспринимают ПОРЯДОК и БЕСПОРЯДОК в приблизительно одинаковых параметрах.

**Ключевые слова:** антиконцепт, валоризация, диада, концепт, менталитет, объективация, паттерн, социокультурный типаж, этно- и лингвокультура.

**А.М. Приходько, Л.В. Павленко. ПОРЯДОК і ХАОС у кросскультурній перспективі.** У статті розглядається концептуальна диада-антиномія ПОРЯДОК – ХАОС у двох етнокультурах – англосаксонській і східнослов'янській, вивчення яких в контексті етнічного менталітету становить об'єкт аналізу. У першому випадку матеріалом послужили англійська та німецька мови, а в другому – російська й українська. Лінгвоконцептологічний аналіз даних ментефактів здійснюється на предмет їх об'єктиватії засобами відповідних мов у параметрах «поняття – образ – цінність», а також на предмет їх функціонування в дискурсі під кутом зору національних менталітетів. Простежується зв'язок між словом і комунікативною поведінкою його носія з особливим акцентом на телеономно-регулятивному потенціалі вербалізованого концепту. В результаті дослідження було встановлено, що в цілому у своєму ставленні до порядку і хаосу англійська та німецька лінгвокультури мають набагато більше схожего, ніж відмінного, що пояснюється їхнім етнічним походженням і спорідненістю мов, на яке накладаються виховання у громадян слухняності й поваги до правил і законів. Аналогічне стосується і східнослов'янської етнокультури. Більш того, російський та український менталітети сприймають порядок і безладдя в приблизно однакових параметрах.

**Ключові слова:** антиконцепт, валоризації, діада, етно- і лінгвокультура, концепт, менталітет, об'єктиватія, патерн, соціокультурний типаж.

**A.M. Prykhodko, L.V. Pavlenko. ORDER and CHAOS in crosscultural perspective.** The article deals with the conceptual dyad-antinomy ORDER – CHAOS in two ethnic cultures – Anglo-Saxon and Eastern Slavic. Their study in the context of the ethnic mentality is the subject of the analysis. In the first case the English and German languages serve the material for our investigation, and in the second case – Russian and Ukrainian. The linguistic conceptual analysis of ORDER – CHAOS aims to study the subject of their objectification by means of different languages along the parameters “concept – image – value”, and their

functioning in discourse from the point of national mentalities view. We single out a connection between the word and communicative behavior of its bearer with the emphasis on teleonomic-regulatory potential of the verbalized concept.

The study proves that, in general, English and German linguocultures have more common features than differences as to their attitude towards order and chaos. This is explained by their ethnic origin and affinity of languages. Moreover citizens' obedience and respect for rules and laws strengthen this effect. The similar concerns Eastern Slavic ethnic cultures. Russian and Ukrainian mentality perceive ORDER and DISORDER in almost the same way.

**Key words:** anticoncept, concept, dyad, ethno- and linguoculture, mentality, objectification, pattern, sociocultural character, valorization.

## 1. Введение

Известно, что концептуальный корпус языка формируется ценностными ориентирами не только со знаком плюс, но и со знаком минус. На основе оценки противопоставлены друг другу концепт и его антипод: первый представляет собой ментальную единицу, отражающую определенную ценность для лингво- и/или этнокультуры, второй – единицу, отражающую некоторую антиценность, иногда называемую «антиконцептом» [Ларина 2011; Приходько 2012].

**Объектом** этой работы являются антономические концептуальные пары восточнославянской (рус. ПОРЯДОК vs. БЕСПОРЯДОК, укр. ПОРЯДОК vs. БЕЗЛАД) и англосаксонской (англ. ORDER vs. DISORDER, нем. ORDNUNG vs. UNORDNUNG) этнокультур, изучение которых в контексте этнического менталитета составляет **предмет** анализа.

**Актуальность** изучения данных диад сопряжена с видимой переориентацией гуманитаристики с проблем глобализации на проблемы национальных культур. Ярким примером тому является общефилософская проблема порядка и хаоса [Гак 2003], трансформированная лингвистами на конкретную национальную, свидетельством чему стало появление в последние десятилетия соответствующих работ на материале немецкого [Медведева 2007; Медведева 2011; Приходько 2007; Тахтарова 2009], русского [Болотнов 2009; Григорьев 2003; Кукушкина 2003] и английского [Леонова 2011] языков, а также в сопоставительном плане [Левин-Штайтманн 2003; Prykhodko 2013].

Основные субстантивные номинации обозначенной концепт-идеи в четырех языках выглядят следующим образом. ПОРЯДОК имеет в немецком, английском и русском языках по одной компарабельной единице (*Ordnung, order, порядок*), тогда как в украинском – две (*порядок, лад*). БЕСПОРЯДОК обнаруживает определенные количественные расхождения: английский (*disorder, mess, chaos*) и немецкий (*Unordnung, Mißordnung, Chaos*) языки маркирует его тремя синонимически равноправными существительными, украинский – двумя (*безлад, безладдя*), а русский – одним (*беспорядок*).

**Цель** данной работы – определить пути и способы вербальной аранжировки концептов порядок и хаос в разных европейских языках.

## 2. Семантика ПОРЯДКА и ХАОСА в различных языковых ареалах

Для начала обратимся к этимологии – «механизму памяти культуры» [Лотман 2000: 123]. С происхождением английского *order* и немецкого *Ordnung* более или менее все ясно. Они восходят к лат. *ordinare* 'ставить один за одним, упорядочивать', *ordo* 'класс', 'вид' [Kluge 1989: 519] (ср. также швед. *ordning*, дат., норв., исп. *orden*, франц. *ordre*). Установить же генетические корни его славянских аналогов не так легко, поскольку соответствующие словари почему-то дружно обходят этот вопрос молчанием. Зато языковая интуиция подсказывает, что «порядок» отзывается на пространственную лексему 'ряд' («порядок» в болг. *ред*, сербск. *pêd*, чеш. *řád*, польск. *porządek* [Фасмер 1987: 536]). Эта же интуиция позволяет предположить, что для славянского языкового ареала актуальна не только связь со значением пространства, но и с таким универсальным концептом, как ВРЕМЯ. На это

указывает и семантика слова *порядок*, допускающая свою интерпретацию через феномен последовательности [Ожегов 1986: 489]. Поскольку временная локализация неразрывно связана с пространственной, то и рефлексия порядка должна иметь топохронные истоки.

Эту же самую когнитивную основу имеет и слово *Ordnung*, но немецкий язык расширил его семантику, прибавив к ней такие рефлексии образа жизни, как правила, нормы, дисциплина, организованность, старательность, пунктуальность, ответственность. Русский же язык объективирует идею бытовой обустроенности через контраст с беспорядком. Наверное, феномен нормы усваивается русским менталитетом через созерцание не-нормы. Когнитивно-психологическое освоение этой антиномии в немецком менталитете происходит в обратной последовательности: не-норма UNORDNUNG материализуется на фоне нормы ORDNUNG.

Лексема *order* в английском языке имеет широкий спектр употребления. В первую очередь, она ассоциируется с «порядком, расположением в определённом порядке, последовательностью, очерёдностью» (ср.: *in alphabetical order* 'в алфавитном порядке', *order of priorities* 'очерёдность, степень приоритетности', *out of order* 'не по порядку') и "системой, заведённым, установленным, разработанным кем-то порядком" (ср.: *order of nature* 'естественный порядок', *order of things* 'порядок вещей', *to call to order* 'призвать к порядку', *to keep order* 'соблюдать порядок'). Кроме того, английский язык выделяет и такое значение, как «исправность, хорошее состояние»: *in good order* 'в порядке, в хорошем состоянии', *in bad / out of order* 'в неисправности', *to get out of order* 'испортиться', *to put in order* 'привести в порядок [Longman 2005: 1159–1161]. Словари английского языка фиксируют, что у лексемы *order* наличествует идеологическая компонента «строй, система общественного устройства, режим»: *economic order* 'экономический строй; принятые правила, общественные нормы', *pecking order* 'неофициальная иерархия, сложившийся порядок подчинения', *social order* 'общественный строй, общественный порядок'.

В некоторых англоязычных дискурсах лексема *order* используется в значении «приказ, распоряжение, предписание»: *direct order* 'прямой приказ', *doctor's orders* 'предписания врача', *written orders* ('письменные приказания'), *by smb.'s order* 'по чьему-л. приказанию', *under the orders of smb.* 'под чьей-л. командой', *to give / hand down / issue an order* 'издать приказ', *to carry out / execute an order* 'выполнять приказ', *to obey / follow orders* 'выполнять приказания', *to cancel / rescind / revoke an order* 'отменять приказ', *to violate an order* 'нарушить приказ' [Oxford... Dictionary 2010: 1072–1073].

Восприятие порядка в качестве бытового феномена, базирующегося на согласии, является общеславянской нормой, воплощенной в слове *лад* ('мир', 'порядок', 'лагода' [Шанский 1994: 162]). В отличие от русского, использующего его в довольно ограниченном объеме (*ладить, наладка, ладно*), украинский язык, сохраняя идею бытовой обустроенности, значительно расширил его деривационную палитру за счет производных как с положительным (*ладний, доладний, ладком, ладити, ладитися, зладитися, ладнати, обладнувати, наладка, обладнання, прилад*), так и с отрицательным (*безладдя, розлад, розладдя, нелад, неладний, недоладний, нелад, неполадка*) смыслами.

### 3. ПОРЯДОК И ХАОС В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Представляется, что концептуализация ПОРЯДКА осуществляется в разных лингвокультурах на разных логических основаниях: системном («порядок в части тождественен порядку в системе») и партикулярном («порядок в части не тождественен порядку в системе»). Соответственно, языковое сознание различает и два плана его нарушения – разлад системы (*esse*-паттерн «целое есть не-порядок») и разлад элемента системы (*habeo*-паттерн «что-то не имеет порядка»). Русский язык фиксирует эту когнитивную модель существительными *непорядок* и *беспорядок*, разводящими два логико-смысловых плана: первый предназначен для маркирования разбалансированности

некоторого целого (*непорядки в работе секретариата*), второй – для выражения упорядоченности частей системы. Отсюда и словосочетания типа *беспорядочная груда бумаг, беспорядочные записи, беспорядочный образ жизни, беспорядочные связи*, которые следует понимать как одна часть системы в порядке, а другая – нет. Наверное, именно поэтому русское партикулярное *беспорядок* может употребляться и во множественном числе ('бунт', 'массовые выступления'). Немецкое же *Unordnung* и украинское *безпорядок* этой формы не имеют, очевидно, потому, что в них содержится идея нарушения целого, а не его парцелл (*esse-структура*). Поэтому фраза *Das Auto ist nicht in Ordnung* по-немецки не звучит (лучше *Das Auto ist außer Betrieb*), в отличие от рус. *Машина не в порядке* и англ. *The car is out of order*.

Для немецкого менталитета ORDNUNG – это императив жизни (*Ordnung muss sein*), воплощающий такие ценности, как комфорт, безопасность, свобода, согласие, справедливость, закон, регламент, сведенные в некоем собирательном GEMÜT / *gemütlich*, и потому он является наивысшим канонем (*Ordnung über alles*), а то, что в него не вписывается, – парадигмой хаоса, в котором господствует антиконцепт UNORDNUNG. При этом немецкое слово *Chaos* усвоено даже обыденной речью, где оно используется как намного более сильный маркер беспорядка (по отношению к *Unordnung*).

В англоязычной культуре ORDER является одной из базовых ценностей общества, так как предполагает следование закону, а DISORDER / CHAOS рассматривается как ярко выраженная антиценность, включающая в себя политическую составляющую: (*public / civil disorders* 'гражданские беспорядки', *complete / total / utter chaos* 'совершенный беспорядок, полный хаос', *economic chaos* 'экономический хаос', *political chaos* 'политические беспорядки', *a state of chaos* 'состояние беспорядка', *to cause / create chaos* 'создать беспорядок, создать полный хаос').

Английская лексема *chaos*, как и ее немецкая тезка, несет более сильную смысловую нагрузку, делая акцент на нарушении правил поведения в обществе. Для выражения беспорядка на бытовом уровне в английской разговорной речи чаще употребляются лексемы *disorder* 'беспорядок, беспорядок' (*in disorder* 'в беспорядке' – *The room was in complete disorder*) и *mess* 'беспорядок, путаница, неразбериха, грязь' (*to clean away / sweep up a mess* 'привести в порядок' – *Your room is in a mess; The movie is a mess, as sloppy in concept as it is in execution*). Для английского политического дискурса характерно использование лексемы *riot* в значении 'бунт, восстание, мятеж': *to cause / foment / incite a riot* 'вызвать бунт', *to crush / put down / quell a riot* 'подавить бунт'.

Употребление определенного ряда глаголов усиливает состояния порядка (*to arrange, to establish, to follow, to give, to issue, to keep, to make, to obey, to place, to receive, to restore, to restrain*) или беспорядка (*to avoid, to bring, to cause, to control, to create, to diagnose, to end, to get, to lead, to leave, to make, to plunge, to reign, to result, to sort, to sow, to throw*).

Несмотря на то, что для восточнославянской этнокультуры, также как и для англосаксонской, БЕСПОРЯДОК не является положительным моментом бытия, в ней он не получает той категорически отрицательной оценки, которую приобретает UNORDNUNG в немецкой и DISORDER в английской лингвокультурах. Тот факт, что беспорядок каким-то образом стал занимать далеко не последнее место в нашей жизни, беспристрастно фиксирует язык. Ср. укр. *непорядок, нелад, безладдя, розлад, розладдя, розгардіяш, розкардаш* и рус. *беспорядок, безобразия, неразбериха, бардак, кавардак, тарарам, кутерьма, балаган, бедлам, ералаш, дурдом, бунт, смута, сумятица, катавасия, светопредставление, вавилонское столпотворение, черт ногу сломит, все вверх дном, как Мамай прошел* и др. В немецком языке антиконцепт UNORDNUNG профилируется не меньшим количеством номинаций с целой палитрой разнонаправленных значений: *Mißordnung, Mißorganisation, Desorganisation, Durcheinander, Regellosigkeit, Gesetzlosigkeit, Charivari, Getümmel, Gewussel, Gewurstel, Hexenküche, Krawall, Krise, Kuddelmuddel, Mischmasch, Olla potrida, Quidroquo*,

*Sauhaufen, Saustall, Schlamperei, Schweinerei, Tohuwabohu, Tumult, Wirrnis, Wirrsal, Wirrwarr* [Dornseiff 1970: 168–169]. Аналогично и в английской: *disorder, mess, muddle, chaos, confusion, clutter, jumble, bustle, bedlam, riot, commotion* [Collins [e-resource]; Ladd 2006: 299; Longman 2005: 449].

Наиболее категорически немецкая лингвокультура осуждает проявления беспорядка в своем фразеологическом фонде: *die kaiserlose Zeit, babylonischer Turmbau, Leipziger Allerlei, kreuz und quer, unterst zu oberts, wie Kraut und Rüben, bunt zugehen, aus den Fugen sein, es geht alles aus den Angeln, in einen Topf werfen, vom Hundertsten ins Tausendste kommen*. Иногда беспорядок рисуется ею в гендерно извращенных идиомах типа *weibliche Logik, Weiberwirtschaft*, а в некоторых случаях и в идиомах с креном в ксенофобию (*russisches Chaos / русский хаос, Zigeunerwirtschaft / цыганское хозяйство, polnische Wirtschaft / польское хозяйство, polnischer Reichstag / польский рейхстаг, Judenschule / еврейская школа*), в которых отражаются ложные стереотипы немцев о других народах путем приписывания им некоего системного беспорядка.

В отличие от немецкой английская лингвокультура отражает идею ORDER в своем фразеологическом фонде более скромно. В качестве примера приведем наиболее известные *just what the doctor ordered* 'то, что доктор прописал', *order sb about / around* 'командовать, повелевать кому-то что-то сделать в неприятной манере, властвовать', *It was obvious he was used to ordering people around* 'Было очевидно, он властвовал над людьми'.

Однако для английских идиом и фразеологизмов более предпочтительным является употребление лексемы *rule* вместо *order* в значении «порядок»: *the rule of the law* 'норма права, т. е. порядок закона', *work to rule* 'работать строго, «по правилам», придерживаться установленного порядка'. Всем известно, что британцы уважают закон и гордятся своим чувством справедливости, они всегда и во всем стремятся «играть по правилам» (*to play by the rules*). Это предполагает делать то, что согласовано и оговорено, быть честным и справедливым по отношению к партнеру, всегда придерживаться правил игры (*the rules of the game*), соблюдать стандарты поведения, одобренные большинством и принятые в обществе правил игры (*the rules of the game*). Собственно говоря, это и есть ORDER. Кейт Фокс утверждает, что это правило по-прежнему остается правилом в смысле идеального стандарта, которому англичане стремятся соответствовать, хотя у них и не всегда это получается [Фокс 2008: 247]. Без сомнения тот, кто знает правила игры, должен уметь и проигрывать. Недопустимы споры или внешне проявленное огорчение. Если англичане говорят, что вы «*знаете правила игры*» – значит всё, вас действительно признали! Ибо подобной оценки иностранец удостоивается крайне редко и никогда – всеми единодушно [Майол 2001: 17].

Англосаксонское этнокультурное сознание выработало довольно значительное количество номинаций, выражающих причины нарушения порядка: нем. *Anarchie, Schlamperei, Liederlichkeit, Sorglosigkeit, Unbekümmtheit*; англ. *anarchy, carelessness, negligence, disorderliness, unconcern, lack of seriousness; lightness, frivolity, frivolousness, irresponsibility*. Все они сводятся к двум «человеческим факторам» – безответственности и неорганизованности, которые ни при каких условиях не могут быть оправданными. Есть соотносительные с ними украинские (*бездіяльність, безвідповідальність*) и русские (*халатность, бестолковщина, безалаберность, головотяпство*) лексемы, к которым прибавляются еще и *бездеятельность, халтура*, обозначающие элементарную лень. Есть в русском языке и номинации, маркирующие безалаберщину как «вещь в себе» (*нутаница, бардак*), в семантической структуре которых человеческий фактор если и присутствует, то лишь в контексте «Кто виноват и что делать?». Тем не менее, эта лингвокультура имеет в своем арсенале слова, оправдывающие не-порядок через присущую ей широту «русской души» (*неприкаянность, маята, томление, гулянье, удаль, размах*), которые нередко валоризируются и тем самым возводятся в ранг концептов [Шмелев 2002: 295–462].

При таких условиях совершённый на фоне *беспечности, бесшабашности, разгильдяйства* беспорядок может быть в какой-то мере признан уважительным.

Приблизительно на одинаковых лингвокультурных основаниях используются в четырех сопоставляемых языках и антропономинии, рисующие социокультурный типаж, склонный к не-порядку. Если в русском он имеет значительную амплитуду разброса – от укоризненно-ласкательной (*шалун / шалуншика, растяпа, шалопай, шалапут*) к пейоративной (*бездельник, халтурщик, ветрогон, пофигист, смутьян, бунтарь, баламут*), то в англосаксонской этнокультуре – это однозначно отрицательный типаж (англ. *dimwit, blockhead, dolt; dunce, idler, loafer; lazybones, bloodsucker, sponger, vagabond, parasite, good-for-nothing, scapegrace, sloven, geek, nerd, suck, boffin*; нем. *Quatschkopf, Querkopf, Wirrkopf, Schlamp, Schandudel, Slutsch, Windbeutel, Windhund, Taugenichts*). Русский язык и сейчас продолжает вырабатывать слова (*беспредел, отморозок*), маркирующие новые формы проявления беспорядка с крайне отрицательной оценкой.

Осознание восточнославянской этнокультурой всего того негатива, который служит причиной беспорядка, всегда беспокоило лучших ее представителей, которые всегда стремились навести порядок в обществе и в душах людей. На этом базируется и философская мысль, и искусство, и художественная литература, дидактическая основа которых нередко очерчивается стремлением к наведению порядка и воцарению гармонии.

Следует, однако, заметить, что в восточнославянской этнокультуре определенную духовную энергетику излучает не само слово *порядок*, а производные от него – рус. *порядочность* и укр. *порядність* ('честность, неспособность к низким, аморальным, поступкам'), а также однокорневые прилагательные с положительной и отрицательной аксиологией: рус. *не/порядочный человек*, укр. *не/порядна людина*. Вместе с тем, у русского прилагательного *порядочный* развилось и дополнительное значение – 'большой', 'значительный в размере', что, вероятно, восходит к пониманию порядка в математике (*порядковый*). Основное же значение слова *порядок* – «ясная и четкая организация какой-нибудь сферы действительности (в отношении человеческого существования)» [ФЭС 2002: 576] – не находит своего адекватного воплощения ни в русском, ни в украинском языках. Английский же и немецкий языки выработали целый ряд соответствующих адекватных дериватов: англ. *ordering, ordered / disordered, orderly / disorderly* и пр., нем. *ordentlich, ordnungsgemäß, ordnungsmaßig, unordentlich, ordnungswidrig* и пр.

Перечисленные средства объективации валоратива ORDNUNG отражают главную установку немецкого менталитета: все в мире имеет свою цель, способ и очередность их достижения. То, что не вписывается в этот фреймовый сценарий, означает хаос (*Chaos*), беспорядок (*Unordnung, Mißordnung*) и противоправность (*Ordnungswidrikeit*) – наибольший грех, угрожающий человеку, а потому и не имеющий права на существование. ORDNUNG для немца – это регламент бытия, норма, закон, от которых немисливо отступить, ибо за их пределами властвует нечто наполняющее душу тревогой, а то и страхом. Как заметил Б. Нусс, порядок и страх идут у немцев нога в ногу, а их потребность жить в мире порядка – это опасение сделать что-то не так и тем самым нарваться на неприятности [Nuss 1992: 126]. Отсюда – их влечение к благоустроенности, необходимой, прежде всего, для того, чтобы гарантировать себе безопасность, избавиться от страхов, фобий и других раздражителей.

Порядок ассоциируется в психологии немцев с безопасностью, а беспорядок – с опасностью. Б. Нусс пишет далее, что «Unordnung действует на немца как наркотик, который парализует часть его способностей и вызывает короткое замыкание в мозгу» [Nuss 1992: 130]. Эту же мысль подтверждает и Марлен Борисенко целым рядом примеров из жизни немцев [Borisenko 2011].

Для восточнославянского менталитета концепт ПОРЯДОК, наверное, не имеет той регулятивной силы, которую имеет ORDER / ORDNUNG для англосаксонского. Первый посмеивается над извечным западным порядком, а второй панически боится восточного

беспорядка. Разность в отношении народов к одному и тому же понятию фактически является той демаркационной линией, которая проходит между их менталитетами: если в англосаксонской этнокультуре ORDER / ORDNUNG суть телеономно-регулятивные валоративы, то ПОРЯДОК у нас – один из многих среди прочих концептов, не наделенных особой духовной энергетикой. Не потому ли ни ПОРЯДОК, ни ЛАД не включены в словарь – перечень знаков украинской культуры? [Жайворонок 2006].

Впрочем, мысль о том, что порядок и беспорядок всегда существуют рядом и представляют собой череду событий, в которых они перманентно порождают и сменяют друг друга и тем самым осуществляют то, что в современной научной парадигме знания принято называть самоорганизацией, никогда не была чуждой обыденному сознанию ни русского, ни украинского, ни немецкого, ни английского народов.

#### 4. Выводы

Подводя итог, подчеркнем, что во всех четырех анализируемых языках феномены «порядок» и «беспорядок» располагаются на аксиологической шкале, крайними полюсами которой являются оценки «хорошо» и «плохо». В полном соответствии с этой полюсностью немецкий менталитет располагает феномены ORDNUNG и UNORDNUNG, а английский – ORDER и DISORDER. Это означает, что для них не существует промежуточных зон, где бы граница между ними блекла или стиралась, а потому любое проявление не-порядка в англосаксонской этнокультуре воспринимается как системное нарушение чего-то, а потому ни при каких условиях не может быть оправданным.

Для чопорных британцев понимание ORDER и DISORDER проявляется и в чрезмерно строгом поведении и крайней щепетильности в соблюдении приличий, т.е. в чрезмерной благопристойности. Как уже отмечалось, английская лингвокультура больше тяготеет к использованию RULE вместо ORDER в значении соблюдения порядка, чего не наблюдается в немецкой, где концепт REGEL энергетически гораздо слабее концепта ORDNUNG. Это говорит о склонности британцев к созданию неких положений, регуляций, установок, инструкций, являющихся основой для разработки норм и правил функционирования общества, которые и представляют собой порядок.

В целом в своем отношении к порядку и хаосу английская и немецкая лингвокультуры имеют гораздо больше схожего, чем различного, что не удивительно, если учесть их этническое происхождение и родство языков, на которое накладываются вековое воспитание у граждан послушания и уважения к правилам и законам.

Аналогичное касается и восточнославянской этнокультуры. Более того, русский и украинский менталитеты воспринимают ПОРЯДОК и БЕСПОРЯДОК в приблизительно тех же параметрах, поскольку порядок оценивается ими отрицательно как нечто вызываемое безответственностью, неорганизованностью, ленью. Однако «восточнославянская душа» всегда оставляет «люфт» для оправданий БЕСПОРЯДКА. В отличие от англосаксонской, эта душа воспринимает порядок и беспорядок диалектически – как единство и борьбу противоположностей, как проявление симметрии мира, при которой одно порождает другое, вытекает из него и с ним пересекается. А потому ни украинский, ни русский менталитеты не драматизируют беспорядок, усматривая в нем не разлад системы, а нарушение отдельных ее элементов.

Изложенные соображения могут быть подтверждены или опровергнуты при изучении другого аспекта очерченной проблемы – социодискурсивной. Такое описание концептов ПОРЯДОК и ХАОС в окружении близких и/или родственных явлений, а также анализ сравнимых с ними феноменов на материале других языков могут дать более глубокие и, возможно, более исчерпывающие сведения о самобытности и неповторимости определенных этнических менталитетов, освобожденных от пут глобализации.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Болотнов А.В. Вербализация концепта «хаос» в поэтическом дискурсе Серебряного века (на материале творчества М.И. Цветаевой, М.А. Волошина, О.Э. Мандельштама) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А.В. Болотнов. – Томск, 2009. – 18 с.
2. Гак В.Г. От хаоса к порядку и от порядка к хаосу («Анархия мать порядка, порядок – отец хаоса») / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка / [отв. ред. Н.Д. Арутюнова]. – М. : Индрик, 2003. – С. 286–293.
3. Григорьев В.П. Образы порядка и беспорядка у В. Хлебникова / В.П. Григорьев // Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка / [отв. ред. Н.Д. Арутюнова]. – М. : Индрик, 2003. – С. 504–518.
4. Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури / В.В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.
5. Кукушкина Е.Ю. Порядок и беспорядок в русской свадьбе / Е.Ю. Кукушкина // Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка / [отв. ред. Н.Д. Арутюнова]. – М. : Индрик. 2003. – С. 461–470.
6. Ларина М.Б. Корреляция концепта и антиконцепта в лингвокультуре (на материале концептов MAGIC и GLAMOUR) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка»; 10.02.04 «Германские языки» / М.Б. Ларина. – Кемерово : КемГУ, 2011. – 19 с.
7. Левин-Штайтманн А. Некоторые соображения о методологии определения «картины мира» (на примере стереотипов «порядок-Ordnung» в русском и немецком языках / А. Левин-Штайтманн // Логический анализ языка. Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка / [отв. ред. Н.Д. Арутюнова]. – М. : Индрик. 2003. – С. 221–231.
8. Леонова Е.П. Концепт «order» («порядок») в английской языковой картине мира / Е.П. Леонова // Концептуальные и семантико-грамматические исследования : памяти проф. Е.А. Пименова : [сб. науч. ст.]. Серия : «Филологический сборник». – М. : ИЯ РАН, 2011. – Вып. 11. – С. 178–183.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
10. Майол Э. Эти странные англичане / Antony Miall, David Milsted. *The Xenophobe's Guide to the English*. – М. : Эгмонт Россия Лтд., 2001. – 72 с.
11. Медведева Т.С. Репрезентация концепта ORDNUNG в немецкой языковой картине мира / Т.С. Медведева // Вестник Удмурт. ун-та. Серия : «Филологические науки». – Ижевск : Удмуртский университет, 2007. – № 5 (2). – С. 105–114.
12. Медведева Т.С. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры : монография / Т.С. Медведева, М.В. Опарин, Д.И. Медведева. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2011. – 160 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; [под. ред. Н.Ю. Шведовой]. – М. : Русский язык, 1986. – 797 с.
14. Приходько А.Н. Концепт "Ordnung" как мерная единица немецкого этнического менталитета (лингвокультурный аспект) / А.Н. Приходько // *Vita in lingua* : к юбилею профессора С.Г. Воркачева : [сб. ст. / отв. ред. В.И. Карасик]. – Краснодар : Атриум, 2007. – С. 158–171.
15. Приходько А.Н. Антиконцепт как лингвокультурный феномен : партонимическое, стигматическое, эссенциальное [Электронный ресурс] / А.Н. Приходько // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. / ред. И.С. Шевченко]. – Харьков : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2012. – № 5. – С. 37–51. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>



16. Тахтарова С.С. Концепт "Ordnung" как культурная доминанта в немецкой лингвокультуре / С.С. Тахтарова // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия : «Филология и искусствоведение». – Майкоп, 2009. – Вып. 3. – С. 229–234.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М. : Просвещение, 1987. – Т. 3. – 831 с.
18. ФЭС : Философский энциклопедический словарь / [ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко]. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 576 с.
19. Фокс К. Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения / К. Фокс : [пер. : И. Новоселецкая]. – М. : Рипол Классик, 2008. – 512 с.
20. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – М. : Прозерпина, 1994. – 400 с.
21. Шмелев А.Д. Русский язык и неязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М. : ЯСК, 2002. – 496 с.
22. Borisenko M.W. "Ordnung muss sein..." – Betrachtungen zu einem Klischee über deutsche Mentalität / M.W. Borisenko // Типологія мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах. – Донецьк : ДонНУ, 2011. – Вип. 24. – С. 56–63.
23. Collins dictionaries [Electronic resource]. – Available from : <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/disorder>
24. Dornseiff F. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / F. Dornseiff. – Berlin, N.Y. : Walter de Gruyter, 1970. – 922 S.
25. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge . – Berlin, N.Y. : Walter de Gruyter, 1989. – 822 S.
26. Ladd P. Sign Language : Communities and Culture / P. Ladd // Encyclopedia of Language & Linguistics / [Editor-in-Chief : Keith Brown]. – [Second Edition]. – Amsterdam : Elsevier Ltd., 2006. – P. 296–303.
27. Longman Dictionary of Contemporary English / [Managing Editor St. Bullon]. – L. : Longman, 2005. – 1 950 p.
28. Nuss B. Das Faust Syndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen / B. Nuss. – Bonn, Berlin : Borvier, 1992. – 213 S.
29. Oxford Advanced Learner's Dictionary / [Managing Editor J. Turnbull]. – Oxford : University Press, 2010. – 1 920 p.
30. Prykhodko A.N. Konzeptualisierung der Idee "Ordnung vs. Unordnung" im Deutschen, Russischen und Ukrainischen / A.N. Prykhodko // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik / Hrsg. A. Katny, H. Roll. – Frankfurt/M. [u. a.] : Peter Lang Edition, 2013. – S. 33–47.

## REFERENCES

- Bolotnov, A.V. (2009). *Verbalizacija koncepta "haos" v poeticheskom diskurse Serebrjanogo veka (na materiale tvorcestva M.I. Cvetaevoj, M.A. Voloshina, O. Je. Mandel'shtama)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Verbalization of the concept "chaos" in the poetic discourse of Silver Age (based on works of M.I. Tsvetaeva, M.A. Voloshin, O.E. Mandelstam)]. Kand. philol. sci. Diss. synopsis]. Tomsk (in Russian).
- Borisenko, M.W. (2011). "Ordnung muss sein..." – Betrachtungen zu einem Klischee über deutsche Mentalität. *Tipologija movnih znachen' u diahronichnomu ta zistavnomu aspektah – Typology of language values in the diachronic and comparable aspects*, 24, 56–63.
- Disorder. (n.d.) In: *Collins English Thesaurus*. Available at: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/disorder>
- Dornseiff, F. (1970). *Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen*. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter.
- Fasmer, M. (1987). *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]*. (Vol. 3). Moscow: Prosveshhenie Publ.

- Foks, K. (2008). *Nabljudaja za anglichanami. Skrytye pravila povedenija: [Watching the English people. Hidden rules of conduct]*. Moscow: Ripol Klassik Publ.
- Gak, V.G. (2003). Ot haosa k porjadku i ot porjadka k haosu ("Anarhija mat' porjadka, porjadok – otec haosa") [From chaos to order and order to chaos ("Anarchy is the mother of order, order is the father of chaos")]. In: N.D. Arutjunova (Ed.). *Logicheskij analiz jazyka. Kosmos i haos. Konceptual'nye polja porjadka i besporjadka [The logical analysis of language. Cosmos and chaos. The conceptual field of order and disorder]* (pp. 286–293). Moscow: Indrik Publ.
- Grigor'ev, V.P. (2003). Obrazy porjadka i besporjadka u V. Hlebnikova [Images of order and disorder by Khlebnikov]. In: N.D. Arutjunova (Ed.). *Logicheskij analiz jazyka. Kosmos i haos. Konceptual'nye polja porjadka i besporjadka [The logical analysis of language. Cosmos and chaos. The conceptual field of order and disorder]* (pp. 504–518). Moscow: Indrik Publ.
- Gubskij, E.F., Korableva, G.V., and Lutchenko, V.A. (Eds.). (1997). *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]*. Moscow: INFRA-M Publ.
- Kluge, F. (1989). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter.
- Kukushkina, E.Ju. (2003). Porjadok i besporjadok v russoj svad'be [Order and disorder in the Russian wedding]. In: N.D. Arutjunova (Ed.). *Logicheskij analiz jazyka. Kosmos i haos. Konceptual'nye polja porjadka i besporjadka [The logical analysis of language. Cosmos and chaos. The conceptual field of order and disorder]* (pp. 461–470). Moscow: Indrik Publ.
- Ladd, P. (2006). Sign Language: Communities and Culture. In: K. Brown (Ed.). *Encyclopedia of Language & Linguistics* (pp. 296–303). Amsterdam: Elsevier Ltd.
- Larina, M.B. (2011). *Korreljacija koncepta i antikoncepta v lingvokul'ture (na materiale konceptov MAGIC i GLAMOUR). Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Correlation of the concept and the anticoncept in linguo-culture (based on the concepts of MAGIC and GLAMOUR). Kand. philol. sci. diss. synopsis]*. Kemerovo (in Russian).
- Leonova, E.P. (2011). Koncept "order" ("porjadok") v anglijskoj jazykovoju kartine mira [The concept of "order" ("order") in English language picture of the world]. In: M.V. Pimenova (Ed.). *Konceptual'nye i semantiko-grammaticheskie issledovanija: pamjati prof. E.A. Pimenova [Conceptual and semantic-grammatical studies: in memory of prof. E.A. Pimenov]*(pp. 178–183). Moscow: IJa RAN Publ.
- Levin-Shtajtmann, A. (2003). Nekotorye soobrazhenija o metodologii opredelenija "kartiny mira" (na primere stereotipov "porjadok-Ordnung" v ruskom i nemeckom jazykah [Some views on the methodology for determining the "picture of the world" (on the example of stereotypes "order-Ordnung" in Russian and German)]. In: N.D. Arutjunova (Ed.). *Logicheskij analiz jazyka. Kosmos i haos. Konceptual'nye polja porjadka i besporjadka [The logical analysis of language. Cosmos and chaos. The conceptual field of order and disorder]* (pp. 221–231). Moscow: Indrik Publ.
- Longman Dictionary of Contemporary English*. (2005). L.: Longman.
- Lotman, Ju.M. (2000). *Semiosfera [Semiosphere]*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ.
- Majol, Je., and Milsted, D. (2001). *Jeti stranye anglichane [These weird British]*. Moscow: Jegmont Rossija Ltd. Publ.
- Medvedeva, T.S. (2007). Rezentacija koncepta ORDNUNG v nemeckoj jazykovoju kartine mira [Representation of the concept of ORDNUNG in German language picture of the world]. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. –Udmurtskij Univ. Messenger*, 5 (2), 105–114 (in Russian).
- Medvedeva, T.S. (2011). *Ključevye koncepty nemeckoj lingvokul'tury [Key concepts of the German lingvoculture]*. Izhevsk: Udmurtskij Univ. Publ.
- Nuss, B. (1992). *Das Faust Syndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen*. Bonn, Berlin: Borvier Publ.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary*. (2010). Oxford: Oxford University Press.

- Ozhegov, S.I. (1986). *Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]*. Moscow: Russkij jazyk Publ.
- Prihod'ko, A.N. (2007). Koncept "Ordnung" kak mernaja edinica nemeckogo jetnicheskogo mentaliteta (lingvokul'turnyj aspekt) [The concept "Ordnung" as fixed unit of German ethnic mentality (the lingvocultural aspect)]. In: V.I. Karasik (Ed.). *Vita in lingua* (pp. 286–293). Krasnodar: Atrium Publ.
- Prihod'ko, A.N. (2012). Antikoncept kak linvokul'turnyj fenomen: partonimicheskoe, stigmaticheskoe, jessencial'noe [Anticoncept as a linvocultural phenomenon: pantonimic, stigmatic, essential]. *Kognicija, komunikacija, diskurs. – Cognition, communication, discourse*, 5, 37–51 (in Russian).
- Prykhodko, A.N. (2013). Konzeptualisierung der Idee "Ordnung vs. Unordnung" im Deutschen, Russischen und Ukrainischen. In: A. Katny, and H. Roll (Eds.). *Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik* (pp. 33–47). Frankfurt/M.: Peter Lang Edition.
- Shanskij, N.M. (1994). *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]*. Moscow: Prozerpina Publ.
- Shmelev, A.D. (2002). *Russkij jazyk i nejazykovaja dejstvitel'nost' [The Russian language and nonlinguistic reality]*. Moscow: JaSK Publ.
- Tahtarova, S.S. (2009). Koncept "Ordnung" kak kul'turnaja dominanta v nemeckoj lingvokul'ture [The concept "Ordnung" as a cultural dominant in German lingvoculture]. *Vestnik Adygejsk. gos. un-ta. – Adygejsk. State Univ. Messenger*, 3, 229–234 (in Russian).
- Zhaivoronok, V.V. (2006). *Znaky ukraïnskoï etnokultury [Signs of the Ukrainian culture]*. Kyiv: Dovira Publ.

**Приходько Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода Запорожского национального технического университета (ул. Жуковского, 64, Запорожье, 69063, Украина); e-mail: aprykhod@mail.ru

**Prykhodko Anatoly Nickolaevich** – doctor of Philological sciences, Zaporizhzhya National Technical University (Zhukovsky st., 64, Zaporizhzhya, 69063, Ukraine); e-mail: aprykhod@mail.ru

**Павленко Людмила Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры украинского и иностранных языков Днепропетровского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (ул. Гоголя, 29, Днепропетровск, 49044, Украина); e-mail: pavlenkolyud@ukr.net

**Pavlenko Ludmyla Volodymyrivna** – kandidat of philological sciences, Dnipropetrovsk regional institute of public administration, National academy for public administration under the President of Ukraine (Gogolia st, 29, Dnipropetrovsk, 49044, Ukraine); e-mail: pavlenkolyud@ukr.net

УДК 811.111'42

## **КРЕАТИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ LINGUISTICUS-ШУТНИКА, ИЛИ УЧЕНЫЕ-ЛИНГВИСТЫ СМЕЮТСЯ**

**В.А. Самохина (Харьков, Украина)**

*«Остроумен тот, кто шутит со вкусом» (Аристотель)*

**В.А. Самохина. Креативная личность Linguisticus-шутника, или ученые-лингвисты смеются.** Основой для статьи послужила лингвостилистическая палитра комических текстов, представленных интеллектуальными острословами – выдающимися филологами-лингвистами. Описана специфика лингвиста-шутника как остроумной языковой личности в рамках карнавальной традиции, которая определяется как постоянный карнавализованный диалог. Лингвисты выступают в «маске комика», демонстрируя комическую языковую игру, основным принципом которой является нарушение норм.

Основные средства создания экспрессивности юмористического текста – подтекст, ассоциативность, установка на восприятие и интерпретацию комического. Выделяются базовые дискурсивные черты креативного лингвиста-шутника: отличное чувство юмора, эрудиция, поиск нового, творческий подход, остроумие, развитое мышление. Рассмотрены формы лингвистического юмора – этимологические мифы, научные пародии, лингвистические каламбуры, комические мемуары, шутки.

**Ключевые слова:** карнавальная культура, лингвистический юмор, лингвист-шутник, острота, остроумие, чувство юмора, шутка.

**В.О. Самохіна. Креативна особистість Linguisticus-жартівника, або вчені-лінгвісти сміються.** Основою для статті стала лінгвостилістична палітра комічних текстів, представлених інтелектуальними гострословами – видатними філологами-лінгвістами. Описано специфіку лінгвіста-жартівника як дотепної і мовної особистості в рамках карнавальної традиції, яка визначається як постійний карнавалізований діалог.

Лінгвісти виступають у «масці коміка», демонструючи комічну мовну гру, головним принципом якої є порушення норм. Основні засоби створення експресивності гумористичного тексту – підтекст, асоціативність, настанова на сприйняття і інтерпретацію комічного. Виділяються базові дискурсивні риси креативного лінгвіста-жартівника: відмінне почуття гумору, ерудиція, пошук нового, творчий підхід, дотепність, розвинуте мислення. Розглянуто форми лінгвістичного гумору – етимологічні міфи, наукові пародії, лінгвістичні каламбури, комічні мемуари, жарти.

**Ключові слова:** гострота, дотепність, жарт, карнавально культура, лінгвістичний гумор, лінгвіст-жартівник, почуття гумору.

**V.O. Samokhina. A creative personality of the Joking linguist, or linguists say in jest.** The basis for the article has become linguostylistic range of expression in comic texts, which are produced by intellectual wise-crackers – eminent linguists. Specific character of the joking linguist as a witty lingual personality is described within the limits of carnival tradition, which defined as constant carnival dialogue.

Linguists act in the “mask of the comic”, demonstrating comic language game, the main principle of which is derivation from a norm. The basic means of creating expressiveness of the humorous text are implication, association, aim to perceive and interpret the comic element. Basic discursive traits of the creative Joking linguist have been singled out: excellent sense of humour, erudition, search of the new, creative approach, wit, developed thinking. Forms of linguistic humour have been considered. They are – etymological myths, scientific parodies, linguistic puns, comic memoires, jokes.

**Key words:** carnival culture, joke, joking linguist, linguistic humour, sense of humour, wit, witticism.

## 1. Введение

Высказанная Софоклом много веков назад мысль «Много чудес есть на свете, но человек из них – самый чудесный», сегодня не потеряла своей актуальности. Феномен Лингвиста-хохмящего рассматривается как функция человеческой души, которая раскрывается в смеховом порыве. **Целью** работы является осмысление проблем, связанных с языковой личностью шутящего лингвиста, что дает мощный толчок для **теоретических размышлений**, добавляя к ним ценную **фактологическую основу**, ведь Его творчество как юмориста – это новаторское, интеллектуальное искусство в карнавальной культуре современного общества.

**Актуальность** статьи обеспечивает **объект** исследования – лингвистический юмор ученых-языковедов, являющихся остроумными субъектами – создателями комических текстов, лингвостилистическая палитра которых (**предмет изучения**) отличается разнообразием языковых средств употребления. Языковая личность лингвиста-шутника рассматривается **впервые**. В ней выявляется интеллектуальное остроумие, эрудиция авторов-создателей шуток, умение подметить противоречия, обнаружить истину в парадоксе, необычайная самокритичность, *креативность*, которая часто основывается на когнитивном механизме инконгруэнтности. Как отмечает В.И. Карасик, одной из характеристик креативного дискурса является парадоксальность, неожиданность выводов. Нельзя не отметить в этой связи еще один момент креативности мышления: оно даёт участникам коммуникации неповторимое чувство интеллектуальной радости [Карасик 2010: 13–14]. Креативность свойственна повседневному общению. На основе повседневности возникает самая распространенная форма креативности – игра [там же: 17]. О.К. Ирисханова рассматривает языковое творчество как «континуум разнообразных нововведений» [Ирисханова 2009: 168].

## 2. Особенности карнавального диалогизма

Вопрос о диалогичности *слова* является главной особенностью карнавального диалогизма, в котором содержится огромный комический потенциал, позволяющий говорить о специфике его роли и места в карнавальном сознании *индивида*. В исторической перспективе карнавальный диалог как способ бытия людей постоянно меняется, наполняется новым содержанием и новыми формами, о которых писал М.М. Бахтин. И – это способность к шутливости великих писателей и ученых, у которых карнавальность может рассматриваться как отдельный творческий метод автора, как определенное видение действительности. В.Гете писал о значении разума, анализа и творческой деятельности того, кто создает произведение [Гете 1936: 11–14], т.е. подчеркивал значение рационального момента для возникновения новации в искусстве, в частности, в творчестве. В работе «Леонардо да Винчи» З. Фрейд акцентировал внимание на проблеме «раздвоения» личности. В ней присутствует творец и ученый (выделено нами. – В.С.) с их специфическими способами мышления [Левчук 2002: 163]. Такая раздвоенность не мешает, а способствует лингвисту-юмористу создавать интересные комические произведения.

Диалогический принцип в карнавальном дискурсе юмора предполагает диалектическое взаимодействие и интерпретацию комического «действия» как фундаментального основания подлинных человеческих взаимоотношений [Самохина 2015: 123]. Карнавальная модель мира – это особое мироощущение, ее смеховые варианты развиваются диалектически – от «классических» средневековых праздничных карнавальных шествий, масленичных, пасхальных и прочих праздников – до современных эстрадных представлений, стендап-комедий, юмористических ток-шоу, кухонных посиделок с анекдотами и песнями, интернет-«скоморошество», блогов-стёбов, организованных на начале смеха, «мира наизнанку», где действительность подана в обратном, смеховом порядке и противопоставлена серьезной норме. Поэтому современный карнавал перестал быть временным. Это – постоянный

процесс присутствия карнавальных элементов в культуре, искусстве и человеческой природе. Одна из форм карнавала – письменная – это его художественная переработка и интерпретация в авторском контексте смеховой культуры, где автор использует «механизм карнавальности»: карнавальные темы, сюжеты, образы, индивидуальный комический стиль. Карнавальная личность – вечно незавершенная, пребывающая в непрерывном становлении, имеющая еще и скрытые возможности. «Главное, что отличает карнавальную личность – это карнавальное мировосприятие с формами бытового смеха, который может быть непричастен к искусству» [Семенова 2013: 149–158].

В развитии философии диалога М.М. Бахтин выделяет так называемый «карнавализованный диалог», который интерпретируется как «двухголосовое слово» и «мир как спектакль» [Бахтин 1965]. Этот диалог-карнавал он отмечает у *писателей и ученых*: «Вокруг каждого великого писателя создаются народные карнавальные легенды, переряживающие его в шута» [Бахтин 2000: 259]. Так, Пушкина эти легенды превращали в придворного шута Балакирева. Существует даже карнавальный Данте [там же: 259–260]. Силою своей фантазии Гейне, подобно Аристофану, выворачивает мир наизнанку, смешивает границы логичного с нелогичным [там же: 261]. Роль оксюморных словосочетаний (однопланых и двупланых) в поэзии Гейне [там же: 262]. В предисловии к «Германии» Гейне говорит, что «звон погремушек юмора» кое-где сглаживает серьезные тона» [там же]. Исключительная любовь Галилея к комическому, притом к гротескному. Особенно он ценил Франческо Берни и Руццанте (Анджело Беалько). Комические хвалы Берни (блазоны), создавшие целую школу, представители которой прославляли сифилис, штаны, слюну, различные блюда (колбасу) и овощи. Сам Берни прославил чуму (болезнь). Подражая Берни, Галилей сочинил в 1589 году шуточное стихотворение на тему о тоге (профессорской). Руццанте – автор деревенских комедий. В 1604 году Галилей вместе со Спинелли написал в стиле Руццанте диалог о новой звезде (беседа двух пастухов). Высмеивание схоластических противников и изложение в шаржированном виде только еще зарождающихся идей Коперника [там же: 263].

### 2.1. Лингвист-шутник в маске комика

*Языковая личность* – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью [Караулов 1987]. Языковые личности противопоставляются по аспектам коммуникативной компетентности (уровни, по Г.И. Богину). Вслед за Г.И. Богиним выделяются люди с низким, средним и высоким уровнями языковой компетенции. В качестве критериев такой компетенции выступают богатство или бедность вокабуляра, владение разными жанрами и стилями речи, умение планировать свою речь [Богин 1984]. *Личность ученого* непосредственно связывается с его опытом/социализацией, освоением новой информации, творческим подходом, расширением кругозора, постоянным процессом познания, прогрессом в усвоении знаний, что позволяет говорить о проблеме активности интеллектуального субъекта как субстанциональной основе деятельности. Современная (модерная) личность отличается открытостью к экспериментам, инновациями, индивидуализацией как способом адаптации к обстоятельствам, готовностью к мобильности и др. [Маховская 2010: 28–29].

Согласно словарю С.И. Ожегова, *лингвист* – это специалист по лингвистике, языковед. В силу своего образования и места работы (вуз), лингвист является ученым, нередко *остроумной* языковой личностью, которой присуща парадоксальность, игра смысловых ассоциаций, выражающаяся вербализацией идеи. Это не означает, однако, что каждый лингвист-ученый является остроумной языковой личностью [Ожегов 1992: 804]. Д. Викберг отмечает, что в XX в., «желая пояснить, что означает «иметь чувство юмора», по большей

части отталкивались от того, что означает «не иметь чувства юмора». Если говорили, что у кого-то нет чувства юмора, то имели в виду, что этот человек чрезмерно серьезный, фанатичный или эгоистичный, упрямый, ярый сторонник крайних взглядов. Отсутствие чувства юмора рассматривалось как характерная особенность некоторых форм психических заболеваний (особенно шизофрении), указывающая на неуравновешенность и паранойю [цит. по: Мартин 2009: 46].

Лингвистически релевантные типы языковых личностей противопоставляются на основании критерия уровня языковой культуры. В саратовской лингвистической школе принято говорить об *элитарных языковых личностях* [Сиротинина 1974]. Выделяются элитарные и массовые (обычные) языковые личности. Важно подчеркнуть, что элитарная языковая личность характеризуется не только богатством вокабуляра, владением сложными вторичными жанрами речи (по М.М. Бахтину), но и высоким уровнем образованности. В развитие этой позиции можно противопоставить два типа элитарных языковых личностей – творцов и экспертов. К первым относятся писатели, ученые, публицисты, мастерски использующие язык как средство воздействия, ко вторым – редакторы, педагогическое словоесники, лексикографы, люди с высоким языковым вкусом и тонким чутьем. Языковой вкус, по-видимому, является врожденной характеристикой человека, хотя может быть развит до приемлемой степени у всех людей с высоким уровнем языковой креативности [цит. по: Карасик, Ярмахова 2006: 29].

Филологи-хохмачи подразделяются на четыре группы: те, которые: а) сами сочиняют юмористические произведения (Ю.А. Зацный, А.М. Калюта, Л.Е. Кройчик, И.А. Мельчук, И.А. Стернин, Ю.А. Левицкий, В.Г. Гак, А.К. Жолковский, А.К. Киклевич); б) собирают шутки или публикуют их в сборниках (Ю.Б. Боров, Г.Г. Почепцов, А.Н. Приходько, Л.Л. Столович); в) анализируют юмор в виде многочисленных шуток в своих научных работах (И.К. Кобякова, В.И. Карасик, В.И. Шаховский, А.Э. Левицкий, А.А. Сычев, С.А. Швачко, Ю.Б. Норман, О.В. Харченко, Т. Огард, В.А. Самохина); г) «творят» спонтанные шутки (Е.А. Кравченкова, Ю.В. Роговнева, Н.К. Рязанова).

Л.Л. Столович в разделе «Смех и мудрость» отмечает, что библейская Премудрость Божия на иврите обозначается словом *hochmbh*, хохма. Библейская Хохма – Мудрость соответствует греческому понятию Софии (мудрость по-гречески), осмысленной мистической философией [Столович 1999: 244]. В.С. Соловьев писал, что «в канонической книге «Притчей Соломоновых» мы встречаем развитие этой идеи Софии (под соответствующим еврейским названием Хохма)» [Соловьёв 1989: 109]. Может возникнуть вопрос: какое это имеет отношение к тому, что сейчас называют *хохмой*? Разве того, кого именуют *хохмачом*, можно считать мудрецом? [Столович 1999: 224]

И всё же в том, что вошедшее в русский язык слово «хохма» (в современном «Словаре русского языка» это слово характеризуется как «остроумная весёлая шутка, что-либо очень смешное»; наверное, русификации «хохмы» содействовало её созвучие со словом «хохотать») по своему происхождению связано с библейской *Хохмой* на иврите, есть свой смысл. В каждой шутке, говорят, есть доля шутки. Другой долей может быть глупость или мудрость. В каждой хорошей шутке есть доля мудрости. Юмор – веселый сын Мудрости [там же]. В этой связи важно отметить, что и в природу библейской *Хохмы-Премудрости* включено «веселье». В Библии в её уста вложены такие слова: «... Я была при Нём [Боге] художницею, и была *радостью* всякий день, *веселясь* пред лицом Его во всё время, / *Веселясь* на Земном кругу Его, и *радость* моя была с сынами человеческими» (Книга Притч 8:30-31).

Лингвист-хохмящий надевает «маску комика», и его первое «Я» отодвигается на второй план, а его второе «Я» демонстрирует возможность играть с адресатом в комические языковые игры, основным принципом которых является нарушение норм. При этом Лингвист-юморист имеет безусловный запас лингвистических знаний, остроумия

и неисчерпаемой креативности. Его творения базируются на творчестве как мастерстве, имеющем воздействующую основу. Это – целевая деятельность, связанная с практикой и активностью, предметом которой часто является интеллектуальный юмор, а средствами его достижения – языковые игры. Целевым результатом комического творчества лингвиста выступает оценка – смеховая реакция адресата на шутку. Игровая стихия, свойственная комическому духу лингвистов-шутников, наделяет их комические тексты всеми формами комического, при этом наблюдаются явные *языковые эксперименты* лингвиста-шутящего. Можно привести остроумные спонтанные «цитаты» преподавателей Российского государственного института русского языка им. А.С. Пушкина: Е.А. Кравченко: *«Если останешься филологом, будет на что жить в старости! Будешь распродавать библиотеку!»* Ю.В. Роговневой: *«Мы потеряли свою наивность, когда пришли на филфак».* *«Какие же это дифтонги, если один из них гласный, а другой – убогий аппроксимант?»* Н.К. Рязанова: *«А где она? – Болеет. – Болеет... Это называется усталостью от высшего образования»* (из Интернета).

## 2.2. Креативность и остроумие ученого-лингвиста

Продуктивность творчества лингвиста-юмориста выражается в выявлении проблемы, которая будет освещена с юмористической точки зрения с помощью вербальных и невербальных образований. Обе формы являются художественно-экспрессивными. Одним из средств создания экспрессивности юмористического текста можно считать недосказанность, подтекст, ассоциативность и, следовательно, установку на восприятие и интерпретацию комического. Выделяя особые черты лингвиста-шутника – творческое начало, остроумие – отметим, что креативность является нешаблонным подходом, для его проявления необходим талант. Поэтому творческое мышление отличается оригинальностью, особенно языковой игрой. Креативность – «способность порождать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации» [Большой психолог. словарь 2009: 119]. Креативность выражается в способности к синтезу, это некая комбинаторная игра, где интеллект не тождествен креативности. Креативная личность – особое личностное качество, позволяющее эффективно заниматься творческой, созидательной, новаторской деятельностью. Под деятельностью понимается формирующая активность человека, которая проявляется в материально-преобразующей общественной практике. Практика включает в себя субъективный момент, она производна от человека, является его проявлением и действительностью [Брандес 1988: 76]. Это – творчески-преобразовательная мыслительная деятельность, конструктивный способ мышления. Креативный лингвист – это: 1) смелый человек, который пробует новое; 2) интуиция плюс логика; 3) отличное чувство юмора; 4) ему интересен сам процесс, а не результат; 5) любит искать новое; 6) всегда в поиске ответов, знаний, идей. Ученый-шутник – это творчество, связанное с образованностью: можно разглядеть проблему под разными углами, увидеть её в парадоксальном, пародийном свете. Его активность как юмориста связана, прежде всего, с индивидуальным, персонифицирующим характером личности, в форме его «голоса».

Неотъемлемая черта лингвиста-шутника – остроумие. Словарь Вебстера так определяет это понятие: “Wit implies intellectual brilliance and quickness of perception combined with a gift for expressing ideas in any entertaining often laughter provoking, pointed way, usually connoting the unexpected or apt turn or idea and often suggesting a certain brittle of unfeelingness [Webster’s Third New International Dictionary 1987: 2625]. Как правило, остроумие присуще человеку, отличающемуся острым умом и чувством юмора, т.е. личности, способной подмечать в окружающих ее явлениях комические стороны, эмоционально на них откликаться и, главное, фиксировать различные противоречия и давать им оценку с комической стороны. Развитое мышление, ироничное отношение и действительности, мгновенная реакция – это далеко не все черты, которыми должен обладать лингвист-юморист, чтобы его можно



было назвать остроумным. Человек с хорошим чувством юмора способен понимать и производить юмор, видеть смешное в ситуациях, людях, диалогах и т. д. Остряк и остролов в этом случае – слова-синонимы: такая личность создает неподражаемые шедевры юмора на основе знания лингвистических техник, литературоведческих теорий, философских обобщений.

Остроумие лингвистов ассоциируется с комизмом, симпатией, благожелательностью, «основанными на интеллекте, юморе, сарказме» [Wickberg 1998], игре слов. Лингвистический юмор отличается необычайным шармом – ведь его творят языковеды. Формы лингвистического юмора – игры в язык и с языком: это и этимологические мифы, и научные пародии (нередко представляющие собой смелое вторжение в пока неизведанные области языкознания), и лингвистические коллажи, и «переводы», и «афоризмы», и каламбуры, и представленные в широком ассортименте стишки [Лингвисты шутят 2009: 5]. Через *языковую игру* реализуются лингвокреативные потенции Homo Loquens, который аргументирует свой юмор различными языковыми формами: *не лыком shit* (межъязыковая омофония); *stupididiot* (опущение одного из двух идущих друг за другом одинаковых слогов); *papuas papuasy – друг, товарищ и корм* (трансформированные пословицы); «Проваливай!» – *буркнул студент экзаменатору* (каламбур); *один мальчик женился на старушке, а когда он умер, ей досталось всё его состояние* (парадоксы); *на ногах ногти, на руках – рукти* (словообразовательное балагурство); *что же Вы так убиваетесь?* (эффект обманутого ожидания) и др. [Шаховский 2008: 354]. Б.Ю. Норман в книге «Игра на гранях языка» отмечает, что «игра для человека – не просто отдых и развлечение, это *интеллектуальная разрядка* (выделено нами – В.С.) и одновременно тренинг: играющий как бы примеряет на себя разные роли и маски, вырабатывает определенные навыки и умения, которые могут ему в жизни пригодиться [Норман 2012: 7].

### 2.3. Лингвистический юмор лингвиста-шутника

У лингвистического юмора есть и другая сторона – он позволяет увидеть нам *известных людей в науке в новом, необычном ракурсе*: они обладают чувством юмора и хорошо развитым интеллектом, творческим мышлением. Их шутки отличаются, кроме юмора, самоироничностью, сатиричностью и остроумием. К особенности юмора лингвистов следует отнести фокусировку адресата не только на понимание шутки, но и её генерацию, более глубокий когнитивный, концептуальный анализ, позволяющий в юмористической, эмоциональной форме получить дополнительные знания о представленной теме. Проф. М.А. Голденков в серии «Живой английский» настолько креативно описал идиомы, что его книжка «Юмор и ирония» сразу же стала бестселлером, а процесс запоминания идиоматических выражений – результативным. Ученым разработаны нетривиальные, инновационные методы, которые успешно внедрены в педагогическую практику: «диалог», который ведет ученый со студентами, имеет активно ответный характер (Приведу пример из книги:

*Irons in the fire n. phr.* – *это вовсе не утюги в огне, а «ковать железо пока горячо», «не отходя от кассы»: Mick had a number if irons in the fire and he kept all of them hot. Это предложение не переводится, как Мик держал несколько утюгов в огне и не давал им остыть (Сразу вспомнился анекдот про Штирлица и девять утюгов на подоконнике – знаке провала явочной квартиры). Это значит, что он взялся за несколько дел и успешно их выполнял. Иносказательно – погнался за тремя зайцами, двух поймал, а третьего загнал на дерево) [Голденков 2005: 49].*

Овладению мастерством общения на английском языке также обучает студентов проф. И.П. Тарасова, которая в качестве пояснений уместно использует шутки как варианты речевых высказываний [Тарасова 1992]:

*К. Паустовский рассказывает, как однажды некий генерал, командовавший захолустным гарнизоном, хотел поприветствовать киргизов на их родном языке. Громовым голосом он гаркнул с высоты разъяренного жеребца, на котором он вылетел на парад:*

*– Здорово, саксаулы!*

*Киргизы испугались. Весь город потом несколько дней помирал от хохота [там же: 37].*

Ученые-шутники часто писали «комические мемуары» – воспоминания о смешных ситуациях, которые происходили с их коллегами-лингвистами. В этой связи уместно привести слова акад. Д.С. Лихачева о том, что хранить память о других – это оставлять добрую память и о себе. Например, Л.Н. Столович приводит следующую байку о Ю.М. Лотмане «Юрий Михайлович шутит»: *Юрий Михайлович Лотман проявил себя в отношении к юмору. Он был необычайно остроумным человеком. Его остроумие было органичным, оно проявлялось в различных ситуациях, подчас отнюдь не веселых. Вместе с тем, в его юморе был заряд удивительного чувства жизни и критического отношения к тому, кто этого заслуживает. Мне посчастливилось знать Юрия Михайловича четыре десятилетия и среди того, что сохранилось в памяти, имеется несколько эпизодов, которые высвечивают его и без того светлую личность с необычной стороны. Впрочем, если бы он услышал о себе словосочетание «светлая личность», он бы не преминул пошутить. К себе он относился тоже шутливо. В его талантливых рисунках преобладают автошаржи. Однажды, придя к нему, я увидел иронический автопортрет, изображенный... повешенным на веревке, другой конец которой был прикреплен через перекладину к большой плите. И надпись: «Повесился на Блоке». Крупнейшая специалистка по творчеству Блока незабвенная Зара Григорьевна Минц, жена Юрия Михайловича, озорно улыбаясь, разводила руками... [Евреи шутят 2009: 325–326].*

Ученые-лингвисты стремятся к юмористическому общению, хотя бы поделить шуткой, не боясь потерять репутацию. Примером может служить следующий лимерик:

*«Известный лингвист из Америки*

*Для хохмы собрал все лимэрики.*

*Он охал, стонал и так хохотал,*

*Что смерч разразился в Америке».*

Юмор в лингвистике необходим, чтобы в речи увидеть язык, поэтому не случайно язык и является главным персонажем многих юмористических произведений ученых-лингвистов. В большей части профессиональных шуток юмор основан на различных – синтаксических, ситуационных и омонимических – вариациях. По мнению Р. Коссера, «функции шуток, отграничивающих специфическую сферу деятельности от обыденной жизни, аналогичны функциям этнического юмора; углубляя процесс самоидентификации, социальная группа отделяет себя от других групп. Подобно тому, как представители средневековых цехов узнавали друг друга по определенным условным знакам и жестам, современные профессионалы узнают друг друга, в том числе, и по специфическим шуткам [Coser 1960: 81]. Так, Ю.Б. Борев, специалист по комическому, был собирателем анекдотов, отличавшихся историческими фактами с остроумными концовками: *В Союзе писателей за пьянство прорабатывают молодого поэта. Он оправдывается:*

*– Толстой пил, Достоевский пил, Некрасов пил, Моцарт пил...*

*Кто-то интересуется:*

*– А что пил Моцарт?*

*Светлов отвечает:*

*– А что ему Сальери наливал, то и пил [Борев 1996].*

Понятие «лингвисты шутят» можно считать формой карнавальской традиции, в основе которой – очеловеченность, направленность на персону, которая вступает в коммуникацию, становясь одной из сторон диалога. Человек – объект смеха, в котором присутствует критическое начало. Лингвисты и литераторы более, чем кто-либо другой способны

«преподнести» шарм шутки, ибо обладают художественными приемами и способностью к творческой деятельности, предоставляя адресатам эмоционально-развлекательные тексты. Проф. В.В. Мартынов сочинял лингвистические анекдоты. Вот некоторые из них: *«Собрались родственники умирающего в ожидании телеграммы. Терпение их постепенно истощается, и они первыми посылают телеграмму: «Он уже умер?» В ответ приходит телеграмма: «Уже нет» [Лингвисты шутят 2009: 81]. Или: Английское выражение “Out of sight, out of mind”, соответствующее русскому «С глаз долой, из сердца вон», переводится автоматически (с помощью компьютера) на русский язык, а затем осуществляется обратный перевод. В результате получаем: «Blind idiot – Слепой идиот» [там же].*

В юморе лингвистов отсутствует скучный академизм. Это – образцы остроумных курьезов, казусов, шуток из жизни самих ученых и их коллег. В яркой афористической форме доносят реципиенту далеко не всегда простые истины. Поражает эрудиция этих людей, которые в парадоксальной форме освещают проблемы, которые их волнуют и несут на себе отпечаток личности автора, представляя собой своеобразный юмористический, иронический, саркастический идиодискурс отдельной интеллектуальной личности. Примером может служить уникальная книга проф. Ю.А. Зацного «Из жизни выдающихся людей: были, легенды, анекдоты, мысли»: 1) О Шекспире: *«Пропал Шекспир для многих поневоле, коль задавали его в школе»;* 2) О Диогене: *– Видать дошел чудака до точки, коль жизнь провел он в винной бочке. – Нет, он разумным был вполне. – Он знал, что истина в вине [Зацный 2014: 24];* 3) О Людовике XIV, французском короле: *Его, вдобавок, в стихоплетство занесло. – Он показал плоды поэту Буало. «Вы доказали, сир, уже в который раз: Нет невозможного чего-нибудь для вас: Стихи плохие захотела ваша милость. – И как у вас чудесно получилось!» [там же: 112]*

Профессиональный юмор объединяет людей, связанных с различными проблемами, в том числе с проблемами изучения языка. Этот юмор будет понятен специалистам. Обыгрывание профессионального стиля ученого, пародийность, гротесковость является одной из сторон его лингвистического юмора. Лингвист – это личность пишущая, которой присущи следующие *дискурсивные характеристики*: интеллектуальность, творчество, эмоциональность, высокий уровень самооценки, стремление развлечь, рассмешить. Следует заметить, в списке лингвистов-юмористов – исключительно мужчины среднего возраста, имеющие большой профессиональный и социальный опыт и тенденцию к использованию всех видов комического.

Неожиданность и новизна – важные компоненты юмора [Самохина 2012: 70]., который предполагает изменение точки зрения, новый взгляд на вещи [Мартин 2009: 130]. Б.Ю. Норман создал уникальный «Энтимологический словарь» шуточных псевдотолкований: *Графин – муж графини, а муж мухи – мухомор?* [Норман 2012: 292]. Языковой карнавал высмеивается и в удачно подобранных шутках-играх профессора А.Н. Приходько: *«Дипломат – два раза подумает перед тем, как ничего не сказать; Интеллигент – человек, думающий о людях лучше, чем они о нем; Животное – не такая скотина, как человек; Пареная репа – голова после сауны; Холостяк – мужчина, которому удалось не найти жену».* Или анекдот: *Привоз. По рядам ходит мужчина с бумажкой. – Мужчина, вы забыли купить лук! – Но у меня лук не записан. – Так идите до меня, я вам допишу!* (из переписки по e-mail). Инконгруэнтность, которая обычно вызывает юмор, нарушение языковых норм касается в шутках филологов забавных высказываний или действий людей: *«Хоть смеялся я громче всех, но от смеха под парту съехал, потому что бесшумный смех – самый сильный из всех смехов» (О. Григорьев [цит. по: Береговская 2009: 72]).*

Шутка как вид комического занимает особое место в творчестве лингвистов-шутников. Она – проста, незатейлива, краткая, а, главное, поучающая и развлекающая. Все знакомы с экстравагантными лингвистическими эмотивными образованиями вроде истории о «глокой куздре» академика Л.В. Щербы или «пуськах бятых» Л. Петрушевской. Л.В. Щерба

предложил студентам разобрать следующее предложение по частям речи: «Глокая куздра штеко будланула бокра и куздрычит бокрѣнка». Помимо «грамматической» направленности данного предложения, оно подано в форме комической языковой игры, выраженной абсурдной вымышленной лексикой. Л. Кэрролл, которого можно причислить к рангу замечательных лингвистов, писал также про «*slithy toves*» и «*colorless green ideas sleep furiously*». Проезжая по России, Л. Кэрролл записал русское слово «защипцающихся» (those who protect themselves, как он пометил в дневнике). «Английскими буквами вид этого слова вызывает ужас... *Zashtsheeshtshayoyshtsheekhysya*. Ни один англичанин или американец это слово произнести не в состоянии», – отмечает автор.

#### 2.4. Дискурсивные характеристики шутящего лингвиста

Характерной чертой юмора лингвистов является самораскрытие. Каждый из них предстает как уникальная комическая личность, представляющая *свой* неповторимый арсенал стилистических приемов для создания комической ситуации. Проф. А. М. Калюта придумал языковые игры с именами собственными: *Член французского правительства Жаль Враньё; югослав Радибога Заспасибович; китаец Лень Встао; африканец Мбаб Намб Мбы; вьетнамец Нгуен Вряд Ли; чехи пан Выкакал и пани Взбздичкова* [Лингвисты шутят 2009: 131–132].

Представление о юморе как о когнитивной игре может обеспечить концептуальные рамки для размышлений о взаимодействии когнитивных, эмоциональных и социальных элементов. Когда мы участвуем в юморе, мы играем с языком и идеями (схемами, сценариями) почти так же, как дети (и взрослые) играют с физическими объектами, исследуя новые и необычные способы их использования и наслаждаясь ими [см. подр. Мартин 2009: 138]. Р.Г. Ткаченко (Муха) (доцент кафедры английской филологии ХНУ имени В. Н. Каразина) имела «редкий дар извлекать смех из самых простых и, казалось бы, давно знакомых слов» (Вл. Лазарис). В. Шендерович отмечал: «У Ренаты – свежий взгляд на мир и детская радость от хорошего звукоизвлечения»:

1) *Бывают в жизни чудеса –*

*ужа ужалила оса,  
ужалила его в живот,  
ужу ужасно больно.*

*Вот.*

2) *Жили в одном коридоре Калоши. Правый дырявый и левый хороший.*

Отметив лингвистический талант Р. Мухи, Б. Заходер написал: «Рената, пожалуйста, относитесь серьезнее к тому, что Вы делаете – оно этого вполне заслуживает». Юмористическое несоответствие рассматривается как проявление этой игры с идеями, где слова и понятия используются неожиданными, необычными и нелепыми способами, активизируя схемы, с которыми они обычно не связаны. Игровое использование нескольких когнитивных схем называется «синергией» [Apter 1982]. В этой деятельности есть что-то в своей основе приятное, когда мы находимся в игривом, несерьезном настроении. Это способ творческой игры с когнитивными механизмами, которые мы обычно используем в «более серьезных» контекстах для осмысления окружающего мира: Ср. «Стихи о плохой погоде» Ренаты Мухи:

*Часть 1.*

*Стояла плохая погода,  
На улице было сыро.  
Шел человек по городу  
И ел бутерброд без сыра.*

*Часть 2.*

*Стояла плохая погода,*

*На небе луна погасла.  
Шел человек по городу  
И ел бутерброд без масла.*

*Часть 3.*

*Стояла плохая погода,  
Сердито хмурилось небо.  
Шел человек по городу  
И ел бутерброд без хлеба.*

Проф. А.М. Калюта представил «Современные японские хокку»: 1) *Мне передали: «Декан вызывает тебя». Видно, скучает».* 2) *«Около ГУМа барыга Сакуру мне предлагал, йены прося. Где взять?»* 3) *«Ласковый сын в разговоре Мать поминает японскую. Блин».* 4) *«Что-то на клев плоховато реагирует мой поплавок. Видно, цунами мешают»* [Лингвисты шутят 2009: 127–128].

Проф. И.А. Мельчук в «Супплетивологических этюдах об одном лексикоитонематическом казусе в современном французском» приводит эпизод с профессором А. Реформатским: *«Кстати сказать, в свете вышеизложенных соображений приходится пересмотреть следующую любимую загадку-шутку, которую А. Р. неоднократно предлагал своим ученикам, сотрудникам и коллегам. Некто посылает из командировки домой такую телеграмму: «Шесть щек целую толстого кота». Что это значит? Ответ: Сначала текст переводится на французский, что дает “Six joues baise gros chat” или в русской транскрипции, «Си жу бэз гро ша»; затем все это понимается по-русски: «Сижу без гроша». Здесь, однако, есть, как теперь ясно, существенная неточность: соответствие «целую – baise». Необходимая замена в русском тексте загадки привела бы к его нецензурности; что делать? (вопрос, который уже задавался, по крайней мере, дважды...). Эта увлекательная проблема все еще ждет своего исследователя»* [там же: 42].

### 3. Выводы

Можно утверждать, что способность шутить является формой творческой одаренности Linguisticus-шутника. Поданные в доступной, интересной форме рассуждения о новейших достижениях различных наук, грамотно представленная терминология, обилие запоминающихся примеров способны дать адресату в изучаемой сфере большое количество материала для размышления и сопоставления данных, поддержать его в поисках истины [Сычев 2004: 3].

Юмор, по мнению Ж. Липовецки, «не позволяет индивиду слишком серьезно относиться к себе... Юмор устраняет причины трений, в то же время утверждает индивидуальную оригинальность» [Липовецки 2001: 210]. Интеллектуальное остроумие и юмор ученых-лингвистов расширяет кругозор человека, повышает общую культуру – это диалогичный и полифоничный феномен, это понимание культурных ценностей, традиций всего того, что имеется в обществе. Homo Lingualis применяет лингвистические приемы, комические жанры, типы комического, освещая различные стороны человеческой жизни, модели поведения, типы личности. Язык лингвиста-хохмящего – постоянное творчество, изощренность мысли, выражение самосознания ученого. Это – изобретательность в нахождении удачных, ярких, красочных или смешных выражений. Лингвист не только описывает общество, но и дает ему оценку, важную для понимания сущности социокультурных процессов и карнавального начала смеха. Можно с уверенностью сказать, что креативность ученых является важным фактором человеческого прогресса.

Концептуальное ядро заявленной темы может служить основой для **дальнейших изысканий** в области данной проблематики.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М. : Худ. лит., 1965. – 527 с.
2. Бахтин М.М. Эпос и роман / М.М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 304 с.
3. Береговская Э.М. Стилистика в подробностях / Э.М. Береговская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
4. Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Г.И. Богин. – Л., 1984. – 36 с.
5. Большой психологический словарь / Под. ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М. : СПб, 2009. – 816 с.
6. Боров Ю.Б. Из жизни звезд и метеоритов. Предания, анекдоты, занятные истории из жизни знаменитых актеров, писателей, спортсменов и политиков XX века / Ю.Б. Боров. – М. : Рипол, 1996. – 551 с.
7. Брандес М.П. Стиль и перевод (на материале немецкого языка) : учеб. пособие / М.П. Брандес. – М. : Высш. школа, 1988. – 127 с.
8. Гете В. Статьи и мысли об искусстве / В. Гете. – М. : Искусство, 1936. – 576 с.
9. Голденков М.А. Юмор и иронии / М.А. Голденков. – М. : ЧеРо, 2005. – 208 с.
10. Евреи шутят. Еврейские анекдоты, остроты и афоризмы, собранные Леонидом Столовичем. – [5-е изд.]. – Тарту – СПб, 2009. – 336 с.
11. Зацный Ю.А. Из жизни выдающихся людей: легенды, анекдоты и были / Ю.А. Зацный. – Запорожье : Запорож. нац. ун-т, 2014. – 248 с.
12. Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний / О.К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка. – Вып. V: Исследования познавательных процессов в языке : сб. науч. тр. – М. : Институт языкознания РАН; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 158–171.
13. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «английский чужак» / В.И. Карасик, Е.А. Ярмахова. – М. : Гнозис, 2006. – 240 с.
14. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2010. – 350 с.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 246 с.
16. Левчук Л.Т. Психоаналіз: історія, теорія, мистецька практика : навч. посібник / Л.Т. Левчук. – К. : Либідь, 2002. – 255 с.
17. Лингвисты шутят / [сост. А.К. Киклевич]. – [2-е изд.]. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 216 с.
18. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. – М. : Прогресс, 2001. – 330 с.
19. Мартин Р. Психология юмора / Р. Мартин ; пер. с англ. под ред. Л.В. Куликова. – СПб. : Питер, 2009. [Серия «Мастера психологии»] – 408 с.
20. Маховская О.И. Коммуникативный опыт личности / О.И. Маховская. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 253 с.
21. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – [2-е изд.]. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 344 с.
22. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т русс. языка им В.В. Виноградова. – [4-е изд., доп.]. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
23. Самохина В.А. Карнавальний діалог(изм) / В.А. Самохина // Шостий міжнар. наук. форум. Сучасна англїстика : До 85-річчя кафедри англійської філології : тези доп. ; за ред. В.О. Самохіної. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – С. 123–125.

24. Самохіна В.О. Жарт у сучасному комунікативному просторі Великої Британії та США : монографія / В.О. Самохіна. – [Вид. 2-е, перероб. і доп.]. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 360 с.
25. Семёнова Е.А. Актуализация карнавальных процессов в период кризиса культуры (на примере субкультуры студенчества) / Е.А. Семёнова // Проблемы современного образования. – № 5, 2013. – С. 149–158.
26. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности / О.Б. Сиротинина. – М. : Просвещение, 1974. – 144 с.
27. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах / В.С. Соловьев. – Т. 2. – М. : Правда, 1989. – 607 с.
28. Столович Л. Философия. Эстетика. Смех / Л. Столович. – СПб. : Тарту, 1999. – 384 с.
29. Сычев А.А. Смех как социокультурный феномен : дис. ... доктора филол. наук : 7.400.01 / А.А. Сычев. – Саранск, 2004. – 362 с.
30. Тарасова И.П. Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез : пособие по самообразованию. – М. : Высш. школа, 1992. – 175 с.
31. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций : монография / В.И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.
32. Apter M.J. The Experience of Motivation: The Theory of Psychological Reversals / M.J. Apter. – London : Academic Press, 1982. – 267 p.
33. Coser R.L. Laughter among colleagues. *Psychiatry* / R.L. Coser. – 1960. – №23. – P. 81–95.
34. Webster's Third New Dictionary. – Springfield, Mass. : Merriam, 1986. – 2662 p.
35. Wickberg D. The senses of humour: Self & laughter in modern America / D. Wickberg. – Ithaca, NY : Cornell University Press, 1998. – 416 p.

## REFERENCES

- Apter, M.J. (1982). *The Experience of Motivation: The Theory of Psychological reversals*. London: Academic Press.
- Bahtin, M.M. (1965). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Srednevekov'ja i Rennsansa [Work of François Rabelais and folk culture of Middle Ages and Renaissance]*. Moscow: Hud. lit. Publ.
- Bahtin, M.M. (2000). *Jepos i roman [Epos and novel]*. St. Petersburg: Azbuka Publ.
- Beregovskaja, Je.M. (2009). *Stilistika v podrobnostjah [Stylistics in detail]*. Moscow: «LIBROKOM» Publ.
- Bogin, G.I. (1984). *Model' jazykovej lichnosti v ejo otnoshenii k raznovidnostjam tekstov. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Model of language personality in its relation to heterogeneity of texts. Dr. philol. sci. diss. synopsis]*. Lviv (in Russian).
- Meshherjakov, B.G., and Zinchenko, V.P. (Eds.). (2009). *Bol'shoj psihologicheskij slovar' [Big psychological dictionary]*. Moscow: Biblio Publ.
- Borev, Ju.B. (1996). *Iz zhizni zvezd i meteoritov. Predanija, anekdoty, zanjatnye istorii iz zhizni znamenityh akterov, pisatelej, sportsmenov i politikov XX veka [From the life of stars and meteors. Legends, anecdotes, amusing stories from the life of famous actors, writers, sportsmen and politicians of the XX century]*. Moscow: «Ripol» Publ.
- Brandes, M.P. (1988). *Stil' i perevod (na mat-le nemeckogo jazyka) [Style and translation (based on the German language)]*. Moscow: Vyssh. shk. Publ.
- Coser, R.L. (1960). Laughter among colleagues. *Psychiatry*, 23, 81–95.
- Stolovich L.N. (2009). *Evrei shutjat. Evrejskie anekdoty, ostroty i aforizmy, sobrannye Leonidom Stolovichem [Jews joke. Jewish anecdotes, witticisms and aphorisms collected by Leonid Stolovich]*. St. Petersburg: Tartu Publ.
- Gete, V. (1936). *Stat'i i mysli ob iskusstve [Articles and thoughts about art]*. Moscow: Iskusstvo Publ.
- Goldenkov, M.A. (2005). *Jumor i ironija [Humour and irony]*. Moscow: CheRo Publ.

- Irishanova, O.K. (2009). O ponjatii kreativnosti i ego roli v metajazyke lingvisticheskikh opisaniy [About the notion of creativity and its role in the metalanguage of linguistic descriptions]. In: E.S. Kubrjakova (Ed.). *Issledovanija poznavatel'nyh processov v jazyke: Sb. nauch. tr. [Studies of cognitive processes in language: a collection of scientific works]* (pp. 158–171). Moscow: Institute of linguistics RAN; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina Publ.
- Karasik, V.I. (2010). *Jazykovaja kristallizacija smysla [Language crystallization of sense]*. Moscow: Gnozis Publ.
- Karasik, V.I., and Jarmahova, E.A. (2006). *Lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij chudak» [Linguistic-cultural type “English odd fellow”]*. Moscow: Gnozis Publ.
- Karaulov, Ju.N. (1987). *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and language personality]*. Moscow: Nauka Publ.
- Levchuk, L.T. (2002). *Psihoanaliz: istorija, teorija, mistec'ka praktika [Psychoanalysis: history, theory, artistic practice]*. Kyiv: Lybid' Publ.
- Kiklevich, A.K. (Ed.). (2009). *Lingvisty shutjat [Linguists joke]*. Moscow: Flinta: Nauka Publ.
- Lipovecki, Zh. (2001). *Jera pustoty. Jesse o sovremennom individualizme [Epoch of emptiness. Essays on modern individualism]*. Moscow: Progress Publ.
- Mahovskaja, O.I. (2010). *Kommunikativnyj opyt lichnosti [Communicative experience of a personality]*. Moscow: «Institut psihologii RAN» Publ.
- Martin, R. (2009). *Psihologija jumora [Psychology of humour]*. St. Petersburg: Piter Publ.
- Norman, B.Ju. (2012). *Igra na granjah jazyka [Game on the language verges]*. Moscow: Flinta: Nauka Publ.
- Ozhegov, S.I., and Shvedova, N.Ju. (1992). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Russian Language Explanatory dictionary]*. Moscow: Az Publ.
- Samokhina, V.O. (2015). Karnaval'nyj dialog(izm) [Carnival dialog(ism)]. *Shostij mizhnar. nauk. forum. Suchasna anglistika: Do 85-richchja kaf. angl. fil. Tezy dop. [Proc. 6<sup>th</sup> International Sci. Forum. Modern English Studies: On the occasion of the 85<sup>th</sup> Anniv. of the Dep. Of Eng. Phil.]*. Kharkiv, 123–125.
- Samokhina, V.O. (2012). *Zhart u suchasnomu komichnomu prostori Velikoji Britaniji ta SShA [Joke in the modern comic space of the Great Britain and the USA]*. Kharkiv: V.N. Karazin Kharkiv National University Publ.
- Semjonova, E.A. (2013). Aktualizacija karnaval'nyh processov v period krizisa kul'tury / na primere subkul'tury studenchestva [Actualization of carnival processes in the period of the crisis of a culture / case-study of the student subculture]. *Problemy sovremennogo obrazovanija. – Issues in Modern Education*, 5, 149–158 (in Russian).
- Shahovskij, V.I. (2008). *Lingvisticheskaja teorija jemocij [Linguistic theory of emotion]*. Moscow: Gnozija Publ.
- Sirotinina, O.B. (1974). *Sovremennaja razgovornaja rech' i ee osobennosti [Modern colloquial speech and its specific features]*. Moscow: Prosveshhenie Publ.
- Solov'ev, V.S. (1989). *Sochinenija v 2-h tomah [Works in 2 volumes]* (Vol. 2). Moscow: Pravda Publ.
- Stolovich, L. (1999). *Filosofija. Jestetika. Smeh. [Philosophy. Esthetics. Laughter]*. St. Petersburg: Tartu Publ.
- Sychev, A.A. (2004). *Smeh kak sociokul'turnyj fenomen. Dis. dokt. filol. nauk [Laughter as a social-cultural phenomenon. Dr. philol. sci. diss.]*. Saransk (in Russian).
- Tarasova, I.P. (1992). *Rechevoje obshchenije, tolkujemoje s jumorom, no vs'er'jes [Speech communication interpreted with humour but seriously]*. Moscow: Vyssh. Shk. Publ.
- Webster's Third New Dictionary*. (1986). Springfield, Mass.: Merriam.
- Wickberg, D. (1998). *The senses of humour: Self & laughter in modern America*. Ithaca, NY: Cornell University Press.



Zacnyj, Ju.A. (2014). *Iz zhizni vydajushhihsja ljudej: legendy, anekdoty i byli [From the life of outstanding people: legends, anecdotes and true stories]*. Zaporozh'e: Zaporozh'e National University Publ.

**Самохина Виктория Афанасьевна** – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: 57vic@mail.ru

**Samokhina Victoria Afanasyevna** – doctor of philological sciences, professor, head of the English Philology Chair, V.N. Karazin Kharkiv National University (Maidan Svobody, 4, Kharkiv, 61022, Ukraine); e-mail: 57vic@mail.ru

УДК 81'42'22

## МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

И.А. Стернин (Воронеж, Россия)

**И.А. Стернин. Мифологические лингвистические концепты в обыденном языковом сознании.** В статье рассматриваются некоторые лингвистические мифы, получившие распространение в обыденном сознании, и проблема их выявления. Показывается, что в последнее время в силу ряда социальных причин получает все более широкое распространение «любительский подход» к лингвистическим фактам, которые, претендуя на научность, искажают реальные научные представления о языке и формируют в обыденном сознании искаженные представления о происходящих в современном языке процессах. В связи с этим важно различать научно установленные факты и мифологические представления о языке в обыденном сознании.

**Ключевые слова:** лингвистика, мифология, научное сознание, стереотип, языковое сознание.

**І.А. Стернин. Міфологічні лінгвістичні концепти в повсякденній мовній свідомості.** У статті розглядаються деякі лінгвістичні міфи, поширені в повсякденній свідомості, і проблема їх виявлення. Демонструється, що останнім часом у силу ряду соціальних причин отримує все більш широке поширення «аматорський підхід» до лінгвістичних фактів, які, претендуючи на науковість, спотворюють реальні наукові уявлення про мову і формують в повсякденній свідомості спотворені уявлення про процеси, що відбуваються в сучасній мові. У зв'язку з цим важливо розрізняти науково встановлені факти і міфологічні уявлення про мову в повсякденній свідомості.

**Ключові слова:** лінгвістика, міфологія, наукова свідомість, стереотип, мовна свідомість.

**I.A. Sternin. Mythological concepts in everyday linguistic consciousness:** The article analyses some linguistic myths extended in everyday consciousness as well as the issue of their detection. Recently, due to some social reasons an “amateur’s approach” to linguistic facts is widely used, which though claiming its scientific nature, deviates from real scientific underpinnings of language analysis and affect everyday consciousness forming distorted ideas of the current processes in the Russian language. This stipulates the necessity to differentiate scientific facts and mythological ideas of language in everyday consciousness.

**Key words:** everyday consciousness, linguistics, mythology, scientific consciousness, stereotype.

### 1. Введение

Обсуждение вопроса лингвистической мифологии выводит нас, прежде всего, на **актуальную** проблему существования в сознании людей мифологических концептов – типа *кентавр, русалка, леший, баба-яга* и под., существующих в сознании, но не представленных реальными явлениями в объективной действительности.

В числе мифологических концептов есть определенное количество *лингвистических* мифологических концептов и стереотипов, то есть концептов и стереотипов, отражающих мифологические лингвистические представления носителей обыденного сознания, их бытовое *представление* о языке, особенностях и закономерностях его функционирования.

**Объектом** исследования в статье выступают мифологические лингвистические концепты и стереотипы в обыденном языковом сознании в том виде, в котором они формируются в результате рефлексии бытового сознания над языком.

К таким мифологическим лингвистическим концептам в русском обыденном языковом сознании, по нашему мнению, могут быть отнесены *чистота языка, порча языка, регресс (деградация) языка, прогресс языка, засорение языка, удобство языка, легкость/трудность языка, красота языка, бедность/богатство языка* и нек. др.

Есть и мифологические лингвистические стереотипы, например: *словарь Даля – лучший словарь русского языка, язык, в котором больше слов, хороший и развитый, а в котором мало слов – плохой и неразвитый; раньше в русском языке были хорошие, красивые слова, а сейчас уродливые и некрасивые; русский язык портится; русский язык хотят уничтожить; иностранные слова портят язык; сленг и жаргон портят язык; немецкий язык грубый; итальянский язык красивый; французский язык красивый; финны говорят медленно; английский язык легкий; китайский язык трудный; в зрелом возрасте язык не выучить; русский язык удобнее других языков для общения* и т. д.

Есть также псевдонаучные стереотипы, выдаваемые за исследования ученых: *от мамы вянут цветы, изменяется структура воды и изменяется геном человека; язык – это словарь, а учить язык – это запоминать много слов; русский язык изначально состоял из хороших слов, а плохие слова, например, мат, принесли в русский язык татары, а если не они – то евреи* и под.

Любопытно, что обыденное сознание носителей других языков часто весьма похоже на русское. Так, В.Б. Кашкин (Кашкин 2008: 36–38) приводит сведения французских лингвистов М. Дебрэн и Марины Ягелло об основных мифах французского обыденного языкового сознания: *французский язык портится; английский язык – это легко; русский – мелодичный язык; лингвист знает все о языке и о языках; лингвист безошибочно грамотен; лингвист борется за чистоту языка; изучение иностранного языка означает заучивание всех слов этого языка; перевод невозможен из-за принципиальной несводимости одного языка к другому; языки разнятся между собой тем, что одни «бедны», а другие «богаты»; одни языки «просты», а другие «сложны»; родной язык никогда не забывают; ностальгические стереотипы о родном языке часто возникают у людей, вынужденных по политическим или экономическим причинам говорить на другом языке; в китайском языке нет грамматики (понятие грамматика отождествляется с морфологией); если слова нет в словаре, его нет и в языке (это представление устойчиво во Франции); пуризм; возведение «мертвых» языков в идеал; поиски идеального языка; живучесть любого языка связана с его «красотой», «логичностью», «легкостью» или каким-либо другим качеством; французский язык – логичен; французский язык – сложный язык; родной язык богат нюансами и тонкостями, которых нет в более «примитивных» языках* и др.

**Цель** статьи – показать, что необходимо различать научно установленные факты и мифологические представления о языке в обыденном сознании.

## **2. Мифологические концепты и стереотипы в обыденном языковом сознании**

Основными показателями мифологичности тех или иных *концептов* являются следующие:

1. Мифологические концепты не входят в научную лингвистическую парадигму и не имеют научного определения.
2. Мифологические концепты имеют в языке только метафорическое обозначение, раскрыть их содержание без метафоры оказывается невозможно – они не могут быть истолкованы содержательно как совокупность некоторых конкретных признаков.
3. Они имеют общественно-политическую аксиологию, широко используются в общественно-политических дискуссиях как общественно-политические лозунги, часто – в популистских, а нередко и в националистических целях.

Показателями мифологичности лингвистических *стереотипов* являются следующие:

1. Они не имеют научного подтверждения, распространяются исключительно неспециалистами, «лингвистами-любителями».

2. Носители стереотипов подтверждают эти стереотипы ссылками на мифические научные доказательства фразами типа «ученые установили», «установлено, что» с приведением некоторых мифических цифр, процентов и т.д.

3. Подобные стереотипы устойчиво передаются из поколения в поколение, причем на их существование не влияет многократное опровержение этих стереотипов учеными и специалистами, поскольку носители и распространители таких стереотипов не общаются со специалистами либо заранее отвергают их пояснения, объявляя научные пояснения неправильными, устаревшими или антипатриотичными.

Прокомментируем некоторые из вышеназванных лингвистических мифов.

#### *Богатство языка*

Нет никаких научных критериев для определения, «бедным» является язык или «богатым»: любой язык полностью удовлетворяет потребности своих носителей благодаря полисемии, синонимии, словообразованию либо заимствованиям. Тем самым любой «действующий» язык – богатый.

#### *Сложность языка*

Для лингвиста не существует понятия «сложности языка» или даже «сложности для изучения» языка. Это тоже мифологический концепт – сложно или легко изучать не язык вообще, а конкретный язык конкретному человеку с конкретной языковой подготовкой, конкретным родным языком, конкретным знанием других языков, лицу конкретного возраста, с конкретными целями изучения языка и т.п.

#### *Порча, загрязнение, засорение языка*

Общераспространенным практически во всех развитых странах является мифологический стереотип о *загрязнении, засорении языка* – о том, что язык портится и загрязняется. *Порча, загрязнение, засорение языка* – тоже мифологические концепты. В лингвистической науке нет содержательных критериев «чистоты языка». Нет научных критериев «здоровья» языка или его «чистоты» – это все оценочные суждения, основанные на личных вкусах, пристрастиях или просто заблуждениях конкретного носителя языка.

Популярный стереотип – *надо бороться за чистоту языка*. Бороться надо за *культуру речи*, а не за чистоту языка.

Для лингвиста понятно, что любой язык развивается и изменяется, и ни то, ни другое не является его порчей или загрязнением. С точки зрения лингвистики нельзя дать оценку тех или иных изменений с позиции «хорошо-плохо» или «прогресс-деградация», хотя такие оценки регулярно «выдает» мифологическое языковое сознание носителей языка и они «гуляют» в общественном сознании.

#### *Кризис языка*

Мифологичен концепт «кризис языка». Язык зеркально отражает состояние современного ему общества, и он принципиально не может быть в кризисе, поскольку является системой знаков, которая обслуживает общество, полностью отражая и удовлетворяя его текущие коммуникативные потребности. В кризисе может быть общество, но не его язык. Однако может наблюдаться кризис культуры речи – когда люди перестают следить за своей речью (это у нас сейчас наблюдается), но это *кризис именно культуры речи*, а не языка как системы номинативных знаков.

Еще один распространенный стереотип – *новые иностранные слова портят язык*.

Любые новые слова, в том числе иностранные, сленг, жаргон *язык* не портят, они язык *обогащают*, обеспечивают динамику его развития. Для любого языка увеличение словарного состава в любом его «сегменте» – благо, так чем больше слов, тем больше у языка номинативных возможностей, тем он удобнее для выполнения коммуникативных функций в разных ситуациях его использования. Новые иностранные слова могут «портить» *речь*

*людей* – если они в тех или иных случаях неправильно употребляются, непонятны собеседнику или аудитории, когда они наносят ущерб пониманию смысла слушателями. Сленг и жаргон портят речь человека, если человек использует их в публичной речи, в общении с незнакомыми или малознакомыми, в общении со старшими и под. – то есть неуместно, не в тех ситуациях, для которых эти слова предназначены. А между «своими» такие слова могут быть уместны, там им и место.

Именно описанные выше концепты относятся нами к категории мифологических – то есть отражающие не объективную действительность, не научно установленную данность, а некоторое устойчивое псевдонаучное бытовое представление о языке.

Однако для языкового сознания мифоносителей смысл рассмотренных выше мифологических концептов и стереотипов предельно ясен: признание этих понятий предполагает, что языком можно руководить через разного рода постановления запретительного свойства, к принятию которых мифоносители регулярно призывают.

К сожалению, такое восприятие нередко находит отражение и в официальных документах, и особенно в их проектах (например, к счастью, отклоненный российской Думой проект В.В. Жириновского с его коллегами о запрете в русском языке «иностранных слов, имеющих общеупотребительные аналоги» – типа *менеджер*, вместо него В.В. Жириновский предлагал использовать слово *приказчик*).

Частота и общественный резонанс обращения к этим концептам и стереотипам в современной социальной действительности требуют проявления к ним особого научного внимания, чтобы общественное мнение и деятельность не были бы направлены по ложному пути и не использовались для социальной демагогии и борьбы с ветряными мельницами.

Полностью согласимся с предостережением профессора Н.Д. Голева: в настоящее время «есть опасность, что ученым придется оперировать концептами естественного языка, оставшись в определенном смысле в лоне наивной науки..., пользоваться ценностями, представлениями и мифами обыденного сознания и приказами политиков. ... Именно научный подход к языковому строительству должен быть противопоставлен линии официализации и легитимизации языка, вытекающей из представлений обыденного национального метаязыкового сознания. При этом важно подчеркнуть, что научный подход подразумевает объективность обыденного фактора и его реального воздействия на все сферы функционирования языка; в том числе воздействия представлений о языке в сознании рядовых носителей русского языка, независимо от того, насколько они соответствуют представлениям научным. Этот фактор должен учитываться (а для этого предварительно изучаться), а не игнорироваться» [Голев 2009: 396].

Н.Б. Лебедева выделяет 4 вида знаний в структуре языкового сознания, каждое из которых может быть осознанным и неосознанным:

1. **«Знание языка»** – это языковая компетенция, умение говорить и понимать. Знание языка предполагает владение языком как родным, полученным в дар от своих родителей («материнский язык»), так и неродным, приобретенным позже (второй язык). Сфера **неосознаваемого** знания языка предполагает спонтанное владение языком, основанное на интуиции, на «чувстве языка», включает механизмы автоматизма, навыка. Выбор слов, грамматических норм, стилистических средств в этой сфере происходит спонтанно, опираясь на языковое чувство, чутье. Обучение родному языку также происходит в очень ранний период детства также спонтанно, автоматически» (Лебедева 2009: 61).

2. **«Знания о языке»** ...назовем лингвистической компетенцией пользователей языка, важнейшей составляющей которых являются «спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека...» [Арутюнова: 7]. Это метаязыковые знания «простых» носителей языка, не знакомых вообще или знакомых в незначительной степени с «лингвистической премудростью», когда в процессе

порождения, и в процессе восприятия речи говорящий и слушающий непроизвольно оценивают речевые произведения как правильные или неправильные» (Лебедева 2009: 63).

3. «**Знания в языке**» – знания, отраженные в языке, в его грамматических формах, лексике, речевых жанрах. К неосознаваемому виду ментальности «знания в языке» относятся такие понятия, как «языковая картина мира», «языковая категоризация», «образы языка, отраженные в самом языке» [Арутюнова, 2000: 7] как часть «образов мира, отраженных в языке» (Лебедева 2009: 65).

Знания в языке – это языковая картина мира, то есть отражение действительности в семантике языковых единиц.

4. «**Знания на языке**», которые «включают в себя всю информацию, зафиксированную в текстах, произнесенных и написанных на данном языке, непосредственно воспринятую слушающим и читающим», а также «различные рефлексии по поводу этой информации, в основном, профессионалами (стилистика, литературоведение и пр. науки, основанные на анализе текстов)» (Лебедева 2009: 65).

Последний вид знаний, представляет собой совокупность языковых высказываний о действительности. Полностью огласимся с Н.Б. Лебедевой, предостерегающей от включения знаний этого типа в собственно языковые («иногда в некоторых концептуальных исследованиях мы находим крен в сторону интерпретации текстовой информации как языкового – концептуального – знания. Думается, это слишком сильная гипотеза – отождествлять зафиксированное на данном языке (например, в поэтических текстах) с собственно языковым знанием» [Лебедева 2009: 65]). Эти знания находятся в концептуальной сфере и могут в отдельных случаях актуализироваться в речи при вербализации концепта (например, прецедентные знания, текстовые реминисценции – в опоре на их общеизвестность для социума), но частью *языковой* информации они, очевидно, не являются, оставаясь в концептуальной сфере.

Таким образом, исходя из приведенной классификации знаний в структуре языкового сознания, обыденное языковое сознание включает:

1) знание единиц языка и их значений (носителя языка при этом могут не знать единиц или иметь неправильные представления о значении) – языковое знание;

2) знания о языковой технологии (употреблении языка, языковых и стилистических нормах, сочетаемости языковых единиц, коммуникативных нормах, речевом этикете, правилах создания текстов разных типов и жанров, о речевом воздействии) – коммуникативно-языковое знание;

3) знания об устройстве языка, в том числе мнения и суждения о его сложности, богатстве, происхождении, заимствовании, развитии, энциклопедические сведения о языках и эмоциональную оценку разных языков и др. – метаязыковые знания.

Иными словами, в обыденное языковое сознание входят психологически реальные значения слов, правила сочетания слов и построения текстов, акустико-артикуляционные навыки речевой деятельности, нормы и правила коммуникативного поведения, а также рефлексивные знания о языке – мнения и суждения о языке, в том числе мифологические и просто ошибочные. Все это составляет содержание обыденного языкового сознания.

Мифологические лингвистические концепты и стереотипы, таким образом, являются частью обыденного языкового сознания носителя языка.

Разумеется, мифологической составляющей содержание обыденного языкового сознания не исчерпывается, но мифологический компонент обыденного языкового сознания существует, он составляет важную и часто весьма яркую часть обыденного языкового сознания и нуждается в тщательном изучении, тем более что именно на этой части языковой информации в обществе строятся различные политические кампании по «защите» языка, «пропаганде» языка, строится та или иная государственная политика, вырабатывается культурно-образовательная идеология общества.

Исследование проблемы ментальных мифов сознания приводит к необходимости признать наиболее распространенные и вредоносные из них ментальными вирусами: когда мифами спекулируют, они становятся *ментальными вирусами*.

*Ментальный вирус* языкового сознания – это стойкое повторяющееся и тиражируемое, часто из поколения в поколение, заблуждение обыденного сознания о языке, некоторый устойчивый миф о языке. Распространению ментальных вирусов надо противостоять научным анализом и разъяснительной работой.

Филологи должны бороться с ментальными вирусами, преодолевать лингвистические мифы в сознании народа. Это позволит повысить уровень владения языком и культурой речи и не будет уводить людей в бесплодные антинаучные умствования по поводу разрушения языка, его порчи, вредоносной деятельности неких мифических злокозненных сил, а будет ориентировать людей на практическую работу по совершенствованию своих языковых навыков и повышению речевой культуры общества.

И еще один важный момент: лингвистические мифы обыденного сознания не могут и не должны поддерживать и транслировать сами ученые, какими бы благими, «патриотическими» и публицистическими причинами они при этом данное обстоятельство не объясняли: долг ученого нести научное, а не псевдознание. К сожалению подобных случаев в последнее время довольно много, ненаучные популистские высказывания делаются публично, будоражат общественное мнение, тем более когда они подаются как выражение патриотизма, любви к своему языку и народу (и всегда, при этом, отметим, скрытой критики других языков и народов).

### **3. Мифологические концепты в научной и популярной литературе**

Популистские мифологические концепты и стереотипы проникают и в научно-популярную литературу по лингвистике и даже в некоторые научные издания.

Укажем в связи с этим на следующие обстоятельства, представляющиеся нам особенно важными и принципиальными.

#### ***А. Нельзя при анализе языковых явлений отождествлять язык и речь***

Например, не избежал этого известный отечественный специалист по культуре русской речи Л.И. Скворцов, который в статье ЖАРГОН в энциклопедии «Русский язык» написал в конце научной статьи: «Нарочитое или бездумное употребление жаргонной лексики и фразеологии засоряет и огрубляет разговорную речь» [Русский язык 1997: 130]. А что такое *нарочитое* употребление? А *бездумное* употребление? Это нарушение норм культуры речи? В чем проявляется при этом «засорение и огрубление разговорной речи»? Каковы критерии засорения речи? Огрубления речи? А *засорение языка* – это что? Все это не характеристика *языка*, а характеристика индивидуальной *речи* отдельных носителей языка, которых критик наблюдает вокруг себя и к речевой деятельности которых он критически относится.

Разграничение языка и речи – базовая аксиома научного исследования и описания языка. Если говорить о языке, его испортить просто нельзя – язык представляет собой склад языковых возможностей для использования их в коммуникации. Каждый берет из языка то, что считает нужным для выражения своей мысли в конкретной коммуникативной ситуации.

Речь отдельного человека может рассматриваться как «испорченная» – то есть такая, которая мне (и, возможно, еще кому-то) не нравится – однако научных критериев хорошей речи, как мы указывали выше, нет.

Есть определенные критерии культуры речи, основной из которых (если не единственный!) – уместность речевого словоупотребления. Но это характеристика именно индивидуальной речи, а не языка как системы.

Уместности речевого употребления можно и надо учить, это и есть формирование культуры речи. Жаргон уместен внутри «своих», внутри группы жаргононосителей, там он выполняет свои функции, но он неуместен в публичной речи, в официальных коммуникативных ситуациях. Если человек этого не понимает, это доказательство его низкой речевой и общей культуры, неумения строить свою речь, но не свидетельство причинения им порчи русскому языку.

Что такое «излишнее употребление иностранных слов»? Кто определит (и кто может определить), сколько можно употреблять иностранных слов, а сколько – уже нельзя? И в каких ситуациях? В каких текстах? Это все вкусовые критерии, причем невербализуемые. А разговоры на эту тему обычно оканчиваются фразами типа «Нет, все-таки должны быть какие-то пределы, границы». А какие? «Какие-то» – субъективно-оценочный, а не научный критерий.

Если мне не нравятся пробки на дорогах, это не значит, что надо призывать к запрету автомобилей, надо упорядочить движение автомобилей и пользование ими. Не нравится речь окружающих – надо учить их нормативности и уместности словоупотребления, а не призывать к запрету тех или иных слов и выражений.

**Б. Нельзя отождествлять внутреннюю форму слов и выражений с актуальными представлениями говорящих людей и, тем более, с «хранилищем» неких духовных ценностей.**

Ср., например, рассуждение профессора-литературоведа: «В лексической структуре русского языка есть глубинные смыслы, которые сохраняют ценностные ориентиры. Например, в русском языке очень много слов с корнем «душ» (душа): душеполезный, добродушный, простодушный. Мы скажем «в комнате ни души», а англичане, как хорошо отметил Михаил Задорнов, – «nobody» (грубо говоря, “ни тела»). В русском сознании человек определялся по душе. В этом большая ценность языка, в частности в политическом смысле: он позволяет сохранить ценности, гуманитарную и гуманистическую составляющие. И это важно, ведь в политике часто фигурируют другие ценности» (Воронежский курьер, 30 июня 2015, «Поддержки не ощущаем»).

Отождествление внутренней формы слова с некими духовными ценностями народа с научной точки зрения не имеет оснований, это *вульгарная лингвокультурология*. Это, может быть, простительно юмористу Задорнову – он шутит, и все его лингвистические рассуждения ориентированы на то, чтобы вызвать у публики удивление и смех – (ср. его пояснение происхождения слова богатырь – кто *богато натырил*), но никак не ученому, тем более филологу.

Ни о какой душе не думает русский человек, когда он говорит *ни души в комнате* – он имеет в виду, что в комнате просто совсем никого нет. Духовные ценности выражение *ни души* не «сохраняет», оно сохраняет лишь указание на свое происхождение. Духовность – феномен сознания человека, его психики, но никак не семантики слова

Отождествление внутренней формы слова с теми или иными ценностями, духовностью не имеет под собой никакой научной основы.

Духовность русского народа неоспорима, но она сохраняется не благодаря существованию нескольких слов словам с корнем *душа*, а благодаря преемственности в жизни общества. Именно нарушение преемственности может привести к снижению уровня духовности народа. Язык не *хранит* духовность и ценности, он *называет* их, позволяет их *обсуждать*.

Духовность, те или иные ценности при помощи языка *фиксируются, номинируются*, а также *сообщаются* – тогда, когда духовность, ценности *обсуждаются*, но в самом языке никакие ценности и никакая духовность не «содержится» и не «хранится». Языком можно, кстати, говорить и совершенно бездуховные вещи – это ведь вовсе не значит, что язык «хранит» и «содержит» бездуховность, несет в себе бездуховность?



Язык не отвечает за духовность говорящих на нем людей и народа в целом, за национальные ценности тем более – как трактор не отвечает за урожай: за урожай отвечают люди, работающие на тракторах.

Научный подход к языку однозначно свидетельствует о сказанном выше.

И об иностранных словах.

Если кому-то не нравится, что вокруг него много стало звучать иностранных слов, пусть он борется с теми людьми, в чьей речи они звучат – пусть объяснит им (попробует!), почему их надо употреблять меньше, – чтобы речь была понятнее для слушателей; пусть объяснит, как их правильно употреблять, где они уместны, а где нет. Но пусть при этом он не апеллирует к тому, что употребляющие иностранные слова люди *портят русский язык, засоряют русский язык*, а он пусть не думает, что при этом он якобы *защищает русский язык* – он в лучшем случае заботится о культуре речи людей, хотя в большинстве случаев такая личность обычно не выходит за рамки возмущения отдельными словами и словоупотреблениями.

**В. Нельзя отождествлять личное субъективно-оценочное неприятие тех или иных слов и выражений с порчей языка и подрывом национальных ценностей.**

Многим жителям Воронежа непонятно и вызывает их возмущение выражение «городской округ г. Воронеж». Действительно, звучит неуклюже и странно. Но это термин из принятого закона об административном делении РФ. Это бюрократический, официальный административный термин. Его можно критиковать, но его нельзя исключить из официального документооборота, нельзя не употреблять в официальных бумагах.

Ср. также высказывание одного профессора-филолога о термине «рынок образовательных услуг»:

«Не может душа жить на рынке, она туда на час заходит, за продуктами. Она должна жить на ниве просвещения. А тот, кто подвизается на рынке образовательных услуг, торгует душой и продает родину!» (Воронежский курьер, 5 февраля 2011 г.).

Если слово или термин кому-либо, в том числе и филологу, не нравится, можно его не употреблять, можно мотивировать с научной точки зрения его замены, найти лингвистические аргументы для его замены, но нельзя отказывать ему в праве на существование – если это не ошибка, а просто новое слово или выражение. Язык непрерывно развивается, и это не имеет никакого отношения к идеологии и патриотизму – у него свои законы

А обвинять использующих новые слова, значения, термины людей в измене родине – вообще за пределами понимания нормального человека.

Мне лично, например, не нравятся некоторые слова и выражения: *деверь, золовка, франшиза, сорочка, большой разговор, в проблеме разбирался* (журналист такой-то разбирался – обычно он ни в чем не разбирается), молодежное «*днюха*» – день рождения. Но это мое личное мнение, личное отношение к словам, и я как лингвист, как ученый не могу призывать эти слова запрещать – их употребление в русском языке никак не ошибка. А как носитель языка я лично могу их избегать в употреблении.

Надо различать эмоциональное отношение к языковым фактам, личные языковые пристрастия с одной стороны, и научный подход – с другой. Для ученого именно научный подход является основным. Он в первую очередь должен разграничивать личные эмоции, личностные пристрастия при интерпретации языковых изменений и объективный научный подход к языку. Тем более ученый, особенно филолог, не должен категорично транслировать свои субъективные оценки и псевдонаучные лингвистические мифы в общественное сознание – именно потому, что он *ученый* и его миссия – нести научные знания, а не поддерживать и тиражировать научные мифы.

Избавиться в обществе от мифов, в том числе лингвистических, вряд ли возможно – мифы необыкновенно устойчивы. Но мифы ждут выявления, объяснения и смыслового истолкования со стороны науки.

#### 4. Выводы

Подчеркнем еще раз, что мифологические концепты и стереотипы в принципе не поддаются однозначному истолкованию. Однако, объясняя мифологичность того или иного лингвистического концепта или стереотипа, можно предложить «мифоносителям» приблизительные, возможные варианты понимания высказываний, содержащих эти концепты и стереотипы – с целью пояснить, в каком реальном смысле данные высказывания фактически функционируют в речи, как их можно понимать и интерпретировать. Например:

Русский язык – великий и могучий – *я очень люблю русский язык, он мне очень нравится.*

Русский язык наводнили иностранные слова – *я слышу вокруг много иностранных слов, которые я не понимаю, и они меня раздражают.*

Русский язык наводнен жаргоном и сленгом – *я слышу вокруг много жаргона и сленга, которые мне не нравятся и которые меня раздражают.*

Язык – душа нации – *язык важен для существования нации.*

Русский язык портят – *я слышу вокруг очень много слов, которые мне не нравятся.*

Я защищаю русский язык – *я люблю русский язык, призываю людей обращать на него внимание, следить за своей речью* (защищать русский язык не от кого – никто на него не нападает) и под.

Такой подход, не отрицая факта существования стереотипов, позволяет объяснить носителям этих стереотипов реальный смысл соответствующих высказываний и ориентировать носителей языка на не-буквальное понимание этих стереотипов.

Лингвистические мифы и стереотипы подлежат выявлению и преодолению, и это одна из важных **перспективных** общественных задач ученых-филологов.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Голев Н.Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство / Н.Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: кол. монография ; отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 371–386.
2. Кашкин В.Б. Научные теории и бытовые представления о языке / В.Б. Кашкин // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. – Кемерово : Барнаул, 2008. – С. 30–44.
3. Лебедева Н.Б. Особенности метаязыкового сознания профессиональных юристов (опыт группового портрета) / Н.Б. Лебедева // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: кол. монография ; отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 313–321.
4. Русский язык. Энциклопедия / [гл. ред. Караулов Ю.Н.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 721 с.

#### REFERENCES

Golev N.D. Russkoe obydennoe metajazykovoe soznanie i jazykovoe stroitel'stvo [Russian ordinary metalanguage consciousness and language building]. In: N.D. Golev (Ed.). *Obydennoe metajazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and gnosiological aspects] (pp. 371–386). Kemerovo, Barnaul: Izd-vo Alt. Univ. Publ.

- Karaulov, Ju. (Ed.). (1997). *Russkij jazyk. Jenciklopedija [The Russian Language. Encyclopaedia]*. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija; Drofa.
- Kashkin, V.B. (2008). Nauchnye teorii i bytovye predstavlenija o jazyke [Scientific theories and domestic ideas about a language]. *Obydennoe metajazykovoe soznanie i naivnaja lingvistika. – Ordinary metalanguage consciousness and naive linguistics*, 30–44 (in Russian).
- Lebedeva, N.B. (2009). Osobennosti metajazykovogo soznanija professional'nyh juristov (opyt gruppovogo portreta) [Features of metalanguage consciousness of professional lawyers (experience of group portrait)]. In: N.D. Golev (Ed.). *Obydennoe metajazykovoe soznanie: ontologičeskie i gnoseologičeskie aspekty [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and gnosiological aspects]* (pp. 313–321). Kemerovo, Barnaul: Izd-vo Alt. Univ. Publ.

**Стернин Иосиф Абрамович** – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского университета, директор Центра коммуникативных исследований ВГУ (Университетская пл., 1, Воронеж, 394006, Россия); e-mail: sterninia@mail.ru; личный сайт sterninia.ru.

**Sternin Iosif Abramovich** – doctor of Philological sciences, Honored Science Worker of the Russian Federation, professor at general linguistics and stylistics chair, Voronezh University, Head of the Centre for communicative studies (University sq., 1, Voronezh, 394006, Russia); e-mail: sterninia@mail.ru; homepage: sterninia.ru.

УДК 811.111'373.43'42:004

**ОБРАЗНЫЙ МОДУС ЭМПАТИИ  
 В СОВРЕМЕННОМ  
 АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ  
 Н.В. Таценко (Запорожье, Украина)**

**Н.В. Таценко. Образный модус эмпатии в современном англоязычном дискурсе.** В статье проведён комплексный анализ концепта ЭМПАТИЯ как когнитивно-коммуникативного образования, воплощённого средствами современного английского языка, с помощью модусного структурирования. В частности, выделены понятийный, аксиологический и образный модусы эмпатии. Проанализирован образный модус с актуализацией его основных составляющих. Образный модус – это нерелексивная метафорическая концептуализация, которая осуществляется посредством формирования конкретно-наглядных представлений об эмпатии. В своей образной ипостаси этот концепт подлежит когнитивной операции реификации, то есть, моделируется “наивным пользователем” языка как физическое тело или физическая масса. При этом в фокусе внимания оказываются не процессуальные свойства, а характеристика соответствующего коммуникативного действия или деятельности, а эмпатия принимает в них участие как физическая субстанция.

**Ключевые слова:** аксиологический модус, нерелексивная метафорическая концептуализация, образный модус, понятийный модус, реификация, эмпатия.

**Н.В. Таценко. Образний модус емпатії в сучасному англомовному дискурсі.** У статті проведений комплексний аналіз концепту ЕМПАТІЯ як когнітивно-комунікативного утворення, втіленого засобами сучасної англійської мови, за допомогою модусного структуривання. Зокрема, виділені понятійний, аксіологічний і образний модуси емпатії. Проаналізовано образний модус з актуалізацією його основних складових. Образний модус – це нерелексивна метафорична концептуалізація, яка здійснюється за допомогою формування конкретно-наочних уявлень про емпатію. У своїй образній іпостасі цей концепт підлягає когнітивній операції реіфікації, тобто, моделюється “наївним користувачем” мови як фізичне тіло або фізична маса. При цьому у фокусі уваги виявляються не процесуальні властивості, а характеристика відповідної комунікативної дії або діяльності, а емпатія приймає в них участь як фізична субстанція.

**Ключові слова:** аксіологічний модус, емпатія, нерелексивна метафорична концептуалізація, образний модус, понятійний модус, реіфікація.

**N.V. Tatsenko. Figurative modus of empathy in modern English-speaking discourse.** The article provides a comprehensive analysis of EMPATHY concept as a cognitive and communicative formation, embodied by means of modern English language, using modus structuring. In particular, the notional, axiological, and figurative modi of empathy are singled out. The figurative modus is analyzed with actualization of its main components. The figurative modus is a non-reflexive metaphorical conceptualization, which is carried out by means of forming explicit and vivid representations of empathy. In its figurative image this concept is subject to the cognitive operation of reification, i.e., it is shaped by a “naive user” of language as a physical body or physical mass. Herewith, the characteristics of the corresponding communicative action or activity rather than its procedural properties prove to be in the focus of attention, and empathy takes part in it as a physical substance.

**Key words:** axiological modus, empathy, figurative modus, non-reflexive metaphorical conceptualization, notional modus, reification.

## 1. Вступление

В последнее время анализ коммуникативного взаимодействия как имманентной составляющей человеческого бытия приобретает все больший вес, что предусматривает выделение и реализацию глубинной природы инвариантных констант и периферийных переменных общения. Они составляют иерархизированные комплексы в моделировании гармоничной коммуникации, детерминированной психолингвальными конструктами эмпатии как «способности чувствовать и понимать чувства другого как свои» (перевод наш – Н.Т.) [Collins 2008: 275–276]. Анализ функций зеркальных нейронов и теории сознания (модели психического состояния человека) указывают на важность имитации и понимания собственных и чужих намерений для развития социального познания. В нейробиологии появляется все больше доказательств того, что нейронные механизмы, задействованные в процессе имитации, также используются для других форм человеческого общения, включая язык. Функциональные сходства между структурами поведения и речи подтверждают это предположение. А эмпатия интегрирует логическое рассуждение и прогнозирование собственных и чужих намерений и действий как на уровне планирования, так и на уровне эмоций. Она функционирует благодаря минимальной нейронной имитативной архитектонике, которая взаимодействует с частью мозга, отвечающей за эмоции. Следовательно, мы понимаем других благодаря имитации, а имитация использует те же функциональные механизмы, что и язык и эмпатия [Jacoboni 2005].

За достаточно длинную историю своего исследования эмпатия привлекала внимание учёных, работающих в различных сферах гуманитарных наук – антропологии, культурологии, лингвистике, медицине, педагогике, психологии, социологии, теории коммуникации, философии, этике и т.д., что свидетельствует о междисциплинарности этой категории как объекта научного поиска [см. : Таценко 2014, 2015]. Однако в языкознании она не достаточно исследована, несмотря на высокую степень конструктивности на современном этапе развития общества. Очевидно, это объясняется не отсутствием исследовательского интереса к ней, а самой природой возникновения и функционирования эмпатии, требующей особых подходов и методов ее анализа. Филологи позаимствовали этот феномен из психологии, однако со временем стало очевидным, что психологическая эмпатия и лингвистическая эмпатия имеют одинаковую природу, но разные проявления и категории. Термин «эмпатия» применяется в лингвистике для описания одного из способов передачи информации с точки зрения говорящего или воспринимающего и предусматривает возможность варьирования в «способах упаковки» такой информации [Чейф 1982: 278]. Имеющиеся определения этого феномена языковеды также соотносят с аспектами функционально-семантического синтаксиса и диахронической типологии, где эмпатия обозначает отношение говорящего к обсуждаемой ситуации, в которой автор высказывания выбирает точку зрения одного из участников (фокус эмпатии). В фокусе эмпатии является тот участник, от которого происходит отсчет другого (дескрипция) [Селіванова 2006: 143].

В лингвистике текста эмпатия является сущностью, определяемой говорящим как presupposition и рецептивная способность адресата [Dressler 1994: 23], идентификацией говорящего с участником или объектом сообщаемого события, изложением чего-либо с определённых позиций [Николаева 1990: 592]. Концентрация эмпатического наполнения колеблется от нейтральной объективации реальных фактов (нуля) до полного вербализованного отождествления позиции говорящего и актуального объекта сообщения. Например, выражение *John asked Mary* является объективным; в выражении *John asked his wife* происходит идентификация с Джоном, а в выражении *Mary's husband asked her* – с Мэри. На этом основании выделяются определённые ряды иерархии эмпатии в процессе коммуникации: говорящий – слушающий – третье лицо [там же]. Заметим, что существуют целые языковые жанры и дискурсы, которые априорно предусматривают эмпатию адресанта к конкретному участнику определённого события или факта.

В подобных случаях структура речевого жанра или дискурса выстраивается с помощью эмпатии к участнику коммуникативного события, который находится в фокусе интеракции. Эмпатия этого типа также используется в речевых жанрах, реализуемых в дискурсе бытового общения. К примеру, распространены эмпатические преимущества автора речевого жанра в утешениях, обвинениях, оправданиях, опровержениях, признаниях в любви, просьбах, отказах и т. д.

Толкование эмпатии только как категории высказывания не является правомерным, поскольку ее функционирование в коммуникации значительно шире. Так, языковеды выявляют номинативные, эмотивные и прагматические особенности вербальных и невербальных средств обозначения эмпатии, рассматривают ее как составляющую эмоциональной компетенции говорящего, определяют прагматические разновидности эмпатических высказываний, их дискурсивный потенциал [Козьяревич 2006], анализируют фразеосемантические единицы реализации эмпатии личности [Кузьменко 2002], её иллокутивные типы [Кузнецова 2010]. Представители украинской школы суггестивной лингвистики вводят в научный оборот понятие коммуникативной эмпатии, систематизируя языковые и речевые маркеры суггестивной коммуникации, опираясь на положения и методы нейролингвистического программирования. Согласно их концепции, коммуникативная эмпатия коррелирует с идеей гармоничности и предполагает умение релевантно войти в феноменологическое поле другого человека, что способствует толерантности коммуникативного взаимодействия. В эмпатическом моделировании выделяются основные компоненты, комплексный учет которых способствует адекватному конструированию соответствующих коммуникативных контекстов [Ковалевская 2002: 45–46].

На наш взгляд, вышеуказанный приоритет прагматического анализа эмпатических конструкций в определенной степени редуцирует общепсихологическое и общепсихологическое понимание эмпатии, сложившееся в мировых научных парадигмах, и выделяет узкое, формализованное понимание этого феномена в области языкознания. Эмпатия представляет собой результат глубокой детерминированности психоэмоционального и когнитивного выбора говорящим конкретной лингвистической формы и ее контекстуального представления, что должно быть сопоставимо с особенностями ментальных перцепций реципиента. Это обуславливает **актуальность** рассмотрения эмпатии как когнитивно-дискурсивного образования в общей плоскости гармоничного эмоционального коммуникативного взаимодействия. **Объект** нашего исследования – концепт ЭМПАТИЯ, лексикализированный в современном англоязычном дискурсе. **Предметом** является его анализ в терминах когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики, который позволяет установить особенности когнитивной организации и коммуникативного применения коллективного знания носителей английского языка об эмпатии. Поскольку когнитивная лингвистика органично связана с семантикой (в ней интегрированы традиционные и когнитивные концепции), то ключевое для структурного языкознания понятие структуры является для нее одним из базовых [Воробйова 2005; Lakoff 1987]. Структурированность – это одна из существенных черт концепта. Его внутренняя организация не является хаотическим нагромождением представлений, знаний или смыслов, и даже не их конъюнкцией: она представляет собой логическую структуру, которая может быть актуализирована в виде модусов. Термин «модус» представляется нам приемлемым для объективации составляющих концепта, поскольку, кроме этимологически мотивированного употребления в значении «способ», исследователи используют его для обозначения подструктуры концептов, развивая их модусные модели [Никитин 2003; Морозова 2008]. Такое толкование модуса является правомерным, если учитывать тот факт, что способ осмысления результата есть в отражении любой структуры.

В рамках модусной модели концепт рассматривается как дискретная содержательная единица сознания гештальтной структуры, обусловленной вероятностной природой мира,

который она отражает/конструирует, и многогранностью функций обеспечения жизнедеятельности человека. Эти функции обуславливают создание структурных частей концепта – операционных модусов или ипостасей. В содержательной структуре каждого модуса есть как когнитивная (описание мира и «населяющих» его сущностей), так и прагматическая (их оценка и эмотивное переживание) информация [Никитин 2003: 173–174]. Некоторые исследователи справедливо выделяют в концепте такие структурные части, как понятийная, перцептивно-образная и ценностная [Приходько 2008: 54–64]. Данные утверждения послужили основой для выделения нами понятийного, образного и аксиологического модусов эмпатии как когнитивно-дискурсивного образования и одновременно определили **цель** этой статьи – проанализировать образный модус концепта ЭМПАТИЯ, реализованного в современном англоязычном дискурсе. **Материал** был отобран из электронного текстового корпуса “Британский национальный корпус” (BNC), а также других источников печатного и электронного формата.

## 2. Модусное структурирование эмпатии

Понятийный модус концепта ЭМПАТИЯ – это рациональная, логическая концептуализация эмпатии. Логическое мыслится рационально, реализуется в определенной логической форме и относится к абстрактно-обобщающему уровню сознания. Функция логического понятия заключается в систематизации конститутивных признаков узнаваемой сущности. Формирование логического понятия, приближающегося к научному определению, является результатом целенаправленной когнитивной деятельности субъекта познания. На языковом уровне логическое понятие устанавливается путем когнитивно-семасиологической интерпретации семантических свойств имени концепта в абстрактных типичных контекстах, которые отражают обобщенный социокультурный опыт и зафиксированы в словарях [Карасик 2002; Кубрякова 1997; Никитин 2003; Морозова 2008]. Обычно любой концептуальный анализ начинается с дефинитивного, поэтому понятийный модус является наиболее исследованным конституентом концепта. В этом аспекте эмпатия не является исключением, изобилуя в научной литературе своими понятийным интерпретациями и характеризуясь отсутствием лингвокогнитивного анализа.

Аксиологический модус – это оценочная концептуализация эмпатии. Данный концепт, вербализованный лексемой *empathy*, выступает как общее явление психологической социально-этической действительности, однако в конкретном варианте – это когнитивно-психологическое состояние отдельного человека. Оба эти варианта (общий и конкретный) включают базовый онтологический признак – состояние человека, а также аксиологические признаки – положительную или отрицательную оценки этого состояния. Каждый концептуализатор определяет ценность эмпатии сквозь призму собственных мировоззренческих принципов, ценностных ориентиров, интересов, жизненного опыта, уровня знаний и тому подобное. Как некий аксиологический стандарт выступает сам коммуникативный акт эмпатии, а его соответствие реальной ситуации характеризуется такими аксиологическими понятиями, как «хорошо – неважно – плохо» или «лучше – равноценно – хуже» [Ивин 2006], которые являются неперенными структурными компонентами оценочных высказываний.

Образный модус – это нерелексивная концептуализация, которая осуществляется посредством формирования конкретно-наглядных представлений об эмпатии. Образ является некоторой картиной, сложившейся в сознании, он связан с непосредственным чувственным познанием мира и насыщен конкретно-чувственными элементами [Болдырев 2000; Карасик 2002]. В этом случае речь идет об образе как картинке самого предмета или его свойства. Образ играет особую роль в модусной модели эмпатии, поскольку он является посредником между логическим и обыденным понятиями, привязывая их к чувственно воспринимаемой

наглядности мира, и вместе с тем превращает конкретные параметры ощущений в обобщенную умственную форму на пути к абстрактной форме логического понятия.

Как известно, к образным ресурсам человеческого сознания принадлежит метафора, трактуемая как одно из средств образного осмысления концептов. В таком случае речь идет об образе одного предмета или свойства сквозь призму другого [Воркачѳв 2004; Johnson 1993]. В филологических научных исследованиях неметафорический и метафорический образы разграничиваются. Немегафорический образ является буквальным, это отражение воспринятых с помощью органов чувств предметов или свойств, а метафорический – это небуквальный, условный образ, поскольку модус метафоры – это модус фиктивности [Gibbs 1999; Johnson 1993; Телия 1988]. Однако в рамках теории концептуальной метафоры существует тенденция к стиранию различий между метафорическим и буквальным образами [Ortony 1993: 2]. Мы склоняемся к последней точке зрения и выделяем метафорический образный модус концепта ЭМПАТИЯ, принимая во внимание тот факт, что эмпатия как перенос на себя чувств другого человека является метафорической по своей сути.

Понятийный модус эмпатии считаем первичным, поскольку он несет непосредственную информацию об этом концепте как таковом. Это единственная ипостась концепта, которая выявляется в ходе дефинитивного анализа. Образный и аксиологический модусы рассматриваем как вторичные, так как образная подструктура концепта содержит косвенную информацию об эмпатийности, а в аксиологической подструктуре оценка эмпатии опирается на знания о том, что она собой представляет. Основой образного и аксиологического модусов является исследование дискурсивных реализаций имени концепта.

Если понятийный и аксиологический модусы вербализированного концепта ЭМПАТИЯ связаны с абстрагированием от непосредственного перцептивного и практически-манипуляционного опыта, то образный модус обеспечивает хранение наглядной, сенсорной по своему происхождению, картинно-образной информации об эмпатийности. К тому же, в отличие от понятийного и аксиологического модусов, функции образной ипостаси эмпатии не связаны с сознательными целенаправленными когнитивными усилиями субъекта познания (рефлексивными знаниями). Эти функции являются нерефлексивными представлениями, которые служат для идентификации, категоризации концепта, а их метафорический образ – для объяснения абстрактной сущности эмпатии посредством её уподобления чему-то конкретному, имеющему перцептивную природу в жизнедеятельности индивида как социального и биологического организма.

### 3. Образный модус

Для формирования концептуальной системы человека значительную роль играет его непосредственный опыт. Физическое взаимодействие с миром, восприятие объектов и их свойств с помощью органов чувств, практическое использование этих объектов в жизнедеятельности – все это обуславливает появление определенных концептуальных структур. Как справедливо отмечают лингвисты, в повседневной жизни индивидуум руководствуется не абстрактными символами, а естественными категориями, в которых сконцентрированы максимально релевантные для обыденного сознания свойства [см.: Краткий словарь когнитивных терминов: 14–15]. Концепты базового уровня (*basic-level concepts*), которые занимают “срединное” положение в таксономической иерархии и наиболее легко усваиваются и используются человеком, воспринимаются непосредственно в терминах физического опыта [Lakoff 1987].

Кроме того, человек живет и действует как “наивный пользователь” языка. Граница, разделяющая научные (неспонтанные) и жизненные (спонтанные) понятия, оказывается чрезвычайно текучей, переходя в реальном ходе развития с одной стороны на другую бесчисленное количество раз [Выготский 2006: 857]. Столкновение обыденных представлений о языке с научными понятиями происходит постоянно, в результате чего



в сознании наивного пользователя формируется «наивная картина языка», которая воспроизводится пофрагментно в лексических единицах языка как факт обыденного сознания [Арутюнова 2000; Воркачѳв 2004; Кашкин 2010].

Представления “наивного пользователя” языка кристаллизуются во многих системах мифологем, среди которых выделяются опредмечивание (овеществление) слова и предметный характера языка – реификация слов; представление о естественной связи слов и вещей, которые они обозначают (семиотическая неарбитрарность); представление о дискретности семантики (“внутренняя” реификация семантики слов-вещей) [Кашкин 2010]. Как результат, интенциональные объекты моделируются по образу физических тел [Руденко 1990].

Понимание опыта в терминах объектов и веществ позволяет человеку выделять части опыта и обращаться с ними как с одинаковыми дискретными сущностями или веществами. Стоит только отождествить части опыта с объектами или веществами, появляется возможность ссылаться на них, относить их к определенным категориям, группировать, определять их количество – и тем самым рассуждать о них [Lakoff 1980: 49].

Такая бытовая философия языка является элементом общественного сознания и разделяется практически всеми членами социума. По сути, она является коллективным бессознательным, точнее не до конца эксплицитно осознанным. Наивная картина языка является средством “упаковки” знания в прототипы, формулы, схемы действий, она является метафорической по способу репрезентации, поскольку языковое сознание опредмечивает абстрактные сущности с помощью метафор.

В этом аспекте эмпатия не является исключением. Вполне закономерно, что подобно другим интенциональным объектам, она подлежит когнитивной операции реификации, то есть, моделируется наивным пользователем (который не осуществляет целенаправленных рефлексий над эмпатией) как физическое тело или физическая масса. При этом в фокусе внимания оказываются не процессуальные свойства, а характеристика соответствующего коммуникативного действия или деятельности, а эмпатия принимает в них участие как физическая субстанция (см. Табл. 1):

Таблица 1

I	II
<b>Действие</b> →	<b>Реифицированный объект</b>
<i>He empathized me on the situation</i>	<i>He gave me an empathy word on the situation</i>
<i>I was empathized by her over the phone</i>	<i>I got an empathy call from her</i>
<b>Деятельность</b> →	<b>Реифицированная масса</b>
<i>He empathized with poor people</i>	<i>He gave poor people some empathy</i>
<i>I was empathized by community</i>	<i>I got some empathy from community</i>

Семантический эффект, наблюдаемый в примерах I, можно рассматривать как действие в терминах Агенса, который влияет на Пациенса, где глагол *empathize* представляет это действие и несет ключевое понятие влияния. В конструкциях примеров II пропозиции реконцептуализируются посредством фокусного переноса внимания с Агенса как источника действия на Пациенса как цель действия, а отглагольное существительное *empathy* актуализирует фокус пропозиций в виде объекта или массы. Более того, в эту парадигму “действие-объектной” реконцептуализации включается еще один важный участник – Инструмент.

В агентивно-пациентальной концептуализации не только Агенса влияет на Пациенса, но и Пациенс может действовать независимо от Агенса. Коррелятивно, под влиянием реификативной реконцептуализации не только Агенса может предоставить Пациенсу

реифицированный объект, но и Пациенс может его иметь или брать независимо от Агенса. Примером этого служат глаголы *have* и *take*, используемые в словосочетаниях с отглагольным существительным *empathy*, который выступает в качестве Инструмента:

- (1) *It is our communion with God that enables us to have empathy, kindness, intimacy and identification with others, which flow forth from us like rivers in an oasis* (BNC, empathy, 41).
- (2) *We need to take empathy out of the realm of psychology and not only into everyday relations but also into culture* (Independent).

Кроме возможности быть данной или взятой, реифицированная эмпатия подлжит многим другим манипуляциям в сознании человека, ассоциированным с физическим переносом в пространстве как массы или объекта: быть возвращённой, обменяной и т. п. Более того, как выделенный и ограниченный в своей сфере объект, она подлжит когнитивному процессу плюрализации, о чем свидетельствует наличие у существительного *empathy* грамматической категории числа – *empathy/empathies*:

- (3) *Recently I have experienced a return of empathy and resonance and subsequently an improved ability to function more normally in relationships with less anxiety* (MDJunction).
- (4) *In a society full of blame, shame, and moralistic judgment, it takes practice to carve out an exchange of empathy* (Twisted Trunk Yoga).
- (5) *These are fragile empathies, too important to be either romanticized or ignored* (BNC, empathies, 1).

Однако следует заметить, что концептуальная реификация эмпатии имеет определённые ограничения. К примеру, реконцептуализированную как объект эмпатию можно брать или давать (см. Табл. 1), но на неё не распространяются другие действия, характерные для физических объектов: в нашем корпусе примеров лексикализации эмпатии нет выражений вроде *to throw empathy*, *to push empathy*, *to thrust empathy* и т. п.

Детальный анализ примеров дал возможность выделения ряда таких конститuentов образного модуля эмпатии:

**спациональность** (определённое пространственное расположение относительно других объектов):

- (7) *The thin bridge of empathy between two professional people was abruptly dashed away* (BNC, empathy, 86).
- (8) *By thinking both sides of the interface between empathy and morality, one shifts empathy close to morality without making it the foundation or source of morality* (Agosta: 41).
- (9) *What's happening when you notice less empathy around you?* (Elevate Associates).

В приведённых примерах лексемы *between*, *close to*, *around* вербализируют *спациональность* как составляющую образного модуля;

**дискретность** (обозначение точно очерченного в своей сфере объекта):

- (10) *In other words, statutory interventions, whether or not they were justified on legal grounds, needed to be located in a moral and human framework of compassion, care, and empathy* (BNC, empathy, 38).
- (11) *Empathy of course does have limits* (BNC, empathy, 60).
- (12) *THE BUILDING BLOCKS OF EMPATHY, MINDFULNESS AND COMPASSION: PAVING THE WAY WITH RELATIONAL FRAME THEORY* (ERIC MORRIS).
- (13) *The identification with the other in the frame of empathy is not without problems* (Rivistacomprendre).

Лексемы *framework*, *limits*, *blocks*, *frame* актуализируют *дискретность* как составляющую образного модуля;

**дименсиальность** (наличие размеров, измеряемость):

- (14) *Conversely, a more positive balance of interpersonal relationships and greater religious involvement among older adults conceals about 20 percent of the size of the age-empathy* (Scholar).

- (15) *Cognitive and psychodynamic psychologists who study empathy have focused on its psychological dimensions rather than on brain mechanisms* (MIT Press Scholarship Online).
- (16) *The development of a multidimensional individual difference measure of empathy is described* (The University of Texas at Austin).

Лексемы *size, dimensions, measure* вербализируют *димиенсиальность* как составляющую образного модуса;

**перцептивность** (возможность восприятия человеком):

- (17) *Perhaps even radiating some protective aroma of brood empathy around herself?* (BNC, empathy, 142).
- (18) *A study of Dutch psychopathic criminals found they were able to experience empathy when they consciously attempted to feel it* (Livescience).
- (19) *StreetSauce: taste interaction and empathy with homeless people* (Academia).

Лексемы *aroma, experience, feel, taste* представляют *перцептивность* в данном модусе.

В результате анализа этих конститuentов мы сталкиваемся с эпистемологической универсалией, которая утверждает, что познание легче осуществляется, если его предметы дискретны, конкретны, просты и чётко выделены. К тому же, ими можно легко манипулировать. Наивные пользователи языка формируют не только представление об эмпатии как о реифицированном объекте, но и о её функциональном назначении. Это делает возможным выделение ряда функциональных составляющих образного модуса эмпатии, соединённых с конститuentами *спациальность, дискретность, димиенсиальность* и *перцептивность* гипо-гиперонимическими связями.

Так, **спациальность** является гиперонимом составляющей **спациальная трансференция** (перемещение в пространстве), которая может включать приближение или отдаление:

- (20) *Not only is the destructiveness of addictive disease replaced by the creativity of recovery but the progressive return of spiritual values such as faith, hope, love, trust, honesty, forgiveness, empathy, gratitude and the return of child-like innocence in the appreciation of the beauty of the world, make recovery synonymous with the treasure of life itself* (BNC, empathy, 190).
- (21) *The thin bridge of empathy between two professional people abruptly dashed away* (BNC, empathy, 86).
- (22) *Not just truth-telling, but sincerity; not just intelligibility, but empathy; these are values which ought to be taken on board* (BNC, empathy, 182).
- (23) *Expressive touch, she quotes, is used to enhance verbal communication in conveying empathy, trust, reassurance, security and the proximity of another person, and she goes on to quote several authors who have examined the effects of tactile language in a variety of health care settings – with the elderly, with the terminally ill, with people in pain, with anxious people and during labour* (BNC, empathy, 55).

В приведённых примерах лексемы *conveying, return*, а также словосочетания *to be taken on board, abruptly dashed away* актуализируют функциональный конститuent *спациальная трансференция*.

Составляющая **дискретность** является гиперонимом конститuenta **демонстративность**:

- (24) *Show empathy by saying you understand how the other person feels and can see things from their point of view* (BNC, empathy, 64).
- (25) *The important thing is to demonstrate empathy, not just to feel it* (BNC, empathy, 69).
- (26) *Such crying is not a true display of empathy* (PsychCentral).

Лексемы *show, demonstrate, display* вербализируют *демонстративность* образного модуса эмпатии.

Дискретность также включает в себя **поссесивность** (эмпатию можно иметь в наличии, присваивать, брать, отдавать, терять или ею делиться):

- (27) *Emotional awareness, ie being open about feelings and having empathy for how other people are feeling* (BNC, empathy, 65).
- (28) *He was not only an outstanding golfer, but was one of those rare breed of men possessing the gift of total empathy with all who came into contact with him* (BNC, empathy, 186).
- (29) *Hoffman's face has never been very expressive (sometimes his rabbit stare makes me think that the great Maureen Stapleton has spawned an emotionally retarded son), but he has always been able to get our empathy* (BNC, empathy, 91).
- (30) *Having the insight and ability to share his or her own experiences, thoughts and feelings in a professional and personal manner that gives empathy and hope* (BNC, empathy, 192).
- (31) *But if you prevaricate and say, 'I can't comment on this because I'm an officer of the Council,' then they think, 'Oh, God, you know, what sort of person am I talking to?' and you lose all your empathy and all the sympathy of the listeners, which is what you're after* (BNC, empathy, 267).
- (32) *They share a natural empathy with the concerns of that class which, as we have noted, may not be redistribution towards the less well off* (BNC, empathy, 215).

Глаголы *having, possessing, get, gives, lose, share* являются репрезентантами функционального конституента *поссесивность*.

Гипонимом **дискретности** также является **нумеральность** (исчисляемость):

- (33) *The first level of empathy is when individuals understand how other individuals feel and think and put themselves in their place. This is the particular kind of empathy that stems from the recognition of belongingness to the same community. The second level of empathy is different from the empathy aroused on the first level* (Communication in Crisis).
- (34) *I feel that this is reflected not just in the increased knowledge of the students but also in a change of attitude and a few greater degrees of empathy* (BNC, empathy, 1).
- (35) *The only way you could count empathy is counting the single glows and then also when you get an empathy point* (Trickster).

Лексемы *first, second, a few, count* являются репрезентантами *нумеральности* как конституента образного модуса.

**Дискретность** включает в себя **инструментальность** (эмпатию можно использовать в качестве инструмента):

- (36) *Failing this, nurses can help by using empathy, ingenuity and miming* (BNC, empathy, 63).
- (37) *To start using empathy more effectively, consider the following* (MindTools).
- (38) *It was developed by reviewing other available empathy instruments* (Midss).

В приведённых примерах лексемы *using, instruments* демонстрируют составляющую *инструментальность* образного модуса концепта ЭМПАТИЯ.

**Артефактность** (эмпатию можно искусственно создавать, в результате чего она становится продуктом человеческой деятельности) также считаем гипонимом **дискретности**:

- (39) *He prefers the charcoal drawing to the full garish canvas, and this is why, I think, the songs work so well, because, as we listen, individual responses suggest themselves to a line, or a turn of phrase, which by inference, creates a greater sense of empathy and involvement for the listener* (BNC, empathy, 157).
- (40) *The general issue of reconciling with his academic interests, the feeling of social commitment to an underprivileged group with whom the researcher has built up a strong feeling of empathy are discussed by Labov (1982b); this discussion forms a preliminary to his account of the use made of linguistic evidence by the defendants in the famous Black English Trial in Michigan* (BNC, empathy, 178).

Глаголы *creates, has built up* актуализируют *артефактность*.

Конституент **дименсиальность** является гиперонимом составляющей **дименсиальная альтерация** (изменение размеров):

- (41) *Instead a special sort of empathy grows* (BNC, empathy, 155).  
 (42) *It concludes that the reorientation will require strong public support for energy efficiency, appropriate action, a willingness and ability to introduce new technology on a wide scale, and a widening empathy with environmental concerns*” (BNC, empathy, 237).  
 (43) *The question is one of how to extend human empathy* (BNC, empathy, 16).  
 (44) *This is done methodically, with elaborate cross referencing, but nevertheless fragments Einstein’s personal history and diminishes the reader’s empathy* (BNC, empathy, 73).

Глаголы *extend, diminishes, grows, widening* представляют функциональный конституент **дименсиальная альтерация**.

Составляющая **перцептивность** является гиперонимом конституента **дескриптивность** (возможность описания):

- (45) *Empathy is described in various ways and Burnard (1987a) discussing its use in psychiatric nursing quotes Carl Rogers’ definition as ‘a process of entering into the perceptual world of another person’* (BNC, empathy, 57).  
 (46) *The aim of this review is to describe the concept of empathy and emotional intelligence, compare it to other similar concepts and clarify their importance as vital parts of effective social functioning* (International Journal of Caring Sciences).

В данных примерах **дескриптивность** актуализирована глаголом *describe*.

Гипонимом **перцептивности** является также конституент **компаративность** (возможность сравнения):

- (47) *In a later article, Burnard (1988) compares empathy and sympathy* (BNC, empathy, 58).  
 (48) *Analysis, logic, thought processes, discussion compared to empathy, rapport, emotions, agreement* (BNC, empathy, 111).

Глаголы *compare* в примерах актуализируют **компаративность**.

Наряду с реификацией, другой разновидностью метафорической концептуализации эмпатии в наивной картине мира является олицетворение или персонификация (уподобление живому существу). В этом случае эмпатия выполняет определенные действия, иногда приобретая антропоморфные черты, например:

**существует:**

- (49) *They will no doubt be helped in making this decision by counselling itself, and the empathy that should exist between counsellor and counselee* (BNC, empathy, 103);

**приходит:**

- (50) *If we are just with the horse in an easy fashion, empathy comes more easily* (BNC, empathy, 25);

**помогает:**

- (51) *Despite the essential superficiality of much of this contact, the traditional empathy between the nations has assisted the Japanese to be on good terms with a regime whose political ideology is the antithesis of their own* (BNC, empathy, 161);

**творит:**

- (52) *His empathy with the childhood world of romance and humour creates instantly absorbing scenes, intricate but never over-ornate. they perfectly complement the text and are resonant with neo-romantic traits, notably the twisting paths that take the eye into this other world, with pleasing and imagative effect* (BNC, empathy, 165);

**требует:**

- (53) *Counselling requires varied skills, and counsellors need to be able to empathise with people (which is not the same as sympathizing – empathy requires seeing the world from another person’s point of view without judgement or criticism) and to accept their clients by suspending judgement so that people feel valued* (BNC, empathy, 162);

**приводит к чему-то:**

- (54) *This cultural empathy inevitably leads to a fusion of individual expression and tradition that is far more pronounced than that found in any other category of oriental rug* (BNC, empathy, 164).
- (55) *His revolutionary vision and empathy with the oppressed peoples of the world led to his involvement in social movements in the United States, Britain, Africa and the Caribbean* (BNC, empathy, 196);

**влияет позитивно или негативно:**

- (56) *His extreme empathy coloured his behaviour and made him a heady, if unpredictable companion* (BNC, empathy, 40).
- (57) *Empathy with the sadness they must feel about the problems they are facing with their child, particularly stressing the lack of a happy relationship, can facilitate a change in attitude* (BNC, empathy, 131).
- (58) *Convention, technique, and an empathy with the popular mind all went into the perfecting of the Chaplin act and it was these things that enabled him to become Sennett's most accomplished pupil and which allowed him to create the cinema's most appealing and most universal symbol* (BNC, empathy, 140);

**является другом:**

- (59) *John relies on his television and his empathy machine for company* (BNC, empathy, 258).

**4. Выводы**

Эмпатия в своей образной ипостаси подлежит когнитивной операции реификации, то есть, моделируется наивными пользователями, не осуществляющими целенаправленных рефлексий над ней, как физическое тело или физическая масса. При этом в фокусе внимания оказываются не процессуальные свойства, а характеристика соответствующего коммуникативного действия или деятельности. Составляющими образного модуса эмпатии как реифицированной и персонифицированной сущности, актуализированной существительным *empathy*, в свёрнутом формате, являются: *специальность, дискретность, дименсиальность, перцептивность* и *персонификация*. В развёрнутом формате – это функциональные конститuentы *специальная трансференция, демонстративность, possessивность, нумеральность, инструментальность, артефактность, дименсиальная альтерация, дескриптивность, компаративность* и *персонификация*.

Приведённый материал подтверждает мнение о том, что только в условиях реификации или персонификации непредметных сущностей достигается возможность сфокусировать внимание на признаке, сделав именно его предметом рассмотрения [Кубрякова 1997; Langaker 1991]. Концептуализация реифицированной и персонифицированной лексики *empathy* даёт возможность представить определённую сцену в виде единого, сиюминутного, выделенного и дискретного объекта восприятия. Суть этого процесса заключается в том, что эмпатия в своём образном модусе имеет определённое расположение в пространстве, может его менять, при этом взаимодействуя с другими объектами, воздействуя на них (или другие объекты могут влиять на эмпатию), в частности, путем прямого физического контакта. Основой такого осмысления этого феномена являются ориентационные, онтологические и структурные метафоры, которые врезаются в память, легки в использовании и способствуют креативному мышлению. **Перспективой** дальнейшего исследования является комплексный анализ понятийного и аксиологического модусов эмпатии.

**ЛИТЕРАТУРА**

1. Арутюнова Н.Д. Введение. Наивные размышления о наивной картине языка / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке : сб. статей ; [под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 7–22.

2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. – 123 с.
3. Воркачѳв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачѳв. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
4. Воробйова О.П. Когнітивна поетика в Потебнянській ретроспективі / О.П. Воробйова // Мовознавство. – 2005. – № 6. – С. 18–25.
5. Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М. : ЭКСМО, 2006. – 1136 с.
6. Ивин А.А. Аксиология : науч. изд. для студентов, аспирантов, преподавателей вузов / А.А. Ивин. – М. : Высш. шк., 2006. – 390 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
8. Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации / В.Б. Кашкин // Серия «Аспекты языка и коммуникации». – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т; Издатель О.Ю. Алейников, 2010. – Вып. 5. – 382 с.
9. Ковалевська Т.Ю. Моделювання емпатії в сучасній українській мові : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.01 / Тетяна Юрійвна Ковалевська. – Одеса : Одеський нац. ун-т імені І.І. Мечникова, 2002. – 439 с.
10. Козяревич Л.В. Вербальні й невербальні засоби емпатизації діалогічного дискурсу (на матеріалі англomовної прози ХХ століття) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Ліана Василівна Козяревич. – Київ, 2006. – 191 с.
11. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина ; [под общ. ред. Е.С. Кубряковой]. – М. : Моск. гос. ун-т, 1996. – 245 с.
12. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1997. – 330 с.
13. Кузнецова А.А. Иллокутивные типы вербальной эмпатии : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Алла Александровна Кузнецова. – Уфа, 2010. – 25 с.
14. Кузьменко Е.Л. Фразеосемантическое поле эмпатии личности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Евгения Львовна Кузьменко. – М. : Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2002. – 132 с.
15. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / М.В. Никитин. – СПб : Изд-во РГПУ, 2003. – 277 с.
16. Морозова О.І. Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Олена Іванівна Морозова. – Київ, 2008. – 32 с.
17. Николаева Т.М. Эмпатия / Т.М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь ; [гл. ред. В. Н. Яйцева]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 592.
18. Приходько А.М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А.М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.
19. Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка» / Д.И. Руденко. – Х. : Основа, 1990. – 300 с.
20. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Дозвілля-К, 2006. – 716 с.
21. Таценко Н.В. Феномен емпатії в сучасних наукових парадигмах / Н.В. Таценко // Філологічні трактати. – Том 6, № 4. – Суми : СумДУ, 2014. – С. 56–66.
22. Таценко Н.В. Категорія емпатії крізь призму лінгвістичної емотіології / Н.В. Таценко // Філологічні трактати. – Том 7, № 1. – Суми : СумДУ, 2015. – С. 50–60.

23. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке : язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 173–204.
24. Чейф У. Данное, контрастивность, определённости, подлежащее, топики и точка зрения / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1982. – Вып. XI. – С. 277–316.
25. Collins English Dictionary / [editors: J. Crozier, A. Grandison, C. McKeown, E. Summers, P. Weber. – Glasgow : HarperCollins Publishers, 2008. – 1040 p.
26. Dressler W. Trends in linguistics: studies and monographs / W. Dressler, M. Barbaressi. – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1994. – 167 p.
27. Gibbs R.W. The poetics of mind. Figurative thought, language and understanding / R.W. Gibbs. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 527 p.
28. Iacoboni M. Understanding others: imitation, language, empathy / M. Iacoboni // S. Hurley and N. Chater (eds.). Perspectives on imitation: from cognitive neuroscience to social science. – Cambridge, MA : MIT Press, 2005. – Vol. 2. – P. 55–77.
29. Johnson M. Moral imagination : implications of cognitive science for ethics / M. Johnson. – Chicago, L. : The University of Chicago Press, 1993. – 287 p.
30. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, L. : The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
31. Lakoff G. Women, fire and dangerous things : what categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago, L. : The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
32. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar / R.W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1991. – 628 p. – Vol. II : Descriptive Application.
33. Ortony A. Metaphor, language, and thought / A. Ortony // Metaphor and Thought / [ed. by A. Ortony]. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 1–16.

#### **ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА**

- Academia : StreetSauce : taste interaction and empathy with homeless people [Электронный ресурс] // Academia. – Режим доступа : [http://www.academia.edu/12269809/StreetSauce\\_Taste\\_Interaction\\_and\\_Empathy\\_with\\_Homeless\\_People](http://www.academia.edu/12269809/StreetSauce_Taste_Interaction_and_Empathy_with_Homeless_People).
- Agosta : Agosta, Lou. A rumor of empathy : rewriting empathy in the context of philosophy. – Palgrave Macmillan, 2014. – 146 p.
- BNC : British national corpus [Электронный ресурс] // BNCweb (CQP-Edition). – Режим доступа : <http://bncweb.lancs.ac.uk/bncwebSignup/user/login>.
- Communication in Crisis : Trust and empathy [Электронный ресурс] // Communication in Crisis. – Режим доступа : <http://&rpt=nnews2&rel=rel&grhow=clutop&redircnt=1467632552.1>
- Elevate Associates : What's happening when you notice less empathy around you? [Электронный ресурс] // Elevate Associates. – June 3, 2015. – Режим доступа : <http://www.elevateassociates.co.uk/blog/whats-happening-when-you-notice-less-empathy-around-you/>.
- Eric Morris : The building blocks of empathy, mindfulness and compassion: paving the way with relational frame theory [Электронный ресурс] // Eric Morris. — March 23, 2014. – Режим доступа : <http://drrericmorris.com/2014/03/23/the-building-blocks-of-empathy-mindfulness-and-compassion-the-way-forward-with-relational-frame-theory/>.
- Independent : Empathy museum : to understand others, we need to walk in their shoes – literally, says philosopher Roman Krznaric [Электронный ресурс] // Independent / Sophie Morris. – June 26, 2015. – Режим доступа : <http://www.independent.co.uk/life-style/health-and-families/features/empathy-museum-to-understand-others-we-need-to-walk-in-their-shoes-literally-says-philosopher-roman-10346326.html>.
- International Journal of Caring Sciences : Empathy and emotional intelligence : what is it really about? [Электронный ресурс] // International Journal of Caring Sciences / Ioannidou F.,



- Konstantikaki V. – Режим доступа : [http://www.internationaljournalofcaringsciences.org/docs/Vol1\\_Issue3\\_03\\_Ioannidou.pdf](http://www.internationaljournalofcaringsciences.org/docs/Vol1_Issue3_03_Ioannidou.pdf).
- Livescience : Coldhearted psychopaths feel empathy too [Электронный ресурс] // Livescience / Tanya Lewis. – July 24, 2013. – Режим доступа : <http://www.livescience.com/38421-psychopaths-feel-empathy-when-they-try.html>.
- Midss : The Toronto empathy questionnaire [Электронный ресурс] // Midss. – Режим доступа : <http://www.midss.ie/content/toronto-empathy-questionnaire>.
- MindTools : Empathy at work [Электронный ресурс] // MindTools / Keith Jackson. – Режим доступа : <https://www.mindtools.com/pages/article/EmpathyatWork.htm>.
- MDJunction : Schizophrenia and empathy [Электронный ресурс] // MDJunction. – Режим доступа : <http://www.mdjunction.com/forums/schizophrenia-discussions/general-support/10768582-schizophrenia-and-empathy>.
- MIT Press Scholarship Online : Empathic processing : its cognitive and affective dimensions and neuroanatomical basis [Электронный ресурс] // MIT Press Scholarship Online. – Режим доступа : <http://mitpress.universitypressscholarship.com/view/10.7551/mitpress/9780262012973.001.0001/upso-9780262012973-chapter-17>.
- PsychCentral : How children develop empathy [Электронный ресурс] // PsychCentral / Lawrence Kutner. – Режим доступа : <http://psychcentral.com/lib/how-children-develop-empathy/>.
- Rivistacomprendre : The significance of empathy for the diagnosis of schizophrenia and melancholia [Электронный ресурс] // Rivistacomprendre.org / A. Kraus. – Режим доступа : <http://www.rivistacomprendre.org/allegati/XIV.9%20Kraus.pdf>.
- Scholar : The personal and social links between age and self-reported empathy [Электронный ресурс] // Scholar.unh. – Режим доступа : [http://scholars.unh.edu/soc\\_facpub/135/](http://scholars.unh.edu/soc_facpub/135/).
- The University of Texas at Austin : A multidimensional approach to individual. Differences in empathy [Электронный ресурс] // The University of Texas at Austin / Mark H. Davis. – Режим доступа : [http://www.uv.es/~friasnav/Davis\\_1980.pdf](http://www.uv.es/~friasnav/Davis_1980.pdf).
- Trickster : Secret empathy [Электронный ресурс] // Trickster. – September 1, 2014. – Режим доступа : <http://board.playtrickster.com/index.php?/topic/5338-secret-empathy/>.
- Twisted Trunk Yoga : I learned empathy from my dog [Электронный ресурс] // Twisted Trunk Yoga / Cat McCarthy. – September 1, 2015. – Режим доступа : <http://twistedtrunkyoga.com/off-the-mat/i-learned-empathy-from-my-dog/>.

## REFERENCES

- Arutjunova, N.D. (2000). Vvedeniye. Naivnyye razmyshleniya o naivnoy kartine yazyka [Introduction. Naive reflections about a naive language view]. *Yazyk o yazyke. – Language about language*, 7–22 (in Russian)
- Boldyrev, N.N. (2000). *Kognitivnaya semantika: kurs lektsyy po angliyskoy filologii [Cognitive semantics: a course of lectures in English philology]*. Tambov: Izdvo Tambov. Un-ta Publ.
- Chafe, W. (1982). Dannoye, kontrastivnost', opredeljonnost', podlezhashhee, topiki i tochka zreniya [Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. – New in foreign linguistics, XI*, 277–316. (in Russian)
- Crozier, J., Grandison, A., McKeown, C., Summers, E., Weber, P. (Eds.). (2008). *Collins English Dictionary*. Glasgow: HarperCollins Publishers.
- Dressler, W., and Barbaressi, M. (1994). *Trends in linguistics: studies and monographs*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Gibbs, R. W. (1999). *The poetics of mind. Figurative thought, language and understanding*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Iacoboni, M. (2005). Understanding others: imitation, language, empathy. In: S. Hurley and N. Chater (Eds.). *Perspectives on imitation: from cognitive neuroscience to social science* (pp. 55-77). Cambridge, MA: MIT Press.

- Ivin, A.A. (2006). *Aksiologiya: nauch. izd. dlja studentov, aspirantov, prepodavateley vuzov [Axiology: a scientific publication for students, graduate students, and university lecturers]*. M: Vyssh. Shk.
- Johnson, M. (1993). *Moral imagination: implications of cognitive science for ethics*. Chicago, L.: The University of Chicago Press.
- Karasik, V.I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]*. Volgograd: Peremena.
- Kashkin, V.B. (2010). *Paradoksy granitsy v yazyke i kommunikatsii [Paradoxes of boundary in the language and communication]*. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet; Izdatel' O.Y. Aleynikov.
- Kovalevs'ka, T.Y. (2002). *Modeljuvannja jempatiyi v suchasniy ukrayins'kiy movi. Diss. dokt. filol. nauk [Modelling of empathy in modern Ukrainian language. Dr. philol. sci. diss.]*. Odessa. 439 p. (in Ukrainian)
- Koz'arevych, L.V. (2006). *Verbal'ni j neverbal'ni zasoby jempatyzaciji dialogichnogo dyskursu (na materialy angломovnoji prozy XX stolittja). Diss. kand. filol. nauk [Verbal and non-verbal means of empathization of dialogical discourse (based on English prose of XX century). Cand. philol. sci. diss.]*. Kyiv. 191 p. (in Ukrainian)
- Kubriakova E.S. (Ed.). (1996). *Kratkiy slovar' kognitivnyh terminov [Brief dictionary of cognitive terms]*. M.: Mosk. gos. un-t Publ.
- Kubriakova, E.S. (1997). *Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya [Parts of speech from cognitive perspective]*. M: In-t jazykoznanija RAN Publ.
- Kuz'menko, E.L. (2002). *Frazeosemanticheskoje pole jempatiji lichnosti. Diss. kand. filol. nauk [Phraseosemantic field of a personality's empathy. Cand. philol. sci. diss.]*. Moscow. 132 p. (in Russian).
- Kuznecova, A.A. (2010). *Illokutivnyje tipy verbal'noj jempatiji. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Illocutionary types of verbal empathy. Cand. philol. sci. diss. synopsis]*. Ufa. (in Russian).
- Lakoff, G. (1987). *Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind*. Chicago, L.: The University of Chicago Press.
- Lakoff, G., and Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago, L.: The University of Chicago Press.
- Langacker, R.W. (1991). *Foundations of cognitive grammar: descriptive application. (Volume 2)*. Stanford: Stanford University Press.
- Morozova, O.I. (2008). *Lingval'ni aspekty nepravdy jak kognityvno-komunikatyvnogo utvorennja. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Lingual aspects of lie as a cognitive-communicative formation. Dr. philol. sci. diss. synopsis.]*. Kyiv. (in Ukrainian).
- Nikitin, M.V. (2003). *Osnovaniya kognitivnoy semantiki: ucheb. posobiye dlja vyssh. ucheb. zavedeniy [Grounds of cognitive semantics: a textbook for higher educational institutions]*. SPb: Izd-vo RGPU Publ.
- Nikolayeva, T.M. (1990). Jempatija [Empathy]. In: V.N. Yartseva (Ed.). *Lingvisticheskij encyklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]*. M: Sov. Entsyklopediya Publ.
- Ortony, A. (1993). Metaphor, language, and thought. In: A. Ortony (Ed.). *Metaphor and Thought* (pp. 1–16). Cambridge: Cambridge University Press.
- Pryhod'ko, A.M. (2008). *Koncepty i kontseptosystemy v kognityvno-dyskursyvnij paradygmi lingvistyky [Concepts and concept systems in the cognitive-discursive paradigm of linguistics]*. Zaporizhzhia: Premyer Publ.
- Rudenko, D.I. (1990). *Imja v paradigmah "filosofii jazyka" [Name in the paradigms of "language philosophy"]*. Kh: Osnova Publ.
- Selivanova, O.O. (2006). *Suchasna lingvistyka: terminologichna encyklopedija [Modern linguistics: terminological encyclopedia]*. Poltava: Dozvillia Publ.

- Tacenko, N.V. (2014). Fenomen jempatiji v suchasnyh naukovykh paradygmah [The phenomenon of empathy in modern scientific paradigms]. *Filologichni traktaty. – Philological tractates*, 6 (4), 56–66 (in Ukrainian).
- Tacenko, N.V. (2015). Kategorija jempatiji kriz' pryzmu lingvistychnoji emotiologii [Category of empathy through the prism of linguistic emotiology]. *Filologichni traktaty. – Philological tractates*, 7(1), 50–60 (in Ukrainian).
- Telija, V.N. (1988). Metaforizacyja i ejo rol' v sozdanii jazykovoju kartiny mira [Metaphorization and its role in the creation of language worldview]. *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: jazyk i kartina mira. – The role of human factor in the language: language and worldview*, 173–204 (in Russian).
- Vorkachev, S.G. (2004). *Schast'e kak lingvokulturnyj koncept [Happiness as a linguocultural concept]*. M: ITD GK "Gnozis" Publ.
- Vorobjova, O.P. (2005). Kognityvna poetyka v Potebnjans'kij retrospektyvi [Cognitive poetics in Potebnia's retrospective]. *Movoznavstvo. – Linguistics*, 6, 18–25 (in Ukrainian).
- Vygotskij, L.S. (2006). *Psihologija razvitija cheloveka [Psychology of human development]*. M: EKSMO Publ.

### SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

- Academia : StreetSauce : taste interaction and empathy with homeless people. Available at: [http://www.academia.edu/12269809/StreetSauce\\_Taste\\_Interaction\\_and\\_Empathy\\_with\\_Homeless\\_People](http://www.academia.edu/12269809/StreetSauce_Taste_Interaction_and_Empathy_with_Homeless_People).
- Agosta : Agosta, Lou (2014). *A rumor of empathy : rewriting empathy in the context of philosophy*. Palgrave Macmillan.
- BNC : British national corpus (CQP-Edition). Available at: <http://bncweb.lancs.ac.uk/bncwebSignup/user/login>.
- Communication in Crisis : Trust and empathy. Available at: [http://tarsadalominformatika.elte.hu/tananyagok/communicationincrisis/lecke6\\_lap1.html](http://tarsadalominformatika.elte.hu/tananyagok/communicationincrisis/lecke6_lap1.html).
- Elevate Associates : What's happening when you notice less empathy around you? June 3, 2015. Available at: <http://www.elevateassociates.co.uk/blog/whats-happening-when-you-notice-less-empathy-around-you/>.
- Eric Morris : The building blocks of empathy, mindfulness and compassion: paving the way with relational frame theory. March 23, 2014. Available at: <http://drericmorris.com/2014/03/23/the-building-blocks-of-empathy-mindfulness-and-compassion-the-way-forward-with-relational-frame-theory/>.
- Independent : Empathy museum : to understand others, we need to walk in their shoes – literally, says philosopher Roman Krznaric. June 26, 2015. Available at: <http://www.independent.co.uk/life-style/health-and-families/features/empathy-museum-to-understand-others-we-need-to-walk-in-their-shoes-literally-says-philosopher-roman-10346326.html>.
- International Journal of Caring Sciences : Empathy and emotional intelligence : what is it really about? Available at: [http://internationaljournalofcaringsciences.org/docs/Vol1\\_Issue3\\_03\\_Ioannidou.pdf](http://internationaljournalofcaringsciences.org/docs/Vol1_Issue3_03_Ioannidou.pdf)
- Livescience : Coldhearted psychopaths feel empathy too. July 24, 2013. Available at: <http://www.livescience.com/38421-psychopaths-feel-empathy-when-they-try.html>.
- Midss : The Toronto empathy questionnaire. Available at: <http://www.midss.org/content/toronto-empathy-questionnaire>
- MindTools : Empathy at work. Available at: <https://www.mindtools.com/pages/article/EmpathyatWork.htm>.
- MDJunction : Schizophrenia and empathy. Available at: <http://www.mdjunction.com/forums/schizophrenia-discussions/general-support/10768582-schizophrenia-and-empathy>

- MIT Press Scholarship Online : Empathic processing : its cognitive and affective dimensions and neuroanatomical basis. Available at: <http://mitpress.universitypressscholarship.com/view/10.7551/mitpress/9780262012973.001.0001/upso-9780262012973-chapter-13>
- PsychCentral : How children develop empathy. Available at: <http://psychcentral.com/lib/how-children-develop-empathy/>
- Rivistacomprendre : The significance of empathy for the diagnosis of schizophrenia and melancholia. Available at: <http://www.rivistacomprendre.org/allegati/XIV.9%20Kraus.pdf>
- Scholar : The personal and social links between age and self-reported empathy. Available at: [http://scholars.unh.edu/soc\\_facpub/135/](http://scholars.unh.edu/soc_facpub/135/)
- The University of Texas at Austin : A multidimensional approach to individual. Differences in empathy. Available at: [http://www.uv.es/~friasnav/Davis\\_1980.pdf](http://www.uv.es/~friasnav/Davis_1980.pdf)
- Trickster : Secret empathy. September 1, 2014. Available at: <http://board.playtrickster.com/index.php?/topic/5338-secret-empathy/>
- Twisted Trunk Yoga : I learned empathy from my dog. September 1, 2015. Available at: <http://twistedtrunkyoga.com/off-the-mat/i-learned-empathy-from-my-dog/>

**Таценко Наталья Витальевна** – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры теории и практики перевода с английского языка Запорожского национального университета (ул. Жуковского, 66, г. Запорожье, Украина, 69600); e-mail: [tacnataasha@mail.ru](mailto:tacnataasha@mail.ru)

**Tatsenko Natalia Vitalievna** – Kandidat of Philological sciences, docent, Chair of Theory and Practice of Translation from English, Zaporizhzhya National University (Zhukovsky st., 66, Zaporizhzhya, 69600, Ukraine); e-mail: [tacnataasha@mail.ru](mailto:tacnataasha@mail.ru)

**РЕДАКТОР**

**Ирина Семеновна Шевченко**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: irina.shevchenko7@gmail.com

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ**

**Евгения Валериевна Бондаренко**, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**Донка Александрова**, доктор философии, профессор кафедры риторики университета Климента Охридского, г. София, Болгария; e-mail: donka\_bar@hotmail.com

**Алла Дмитриевна Белова**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; www.philolog.univ.kiev.ua

**Лилия Ростиславовна Безуглая**, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: bezugla@daad-alumni.de

**Дэниэл Вандервекен**, доктор философии, профессор факультета философии университета Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада, e-mail: daniel.vanderveken@uqtr.ca

**Светлана Анатольевна Жаботинская**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: saz9@ukr.net

**Владимир Ильич Карасик**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: vladimir\_karasik@mail.ru

**Евгения Анатольевна Карпиловская**, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка Национальной академии наук Украины; e-mail: karpilovska@gmail.com

**Герхард Коллер**, доктор философии, директор лингвистического центра университета имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de

**Геннадий Николаевич Манаенко**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией «Личность. Информация. Дискурс» ("ЛИД"); e-mail: manaenko@list.ru

**Алла Петровна Мартынюк**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: allamart@list.ru

**Франциско Домингес Матито**, доктор философии, профессор университета Ла Риоха, г. Мадрид, Испания; e-mail: fd.matito@unirioja.es

**Лев Михайлович Минкин**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды; e-mail: lev.minkin@gmail.com

**София Ахметовна Моисеева**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: moisseeva@bsu.edu.ru

**Елена Ивановна Морозова**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: elena.i.morozova@gmail.com

**Валентина Григорьевна Пасынок**, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: inyaz@univer.kharkov.ua

**Анатолий Николаевич Приходько**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; e-mail: apykhod@rambler.ru

**Виктория Афанасьевна Самохина**, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: englishphilology.karazin@yahoo.com

**Елена Александровна Селиванова**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: oselivanova@ukr.net

**Геннадий Геннадьевич Слышкин**, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия); e-mail: ggsl@yandex.ru

**Людмила Васильевна Солощук**, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: lsolo@ukr.net

**Маргарет Фриман**, доктор философии, почетный профессор Вэлли Колледжа (г. Лос-Анжелес), со-директор Мэрифилд института когнитивности и гуманитарных наук (г. Хит, США); e-mail: freemamh@lavc.edu

**Наталья Чабан**, доктор философии, доцент, зам директора национального центра европейских студий университета Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия, e-mail: natalia.chaban@canterbury.ac.nz

**Валерия Евгеньевна Чернявская**, доктор филологических наук, профессор, научный директор института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

## РЕКОМЕНДАЦИИ АВТОРАМ ЖУРНАЛА «КЖД»

Редакционная коллегия сборника научных трудов, формируемого на факультете иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, принимает к рассмотрению статьи докторов и кандидатов наук, представляющие законченные исследования в области филологии и имеющие целью ознакомления научной общественности с важными методологическими и методическими проблемами изучения когниции, коммуникации, дискурса. Сборник распространяется в сети Интернет дважды в год.

**1.** Материалы принимаются в объеме не менее 0,5 авторского листа (10 стр.) на русском или английском языке в текстовом редакторе Microsoft Word 97-2003 (.doc), шрифт Times New Roman, размер шрифта 12, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,25 см, поля: слева и справа – 2 см, сверху и внизу – 2,5 см. В левом углу указывается УДК. По центру заглавными буквами жирным шрифтом пишется название статьи. На следующей строке по центру указываются инициалы и фамилии авторов, в скобках – город, страна.

**2.** Далее 11 кеглем приводятся аннотации на русском и украинском языках. В соответствии с рекомендациями по оформлению статей научных журналов для включения в зарубежные индексы цитирования структура аннотации повторяет структуру статьи, однако, предмет, тема и цель работы указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи. Текст резюме должен быть максимально информативен, не повторять формулировки в названии статьи, не содержать вводных предложений, типа «В статье автор рассматривает...». Результаты работы представляются максимально точно и информативно. При этом предпочтение отдается новым результатам, и данным долгосрочного значения, важным открытиям и выводам, которые опровергают или дополняют существующие теории. Разрозненные положения в тексте должны логично вытекать одно из другого. Допускаются только общеизвестные аббревиатуры, либо дается расшифровка авторских аббревиатур при первом их употреблении. Объем аннотации – минимум 100 слов (670 знаков / 770 знаков с пробелами). В конце аннотации с новой строки после фразы жирным шрифтом с абзацным отступом «Ключевые слова» в алфавитном порядке перечисляются основные понятия из статьи (в единственном числе). Не рекомендуется приводить термины, не употребленные в аннотации.

**3.** Затем – аналогичная (близкий перевод) аннотация на английском языке (11 кегль). Такая аннотация является, практически, единственным источником, на основании которого иностранный читатель может составить представление о сути и ценности статьи, поэтому главными требованиями к ней являются: информативность (отсутствие общих и вводных фраз), оригинальность (не «калькированный» перевод аннотации на русском языке), содержательность (отражение основного содержания статьи и результатов исследований), структурированность (следование логике аргументации статьи), аутентичность (качественный английский язык), компактность. В тексте авторского резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций. Рекомендуется включение в аннотацию следующих структурных компонентов: Purpose (цели и задачи исследования), Results (результаты и выводы) и Discussion (практическое значение и перспективы). Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «более того», «например», «в результате» и т.д. («consequently», «moreover», «for example», «the benefits of this study», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. "The study tested", но не "It was tested in this study" (частая ошибка российских аннотаций).

В конце после фразы жирным шрифтом с абзацным отступом «Key words» в алфавитном



порядке перечисляются основные термины, употребляемые в статье. Желательно употребление терминологии, общепринятой в мировой науке. См. рекомендации зарубежных издательств (Emerald Publishing, <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

**4. Структура статьи** после аннотаций различается для эмпирической и теоретической статей.

**4.1. Эмпирическая статья (Empirical/Case Study)** – это представление результатов экспериментального исследования, иллюстрации выявленной проблемы; анализ способов решения проблемы; обоснование необходимости исследований в какой-либо сфере. Структура эмпирической статьи, как правило, включает разделы:

Аннотация эмпирического исследования должна отражать: проблема исследования; его гипотезу; полное описание выборки; основные особенности методологии и метода исследования; краткое описание полученных результатов, их надежности и сферы применения.

1. Введение (Introduction): постановка и обоснование проблемы, анализ последних исследований и публикаций; выявление нерешенных проблем и предложение пути их решения; актуальность исследования; определение цели (теоретической и практической) и гипотезы исследования; описание хода изложения материала в статье.

2. Методология исследования (Methods) – описание степени разработанности проблемы в научных публикациях; методологических основ и методов, процедуры проведения исследования; описание выборки; возможные погрешности результатов. Этот раздел призван дать четкое представление об объективности полученных результатов.

3. Результаты исследования (Results) – описание результатов (с иллюстрациями, таблицами, которые нумеруются и снабжаются названием) и их анализ. Этот раздел статьи можно дополнительно структурировать на подразделы. Результаты проведенного исследования оформляются в виде списков.

4. Обсуждение и дискуссия (Discussion) – интерпретация полученных результатов; их сравнение с аналогичными результатами других исследований по тематике статьи; предложения по применению собственных выводов; предложение дальнейших направлений исследований. Этот раздел всегда насыщен ссылками. Задача автора – подготовить в дискуссионной части статьи обоснованную поддержку всем выводам, которые он планирует сделать по результатам исследования.

5. Выводы (Conclusions) – важнейшая часть статьи, краткое изложение тезисов, которые автор предлагает на профессиональное обсуждение по результатам проведенного исследования, имея целью показать важность своего исследования и его перспективы.

Благодарность (факультативный раздел) выражается ученым, коллегам, друзьям, помогавшим в работе, а также спонсорам, грантодателям и т.д.

**4.2. Теоретическая статья (Theoretical article)** – статья, в которой на основе существующей литературы разрабатываются имеющиеся / выдвигаются новые теоретические положения: анализ развития теории и уточнению теоретических конструктов; представлением новой теории; анализ уже существующей теории (например, рассмотрения ее недостатков); сравнении нескольких теорий, демонстрации преимуществ одной теории по сравнению с другой. Структура такой статьи зависит от ее содержания. Эмпирические данные вводятся, если они важны для решения теоретической проблемы.

Структура теоретической статьи, как правило, включает разделы:

Аннотация для теоретической статьи должна описывать: как теория или модель работает; принципы, на которых она основана; основные особенности представленной теории / метода какие явления она учитывает и объясняет; ее надежность и связи с эмпирическими результатами.

Введение (Introduction). Постановка проблемы; актуальность исследования; краткий анализ последних исследований и публикаций для выделения нерешенных ранее частей

общей проблемы, которым посвящается данная статья; определение цели, задач (как правило, нескольких) (Aims / tasks / objectives).

В основной части (под соответствующим теме названием) статья может иметь дальнейшие подразделы (Sections and subsections). Как правило, она начинается с детального изложения и всестороннего анализа известных результатов и теорий. Далее приводится нужное количество подразделов, отражающее ответы на каждый поставленный автором вопрос и и дискуссию с обоснованием полученных результатов. При необходимости свои доводы автор подкрепляет нумерованными примерами, таблицами, рисунками.

Выводы (Conclusions) суммируют полученные результаты и дают ответы на все поставленные ранее вопросы (в соответствии с целью и заданиями статьи). Намечаются конкретные перспективы дальнейших исследований в этом направлении.

Благодарность (факультативный раздел) выражается ученым, коллегам, друзьям, помогавшим в работе, а также спонсорам, грантодателям и т.д.

**4.3.** Перечень обязательных элементов любой статьи включает:

**Введение** (Introduction), **актуальность, цель, задачи** (Aims / tasks / objectives) исследования, его **объект, предмет, материал, подзаголовки** статьи (Sections and subsections), **выводы** (Conclusions) и **перспективы** исследований в этом направлении.

Все структурные элементы необходимо выделять полужирным шрифтом.

Примеры и их перевод выделяются *курсивом*, нужное в них подчеркивается. Подразделы, важнейшие понятия даются жирным шрифтом; авторы могут использовать подчеркивание. Растяжка шрифта, постраничные сноски в электронных изданиях не допускаются. При необходимости возможны примечания после текста статьи перед списком литературы.

Рекомендуемое среднее число ссылок в статье составляет 10 – 30 публикаций (аналогично SCOPUS). Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Leech 1985: 373].

**5.** В конце статьи приводится список литературы.

**5.1.** Для русскоязычной статьи **ЛИТЕРАТУРА** (заглавными буквами полужирным шрифтом без двоеточия в конце) дается как список со сплошной нумерацией в алфавитном порядке, где по требованиям ДАК Украины публикации размещаются сначала те, что написаны в кириллице (см. 5.1), затем – на латинице и других языках. Тире и дефис различаются.

Пример:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Смушинська І.В. Модальність французького художнього тексту: типи та засоби вираження : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.05 / І.В. Смушинська. – К., 2003. – 478 с.
3. Карпова Е.В. Стратегии вежливости в современном английском языке (на материале малоформатных текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е.В. Карпова. – СПб, 2002. – 17 с.
4. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова – М.: АСТ: «Восток – Запад», 2007. – 314 с.

**5.2.** Для статьи, написанной по-русски, список литературы приводится дважды: сначала **ЛИТЕРАТУРА**, затем ее дублирование в латинице REFERENCES. Для статьи, написанной по-английски или на другом европейском языке, дается только REFERENCES.

После слова **REFERENCES** (заглавными буквами полужирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится нунумерованный алфавитный список всех источников по образцу APA style 6<sup>th</sup> (порядок авторов в двух списках может быть разным в соответствии с конкретным алфавитом).

Оформление транслитерированной библиографии по стандарту APA style 6<sup>th</sup> edition.

При перечислении нескольких авторов перед фамилий последнего ставится знак & после запятой.

В названии журнала после запятой том приводится курсивом, номер выпуска в скобках – ровно, например: *10* (2)

Названия журналов, издательств транслитерируются латиницей и не переводятся.

#### **Для изданий на восточнославянских языках:**

##### Статья:

Shevchenko, I.S., & Morozova, Ye.I. (2003). Diskurs kak myslekomunikativnoe obrazovanie [Discourse as a mental and communicative phenomenon]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina*. – *V.N. Karazin National Univ. Messenger*, 586, 33–38 (in Russian)

##### Электронный источник:

Zagurenko, A.A. (2002). Ekonomicheskaya optimizatsia [Economic optimization]. *Neftyanoe khozyaistvo – Oil Industry*, 11. Available from: <http://www.opus>

##### Материалы конференции:

Zagurenko, A.A. (2002). Osobennosti proektirovaniya [Features of design]. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma: *Novye tekhnologii – Proceedings from 6th Int. Symposium: New technologies*. Kyiv, 267-272 (in Russian).

##### Книга:

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomicheskaya optimizatsia [Economic optimization]*. Kyiv: Nauka Publ.

##### Диссертация:

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomichna optymizatsia. [Economic optimization]*. Unpublished candidate dissertation, National Teachers' Training University of Ukraine, Kyiv, Ukraine. (in Ukrainian).

##### Автореферат диссертации (сокращения: dokt./ kand.):

Zagurenko, A.A. (2002). *Ekonomichna optymizatsia. [Economic optimization]*. Unpublished candidate dissertation synopsis, National Teachers' Training University of Ukraine, Kyiv, Ukraine. (in Ukrainian)

Транслитерирование названий статей рекомендуется делать автоматически на сайте <http://www.translit.ru> (для русского языка).

#### **Для изданий на иностранном европейском языке**

##### Книга одного автора:

Lakoff, G. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press.

##### Книга БЕЗ автора, под редакцией:

Lakoff, G. (Ed.). (1980). *Title of the book*. Chicago: Chicago University Pres.

##### Книга нескольких авторов:

Jung, C., & Franz, M. (1964). *Man and his symbols*. New York: Doubleday Publ.

##### Статья:

Author, A.A., Author, B.B., & Author, C.C. (2005). Title of the article. *Title of the journal*, 10 (2), 49-53.

Глава в книге:

Shuman, A. (1992). Entitlement and authoritative discourse. In: J.H. Hill, & J.T. Irvine (Eds.). *Responsibility and evidence in oral Discourse* (pp. 135–160). Cambridge and New York: Cambridge University Press.

Обязательно указывать идентификаторы DOI для тех источников, где они есть, например:

Brownlie, D. (2007). Toward effective poster presentations. *European Journal of Marketing*, 41, 1245-1283. doi:10.1108/03090560710821161

Транслитерированную часть названий статей во избежание ошибок рекомендуется делать автоматически на сайтах <http://translit.kh.ua/> (для украинского языка) и <http://www.translit.ru> (для русского), а затем переносить в текст библиографии.

6. В конце статьи после библиографии дается информация об авторе (10 кегль) на русском и английском (транслитерация) языках: ФИО (полностью), степень и звание автора, место работы (полное название так, как оно дано на сайте, и почтовый адрес организации) город, страна, электронный адрес для корреспонденции.

7. Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течение двух недель после их получения.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Міжнародний електронний збірник наукових праць. 2016, № 12

Напрямок “Філологія”

Російською, українською, англійською, німецькою, французькою, армянською, мовами

Комп’ютерне верстання

Л.П. Зябченко

Комп’ютерна підтримка сайту

В.О. Шевченко

61022, м. Харків, майдан Свободи, 4  
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

---

Надруковано: ХНУ імені В. Н. Каразіна  
61022, м. Харків, майдан Свободи, 4,  
тел.: 362-01-52  
Свідоцтво суб’єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.09.